

2599

Алексѣй Н. Толстой

ХРОМОЙ
БАРИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН-ПЕТЕРБУРГ-МОСКВА
1923

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ Н. ТОЛСТОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Э. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА

1923

АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

ХРОМОЙ БАРИНЪ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1923

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten

Copyright 1923 by Count Alexis N. Tolstoy. Berlin

ЛУННЫЙ СВѢТЪ

Съ престола ледяныхъ громадъ,
Родныхъ высотъ изгнанникъ вольный,
Спрядаетъ вольный водопадъ
Въ тѣснинный мракъ и плѣнь юдольный,
А облако, назадъ — горѣ —
Путеводимое любовью,
Какъ агнецъ, жертвенною кровью
На свѣжяномъ рдѣетъ алтарѣ.

(*Вячеславъ Ивановъ «Кормчія Звѣзды»*).

I.

Къ полуночи луна, взойдя надъ Колыванью, посвѣтила съ лѣвой стороны въ неровныя стекла избъ, направо погнала густыя тѣни по притоптанному гусиному щавелю улицы и задвинулась заблудившимся въ ночномъ небѣ облакомъ въ то время, какъ вдоль села мчалась во весь духъ тройка, съ подвязаннымъ колокольчикомъ, впряженная въ откидную коляску.

Еще не пѣли пѣтухи, а собаки уже перестали брехать, и только въ избѣ, съ краю села, сквозь щели ставень желтѣлъ свѣтъ.

У избы этой надъ двухскатной покрышей воротъ торчалъ шестъ съ обручемъ, обвязаннымъ сѣномъ, издалека указывая путнику постоянный дворъ. За избой далеко разстилалась ровная, сѣрая отъ луннаго свѣта, степь, куда и уносились взмыленная тройка, съ четкимъ, гулкимъ въ ночной тишинѣ, галопомъ пристяж-

ныхъ и валкой, уходистой рысью коренника. Человѣкъ, сидящій въ коляскѣ, поднялъ трость и тронулъ кучера. Тройка осѣла и стала у постоялаго двора.

Человѣкъ снялъ съ ногъ пледъ, взялся за скобу козелъ и, прихрамывая, пошелъ по травѣ къ низкому крылечку. Тамъ, обернувшись, онъ сказалъ негромко:

— Ступай. На разсвѣтѣ пріѣдешь.

Кучеръ тронулъ вожжами, и тройка унеслась въ степь, а человѣкъ взялся за кольцо двери, погромѣлъ имъ и, словно въ раздумьи, прислонился къ ветхому столбику крылечка. Его узкое лицо было блѣдно, подъ длинными глазами — тѣни, вьющаяся, небольшая борода оставляла голымъ подбородокъ. Онъ медленно стянулъ съ правой руки перчатку и постучалъ во второй разъ.

По скрипящимъ доскамъ сѣней послышались босые шаги, дверь пріоткрылась, потомъ распахнулась быстро, и на порогъ стала молодая баба.

— Алешенька! — сказала она радостно и взволнованно, — а я и не ждала тебя. — Она несмѣло коснулась его руки и поцѣловала въ плечо.

— Принимаешь, Саша? — спросилъ онъ, — я къ тебѣ до утра. — И, кивнувъ головой, онъ вошелъ въ залитыя луннымъ свѣтомъ сѣни. Саша шла впереди, оборачиваясь и открывая улыбкой на свѣжемъ и красивомъ лицѣ своемъ бѣлые зубы.

— Я видѣла, какъ ты о полдень проѣхалъ по селу. Навѣрно, подумала, къ барину Волкову. Тамъ тебя и ночевать оставятъ, а ты вотъ какъ, батюшка, ко мнѣ прибылъ...

— У тебя никто не спитъ изъ пріѣзжихъ?

— Нѣтъ, никого нѣтъ, — отвѣтила Саша, входя въ лѣтнюю, досчатую горницу, — мужики съ возами оста-

новились, только всѣ спать на волѣ, — и она сѣла на широкую, покрытую доскутнымъ одѣяломъ кровать, и нѣжно улыбнулась. Свѣтъ мѣсяца, пробираясь въ горницу черезъ небольшое окошко, освѣтилъ Сашино лицо съ приподнятыми углами губъ, высокую шею въ вырѣзѣ чернаго сарафана, и на груди шевелившуюся нитку янтарныхъ бусъ.

— Принеси вина, — сказалъ вошедшій. Онъ стоялъ въ тѣни, держа шляпу и трость. Саша проворно соскочила и ушла. А онъ легъ на кровать и закинулъ за голову руки. Понемногу лицо его сморщилось, исказилось. Онъ повернулся на бокъ и, охвативъ подушку, сунулъ въ нее голову.

Саша вернулась, неся небольшой столикъ, покрытый салфеткой, на него она поставила двѣ бутылки, — одну съ виномъ, другую со сладкой водкой, поднялась по лѣсенкѣ въ чуланъ и вынесла оттуда на тарелкѣ орѣхи, пряники, изюмъ; двигалась она быстро и легко, переходя изъ луннаго свѣта въ тѣнь. Лежавшій приподнялся на локтѣ и сказалъ:

— Поди сюда, Саша. — Она сейчасъ-же сѣла въ ногахъ его, на кровать. — Скажи — если бы я тебя обидѣлъ, страшно-бы обидѣлъ? Простишь?

— Воля твоя, Алексѣй Петровичъ, — помолчавъ, дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Саша, — а за твою любовь — благодарю покорно. — Она отвернулась и вздохнула.

Алексѣй Петровичъ, князь Краснопольскій, долго старался въ темнотѣ разобрать лицо Саши, потомъ сказалъ тихо, точно лѣниво:

— Все равно — ты ничего не поймешь. Рада, что я пріѣхаль, а не спросила — откуда, и почему я у тебя здѣсь лежу? ... А то, что я у тебя лежу сейчасъ, — отвратительно... Да, ужасно, Саша, гнусно.

— Что ты, что ты! — проговорила она испуганно, — если бы я тебя не любя принимала.

— Поди, ближе. Вотъ такъ, — продолжалъ князь и обхватилъ Сашу за полныя плечи, — я и говорю — ты ничего не понимаешь, и не старайся. Послушай, нынче вечеромъ я до-сыта съ однимъ человѣкомъ наговорился. Хорошо было, очень.

— Съ барышней Волковой?

— Да, съ ней. Вотъ, такъ, — сидѣлъ близко къ ней, и голова у меня кружилась больше, чѣмъ отъ твоего вина. Знаешь, какъ во снѣ покажется, что тебя нѣжно кто-то погладить, такъ и я о ней, словно во снѣ, вспоминаю. Сейчасъ ѣхалъ оттуда, и мнѣ казалось, будто совсѣмъ все у меня хорошо и благополучно. А, когда въѣхалъ въ Колывань, подумалъ, — стоитъ только остановить лошадей у твоего крыльца — и все мое благополучіе полетитъ къ чорту. Теперь понимаешь? Нѣтъ? Нельзя мнѣ къ тебѣ заѣзжать. Хотя бы ты мнѣ отравы какой-нибудь дала, что-ли.

Сашины руки упали безъ силъ, она опустила голову.

— Жалѣешь ты меня, Саша? Да? — спросилъ князь, привлекъ ее и поцѣловалъ въ лицо, но она не раскрыла глазъ, не разомкнула губъ, какъ каменная.

— Перестань, — прошепталъ онъ, — я съ тобой шучу. — Тогда она заговорила отчаянно:

— Знаю, что шутишь, а, все-таки, вѣрю. Зачѣмъ же мучаешь? Вѣдь въ душѣ у меня живого мѣста не осталось. Знаю — изъ милости любишь. Баба я, какой мой вѣкъ, какое ужъ мнѣ счастье!

За стѣной, въ это время, громко закричалъ пѣтухъ. Лошадь, спросонья, ударила въ доску. Понемногу, въ утреннемъ, слабомъ свѣтѣ яснѣе стало видно худое

лицо князя. Большіе глаза его были печальны и серьезные, на губахъ — застывшая усмѣшечка.

Саша долго глядѣла на него, потомъ принялась цѣловать князю руки, плечи и лицо, ложась рядомъ и согрѣвая его сильнымъ своимъ, взволнованнымъ тѣломъ.

II.

На другой сторонѣ села, за плетнемъ, посреди заросшаго бурьяномъ дворика, въ новой избѣ, на полатяхъ, лежалъ докторъ Заботкинъ.

Снизу была видна только его голова, упертая въ два кулака подбородкомъ, на которомъ росли прямые, рыжіе, волосы. Такія же космы во всѣ стороны, начиная съ макушки, падали на лобъ и глаза, круглое лицо было неумыто и припухло отъ сна.

Докторъ Григорій Ивановичъ Заботкинъ, прищуря глазъ, сплевывалъ внизъ съ полатей, стараясь попасть въ сучокъ на полу.

Напротивъ, въ простѣннѣхъ подъ жестяной лампой, сидѣлъ на лавкѣ попикъ небольшого роста, тихій и умирительный, съ просѣдью въ темной косицѣ. Рукава его подрясника были засалены и смяты, какъ у гармоникки; запустивъ въ нихъ пальцы, о. Василій морщился и молчалъ, глядя, какъ докторъ плюется.

— Въ три года во что себя человѣкъ обратилъ, — сказалъ, наконецъ, о. Василій.

— А что, не нравится? — лѣнливо отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — а у меня съ дѣтства такая привычка, — когда очень скучно — залѣзу въ тѣсное мѣсто и плююсь. Не нравится — не глядите. У меня даже излюбленное мѣстечко было — подъ амбаромъ, гдѣ мягкая травка росла. Тамъ наша собака посто-

янно ценилась. Щенята — теплые, молокомъ отъ нихъ пахнетъ, собака ихъ лижетъ, — они скулятъ. Хорошо быть собакой, честное слово.

— Дуракъ ты, Григорій Ивановичъ, — помолчавъ нѣкоторое время, сказалъ о. Василій, — я лучше уйду.

— Вы, о. Василій, не имѣете права уходить, пока не доставите мнѣ душевнаго облегченія, вамъ за это правительство деньги платить.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать восемь.

— Университетъ окончилъ, года молодые, занятіе свѣтское, я бы на твоёмъ мѣстѣ весь день смѣялся. А ты, эхъ! Ну, куда ты годенъ съ твоими идеями? Лежишь и плюешься.

— У меня, о. Василій, идеи были замѣчательныя. — Григорій Ивановичъ повернулся на спину, вытянулъ съ полатей руки, хрустнулъ пальцами и зѣвнулъ. — Вотъ, къ водкѣ я привыкнуть не могу. Это вѣрно.

— Эхъ! — сказалъ о. Василій, аккуратноенько досталъ изъ подрысника жестяной портсигаръ, чиркнулъ спичкой, по привычкѣ зажигать на вѣтру подержалъ ее между ладонями — шалашикомъ, закурилъ и, пока-тавъ въ пальцахъ, бросилъ подъ лавку. — Ну, вотъ, повѣрь — была бы въ селѣ другая, кромѣ тебя, интеллигенція, нипочемъ бы не сталъ ходить къ тебѣ.

Подобные разговоры происходили между докторомъ и о. Васи́лемъ постоянно, начиная съ весны, когда сторѣла колыванская больница; Григорій Ивановичъ передалъ тогда всѣ дѣла фельдшеру, и сидѣлъ въ избѣ, нанятой земствомъ на время, покуда не построятъ новую больницу.

Три года назадъ Григорій Ивановичъ былъ назначенъ на первое свое мѣсто въ Колывань. Сгоряча, онъ

принялся развѣзжать по деревнямъ, лѣчить и даже помогать деньгами. Таскаясь въ распутицу по разбухшей, навозной дорогѣ, или насквозь продуваемый ледянымъ вѣтромъ въ январьскую ночь, когда мертвая луна стоитъ надъ мертвыми снѣгами; заглядывая въ тѣсныя избы, гдѣ кричатъ шелудивые ребятишки; угорая въ черныхъ баняхъ, подъ горой, отъ воплей роженицы и ѣдкаго дыма; посылая отчаянныя письма въ земство съ требованіемъ лѣкарствъ, врачебной помощи и денегъ; видя, какъ все, что онъ ни дѣлаетъ, словно проваливается въ бездонную пропасть деревенскаго раззоренія, нищеты и неустройства, — почувствовалъ, наконецъ, Григорій Ивановичъ, что онъ — одинъ съ банкой касторки на участкѣ въ шестьдесятъ верстъ, гдѣ моромъ мрутъ ребятишки отъ скарлатины и взрослые отъ голоднаго тифа, что, все равно, ничему этой банкой касторки не поможешь, и не въ ней дѣло. Въ это время сгорѣла больница, онъ шваркнулъ касторку объ землю и полѣзъ на полаты.

О. Василій, на глазахъ котораго выматывался, такимъ образомъ, третій докторъ, очень жалѣлъ Заботкина, забѣгалъ къ нему каждый почти день, стараясь, какъ-нибудь, — папирочкой или анекдотцемъ, — ужъ не утѣшить, какое тамъ утѣшеніе, когда отъ человѣка осталась одна копотъ, — а хотъ на часокъ размѣшить: все-таки посмѣется.

Окончивъ зѣвать, Григорій Ивановичъ повернулся опять на животъ, спустилъ руку и попросилъ покурить.

— Сегодня табачокъ у Курбенева купилъ, — сказалъ на это о. Василій и, ставъ подъ полатами на цыпочки, поднялъ портсигаръ, нажавъ у него потайную пружину.

Григорій Ивановичъ хотя и зналъ, что портсигаръ этотъ „фармазонный“, — съ фокусомъ, — сдѣлалъ

видъ, что не помнитъ, и потянулъ фальшивое дно, гдѣ папирось не было...

— Что, получилъ папирсы „фабрики Чужого“, — засмѣялся о. Василій, очень довольный шуткой — ну, кури, кури. А я, знаешь, сегодня у Волкова былъ.

— Говорять, звѣрь, страшная скотина, твой Волковъ.

— Совершенная неправда! Мало что болтають. Отличный человекъ, а живетъ... Вотъ бы ты, Григорій Ивановичъ, посмотрѣлъ хорошенько на такихъ людей — не валялся бы тогда на полатахъ. А дочка его, Екатерина Александровна, повѣрь мнѣ, замѣчательная красавица, благословенное твореніе Божіе... Былъ бы я живописцемъ — Марію бы Магдалину съ нея написалъ, когда она передъ женихомъ усмѣхается.

— Какъ это такъ, — усмѣхается передъ женихомъ? — внезапно перебилъ Григорій Ивановичъ.

— Развѣ ты этого не слыхалъ? Великіе живописцы всегда эту усмѣшку отмѣчали въ своихъ твореніяхъ. Дѣвица, дѣвственница, сосудъ любви и жизни, постоянно, какъ бы видя около себя ангела, указующаго перстомъ на ея чрево, — дивно усмѣхается. Я это тебѣ не шутя говорю. А ты не смѣйся.

О. Василій поднялъ брови и курилъ, пуская дымъ изъ носа, потомъ сказалъ: — да, такъ вотъ какъ, — вздохнулъ, помолчалъ и ушелъ.

Но Григорій Ивановичъ совсѣмъ не смѣялся. Втянувъ на полати голову, онъ лежалъ тихо; закрылъ глаза, стиснулъ челюсти, потому что не даромъ было ему всего двадцать восемь лѣтъ, и могли еще его, какъ громъ, поражать нечаянныя слова о дѣвичьихъ усмѣшкахъ.

III.

Сіяеть въ темно-темно синемъ небѣ лунный свѣтъ, и, кажется — конца не будетъ ему, — забирается сквозь щели, сквозь закрытыя вѣки, въ спальни, въ клѣтки, въ норы звѣрей, на дно пруда, откуда выплываютъ очарованныя рыбы и касаются круглымъ ртомъ поверхности водъ.

Той-же ночью луна стояла надъ утоптаннымъ копытами берегомъ пруда, который вышелъ свѣтлымъ крыломъ изъ густой чащи волковскаго сада.

У воды, въ травѣ, на полушубкѣ лежалъ широкоплечій, бородатый конюхъ, опираясь на локоть; конюшенокъ неподалеку дремалъ въ сѣдлѣ, сивый конекъ его, спросонокъ, моталъ головой и брякалъ удилами. По низкому лугу, среди высокихъ репейниковъ и полыни, паслись лошади; жеребята лежали, касаясь мордой вытянутой ноги.

Вдоль берега, отъ высокихъ ветель плотины, медленно шель старичокъ въ кафтанѣ. Дойдя до конюха, онъ остановился и долго не то смотрѣлъ, не то слушаль...

— Да, ночь теплая, — сказалъ старичокъ. Конюхъ спросилъ лѣнливо:

— Что ты все бродишь, Кондратій Ивановичъ, — безпокоишься?...

— Брожу, не спится.

— Все думаешь?

— Думается, да... Вѣдь я по этимъ мѣстамъ, какъ въ колесѣ, всю свою жизнь прокрутился, по дому, да вокругъ; землю-то до камня протеръ... Они и тянутъ, — старые слѣды. Помирать, что ли, время?

— На покой тебѣ нужно, Кондратій Ивановичъ, на пенсію.

— А тутъ еще баринъ давеча очень расшумѣлся, — въ пол-голоса продолжалъ Кондратій. — Князь-то опять въ сумерки пріѣвжалъ. Коляску оставилъ за прудомъ и, какъ воръ, на лодкѣ подѣхалъ къ бесѣдкѣ, и съ барышней — разговоръ... Такой влипчивый, прямо опасный.

— На то онъ и князь, Кондратій Ивановичъ, это мы съ тобой нанялись, продались да помалкиваемъ, а онъ что хочеть, то и творить. Сказывали, онъ, какъ гостей провожать, изъ пушки стрѣляетъ.

— Не то противно, а зачѣмъ онъ ѣздитъ и не сватается. На барышнѣ нашей лица вѣдь нѣтъ...

Кондратій Ивановичъ замолчалъ. Конюхъ, приставъ на полушубкѣ, взглянулъ и крикнулъ:

— Мишка, не спи, кони ушли!

Конюшенокъ очнулся въ сѣдлѣ, дернулъ головой и зачмокалъ, замахалъ кнутомъ; сивая лошадь шагнула и стала, опустивъ шею; и опять задремала и она и конюшенокъ: такая теплая и тихая была ночь.

Постоявъ, помолчавъ, проговоривъ многозначительно: „Да-съ, такъ-то вотъ оно все“, — Кондратій побрелъ обратно къ саду.

Старая ветла, разбитая грозой, плетень, канава съ лазомъ черезъ нее, дорожки, очертанія деревьевъ, — все это было знакомо и все, словно ключиками, отмыкало старыя воспоминанія о тяжеломъ и о легкомъ, хотя, если припомнить хорошенько, то легкаго въ жизни было, пожалуй, и немного.

Кондратій служилъ камердинеромъ при Вадимѣ Андреевичѣ и при Андреѣ Вадимычѣ, и помнилъ самого Вадима Вадимыча Волкова, о которомъ Кондратій даже во снѣ вспоминать боялся, — такой былъ онъ усатый и ужасный, не зналъ удержу буйствамъ, и для униженія мелкопомѣстныхъ дворянъ держалъ особенна-

го—дерзкаго шута, Рѣшето, и дурку; отъ нихъ-то и произошелъ Кондратій, получивъ съ рожденія страхъ ко всѣмъ Волковымъ и преданность.

Вадимъ Андреевичъ, отецъ теперешняго Александра Вадимыча — былъ большой любитель почитать и пописывать, издалъ даже брошюру для крестьянъ, подъ названіемъ: „Добродѣтельный труженикъ“, но былъ рѣшительно противъ отмѣны крѣпостного права, и однажды, приказавъ привести въ комнаты кривого Федьку-пастуха, усадилъ его на шелковый диванъ, предложилъ сигару и сказалъ: „Теперь вы, Федоръ Ивановичъ, самостоятельная и свободная личность—привѣтствую васъ, можете идти куда хотите, но, если желаете у меня служить — то распорядитесь, будьте добры, и васъ въ послѣдній разъ высѣкутъ на конюшнѣ“. Федька подумалъ и сказалъ: „Ладно“.

При отцѣ Вадима Андреевича, — Андреѣ Вадимычѣ, — Кондратій началъ служить казачкомъ. Баринъ былъ сырой, скучливый, любилъ ходить въ баню и тамъ часто напивался, сидя вмѣстѣ съ гостями на свѣжей соломѣ, нагишомъ.

Теперешній, Александръ Вадимычъ Волковъ, былъ уже не тотъ, — мельче, да и выросъ онъ на дворянскомъ гоненіи, когда нельзя уже было развернуться во всю ширь.

И не то, что не боялся Кондратій Александра Вадимыча, а недостаточно уважалъ, и былъ привязанъ только, но зато всею душой, къ дочкѣ его Катюшѣ, первой красавицѣ въ уѣздѣ.

Перейдя плотину, Кондратій спустился въ оврагъ, перелѣзъ черезъ плетень и побрелъ по сыровой и темной аллеѣ.

Въ саду было тихо, только птица иногда ворочалась и опять засыпала въ липовыхъ вѣтвяхъ, да нѣжно и

печально охали древесныя лягушки, да плескалась рыба въ пруду.

Овальнѣй прудъ обступили кольцомъ старыя ветлы, такія густыя и поникшія, что сквозь ихъ зелень не могъ пробиться лунный свѣтъ, — игралъ далеко на еерединѣ пруда, гдѣ въ скользящей, стеклянной зыби плавала не то утка, не то граченочъ еле держался на распластанныхъ крыльяхъ, — нахлебался воды.

Дойдя до конца аллеи, Кондратій заглянулъ налѣво, туда, гдѣ надъ прудомъ стояла кривая отъ времени бесѣдка, сейчасъ вся въ тѣни.

Вглядываясь, онъ различилъ женскую фигуру въ бѣломъ, большомъ платкѣ, облокотившуюся о перила. Подъ ногой Кондратія хрустнулъ сучокъ, женщина быстро обернулась, проговоривъ:

— Это вы? вернулись?

— Это я, Катенька, — покашлявъ, сказалъ Кондратій и двинулся къ мосткамъ...

Екатерина Александровна легко по доскамъ сошла на берегъ, до подбородка закутанная къ пуховой платокъ, постояла передъ Кондратиємъ и сказала:

— Ты тоже не спишь? А у меня столько комаровъ налетѣло въ комнату — не могла заснуть. Проводи меня.

— Комары комарами, — замѣтилъ Кондратій строго, — а на пруду по ночамъ дѣвицѣ одной неудобно сидѣть...

Катенька, шедшая впереди, остановилась:

— Что за тонъ, Кондратій!

— Такъ, тонъ. Александръ Вадимычъ пушилъ меня, пушилъ сегодня утромъ, и за дѣло: развѣ мыслимо это, по ночамъ прогуливаться, сами понимаете...

Катенька отвернулась, вздохнула и опять пошла, задѣвая краемъ платья сырую траву.

— Ты папѣ ничего не рассказывай про сегодняшнее, голубчикъ, — вдругъ прошептала она, и губами коснулась сморщенной щеки Кондратія...

Онъ довелъ барышню до балкона, съ котораго поднимались шесть кое-гдѣ облупленныхъ колоннъ, наверху синевато-бѣлыхъ отъ луннаго свѣта; подождалъ, пока зашла въ домъ Екатерина Александровна, покашлялъ и повернулъ за уголъ къ небольшому крылечку, гдѣ была его каморка, съ окномъ въ кусты.

И только что онъ сѣлъ на сундукъ, покрытый кошмою, какъ по дому прокатился гнѣвный окрикъ Александра Вадимыча:

— Кондратій!...

Кондратій, по привычкѣ, перекрестилъ душку и стариковской рысью побѣжалъ по длинному коридору къ дверямъ, за которыми кричалъ баринъ.

Берясь за дверную ручку, Кондратій почувствовалъ запахъ гари. Когда-же вошелъ — то въ густомъ дыму, гдѣ желтѣлъ огонекъ свѣчки, увидѣлъ на постели Александра Вадимыча, въ одной рубахѣ, раскрытой на жирной и волосатой груди, съ багровымъ лицомъ, наклонившагося надъ глиняной корчагой, изъ которой валилъ дымъ отъ горящаго торфа. Поднявъ на Кондратія осовѣлые, выпученные глаза, Волковъ сказалъ хрипло:

— Комары заѣли. Дай квасу. — И, когда Кондратій повернулся къ двери, онъ крикнулъ: — Вотъ я тебя, мерзавецъ! Зачѣмъ на ночь окошки не затворяешь?

— Виновать, — отвѣтилъ Кондратій и побѣжалъ въ погребъ за квасомъ.

НЕОЖИДАННОЕ ЧУВСТВО

I.

Григорій Ивановичъ долго разглядывалъ на полатяхъ какія-то тряпки, мусоръ, окурки, пыль, втянулъ черезъ ноздри тяжелый воздухъ, потрогалъ болѣвшую голову и медленно, точно все тѣло его было тяжелое, безъ костей, полѣзъ внизъ, морщась и нащупывая ногами приступки въ печи.

Ставъ на полъ, Григорій Ивановичъ поддернулъ штаны и нагнулся къ осколку зеркала подъ лампой. Оттуда глянуло на него желтое, сальное лицо, савелые, мутно-голубые глаза и космы волосъ во всѣ стороны.

— Ну и харя! — сказалъ Григорій Ивановичъ, запустилъ пальцы въ волоса, откинулъ ихъ, сѣлъ къ столу, подперся и задумался.

Бываютъ такіе остатки мыслей, прибереженные на послѣдокъ, густые, какъ болотная тина, дурные, какъ гниль; если сможетъ человѣкъ ихъ вызвать изъ душевныхъ подваловъ, перенести ихъ боль и оторвать отъ себя, тогда все въ немъ словно очнется, очистится; а станетъ переворачивать, трогать ихъ, какъ больной зубъ, снова и снова дышать этой гнилью, болѣть сладкой болью омерзения къ себѣ, — тогда на такого можно махнуть рукой, потому что всего милѣе ему — дрянъ, плевокъ въ лицо.

Григорію Ивановичу очень не хотѣлось разставаться съ лежалыми своими мыслями, — за три года

накопилось ихъ очень много. Къ тому-же очень бь-
васть опасно для еще неокрѣпшаго духомъ человѣка
видѣть только больныхъ, только несчастныхъ, только
измученныхъ людей. А за три года передъ Григоріемъ
Ивановичемъ прошло великое множество истерзан-
ныхъ родами и битьемъ бабъ, почернѣвшихъ отъ водки
мужиковъ, шелудивыхъ дѣтей въ грязи, въ голодѣ и
сифилисѣ. И Григорію Ивановичу казалось, что вся
Россія такая-же истерзанная, почернѣвшая и шелуди-
вая. А, если такъ, и нѣтъ выхода, — тогда пусть все
летитъ къ чорту. И если—грязь и воняетъ, значитъ
такъ нужно, и нечего притворяться человѣкомъ, когда
ты — свинья.

— Все это такъ, и припечатано, — думалъ онъ,
помахивая передъ лицомъ тощей кистью руки. —
Жизни я себя не лишу, конечно, но вато — пальцемъ
не поведу, чтобы лучше стало. Для утѣшенія — дѣ-
вицу Волкову мнѣ приплелъ. Такъ вотъ что, отецъ
Василій, — потаскалъ бы я эту вашу дѣвицу Волкову
по сыпному тифу — посмотрѣлъ бы тогда, какъ она
станетъ „усмѣхаться передъ женихомъ“...

Григорій Ивановичъ ядовито засмѣялся, но затѣмъ
почувствовалъ, что не совсѣмъ правъ...

— Ну, скажемъ, эта барышня ничего не видѣла
и не знаетъ—тепличный фруктъ... Это еще что-то
въ родѣ оправданія... Но попь возмущаетъ меня... Да
гдѣ оно это все ваше хорошее, покажите мнѣ! Родится
въ грязи, живетъ въ свинствѣ, умираетъ съ прокля-
тіемъ... И никакого просвѣта въ этой непролазной
грязищѣ нѣтъ. И если я честный человѣкъ, то дол-
женъ честно и откровенно плюнуть въ это паскудство,
называемое жизнью. И, прежде всего, въ рожу са-
мому себѣ...

Григорій Ивановичъ, дѣйствительно, плюнулъ на

середину избы, затѣмъ повернулся къ окошку и увидѣлъ разсвѣтъ.

Этого онъ, почему-то, совсѣмъ не ожидалъ и удивился. Затѣмъ вылѣзъ изъ за стола, вышелъ на дворъ, вдохнулъ острый запахъ травы и влаги, и сморщился, словно запахъ этотъ разрушалъ какія-то его идеи. Потомъ побрелъ вдоль плетня къ луговому поему рѣчки.

Плетень, огибая съ двухъ сторонъ избу и дворикъ, сбѣгалъ къ водѣ, гдѣ росли ивы; одна стояла съ отрѣзанной верхушкой, на мѣстѣ нея торчало множество вѣтокъ, другая — низко наклонилась надъ узкой рѣчонкой.

Небо еще было ночное, а на востокѣ, у края земли, разливался нѣжный свѣтъ; въ немъ соломенные верхи крышъ и деревья выступали яснѣй и отчетливѣй.

По селу кричали пѣтухи. Откликнулся пѣтухъ и у Григорія Ивановича на дворѣ. А вѣтерокъ, острый отъ запаха травы, залетѣлъ въ иву, и листья ея, качнувшись, какъ лодочки, нѣжно зашумѣли.

— Все это обманъ, все это не важно, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ и, стоя у дерева, глядѣлъ, не отрываясь, какъ на блѣдно-золотомъ востокѣ, отъ свѣта котораго уходило ночное небо, дѣлаясь сѣрымъ, зеленымъ, какъ вода, и лазоревымъ, горѣла, невысоко надъ землей, большая звѣзда. Это было до того необычайно, что Григорій Ивановичъ раскрылъ ротъ.

Звѣзда же, переливаясь въ пламени востока, таяла, и вдругъ, загасивъ ее, поднялось за степью солнце горячимъ бугромъ.

Надъ рѣкой закурился паръ. По сизой травѣ отъ вѣтра побѣжали синеватые тѣни. Грачи закричали за рѣкой въ ветлахъ, и повсюду — въ кустахъ и въ травѣ зашѣли, зачирикали птицы... Солнце поднялось надъ степью...

Но Григорій Ивановичъ былъ упрямъ: усмѣхнулся презрительно, прищурилъ глаза на солнце и побрель обратно въ вонючую избенку.

Когда же вошелъ — желтымъ свѣтомъ на стѣнѣ горѣла жестяная лампа, все было прокурено, приспособлено для головной боли.

— Фу, чортъ, хоть топоръ вѣшай, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ и сейчасъ же вернулся на дворикъ, гдѣ, потерявъ лобъ, подумалъ, — пойти испугаться; ахъ, со мной творится неладное.

II.

Студеная вода ознобила Григорія Ивановича, и, окунувшись, съ фырканиемъ, два раза, онъ быстро одѣлся, сунулъ руки въ рукава и сѣлъ на ползучій стволъ ивы, глядя на востокъ.

Лазоревые изгибы рѣчки скрывались въ камышахъ и, вновь разливаясь по зеленому лугу, уходили за березовый лѣсъ, вдаль.

Напротивъ, на той сторонѣ, бѣлѣли, какъ комья снѣга, гуси на гусиномъ щавелѣ. Въ затуманенной паромъ водѣ ходили пескаррики, тревожа водоросли; на днѣ, у самыхъ ногъ лежала коряга, точно сомъ съ усами, котораго боялись мальчишки за то, что онъ хватается за ноги; въ камышахъ летали сѣрыя птички и посвистывали.

Григорій Ивановичъ, мелко стуча зубами, глядѣлъ на все это, а солнце уже припекало ему лицо и босые ноги.

„Конечно, это удовольствіе, — думалъ онъ, — но все это скоро кончится, все это случайное“, — онъ опустил голову и почему-то именно сегодняшняя ночь

представилась ему, какъ дурной сонъ, — лежаніе въ грязи на полатахъ, затхлый воздухъ и головная боль.

Вдругъ его испугали гуси: гогоча побѣжали они, съ гусакомъ во главѣ, къ берегу, раскинувъ бѣлыя крылья, попрыгали въ воду и поплыли, надменно поворачивая головы направо и налѣво...

Григорій Ивановичъ подавилъ вздохъ (словно душѣ его хотѣлось и нельзя было крикнуть) и сталъ глядѣть, какъ отъ рѣчки въ небо уходитъ туманъ.

Рѣка длинна, много въ ней излучинъ и заводей и отовсюду курится тонкій этотъ туманъ, собирався за лѣсомъ въ бѣлыя облака.

И, какъ солнцу встать, — поднимается изъ-за березоваго лѣса первое облако, а за нимъ по той же дорогѣ летятъ еще и еще. Словно въ гнѣздѣ, клубятся они надъ лѣсомъ; смотришь, и синее небо уже полно облаковъ; плывутъ они все въ одну сторону, медленно, какъ лебеди, зная свой недолговѣчный срокъ. По степи отъ нихъ скользятъ прохладныя тѣни; облака мѣняютъ обличья, прикидываются звѣремъ, полянкой, фигурой какой-нибудь, и такъ играютъ, пока вѣтеръ не собьетъ ихъ въ тяжелую тучу, пронизетъ ее молнія, и понесетъ она плодъ, чтобы пролить его на землю, и са- мой истаять.

— Я просто щенокъ, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ, — упрямый и лѣнтяй. А все такъ изумительно...

Не сдерживаясь болѣе, обрадовался онъ до того, что руки стали дрожать, и часто замигали глаза, пошелъ къ плетню, влѣзъ на него и принялся оглядываться, — нѣтъ ли удивительно милаго человѣка, чтобы все это ему тутъ же и рассказать.

Въ это время на улицѣ, сбоку плетня, показались мальчишки; они шаркали ногами, поднимали мягкую

пыль, подбрыкивали и ходили черезъ голову колесомъ.

За мальчишками шли, взявшись за руки, дѣвки въ ситцевыхъ сарафанахъ, въ пестрыхъ полушалкахъ. Онѣ пѣли какую-то не новую и славную пѣсню, — незнакомую.

Позади увязались парни. Одинъ изъ нихъ высокій, худой, въ драномъ армякѣ, дулъ въ тростяныя дудки, верхняя губа его надувалась пузыремъ; другой, коренастый, на кривыхъ ногахъ, въ жилеткѣ и картузѣ, растягивалъ гармонью.

Мальчишки, дѣвки и парни повернули за угловую избу и плетни; пѣсни и музыка доносились уже изда-лече; потомъ всѣ показались еще разъ, переходя вдалекѣ черезъ мостъ и скрылись за бугромъ, на которомъ торчали черныя столбы сгорѣвшей больницы.

— Изумительно, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ. — Или день сегодня такой особенный?

Къ плетню подошелъ степенный мужикъ, одѣтый въ новое и красное, безъ шапки; волосы его были помазаны; онъ взялся за колъ у плетня, сунулъ между прутьевъ сапогъ, смазанный дегтемъ, на который уже насѣла пыль и соломины, и спросилъ:

— Гуляете?

— Здравствуй, Никита, куда это они пошли? — спросилъ Григорій Ивановичъ, — развѣ сегодня праздникъ?

— Троица нынче, Троица, — отвѣтилъ мужикъ спокойно. — Эхъ, Григорій Ивановичъ, дни путать стали; дѣвки вѣнки пошли завивать.

Никита потрогалъ — крѣпокъ ли колъ стоитъ въ плетнѣ и вдругъ, раскрывъ немного ротъ, обросшій русой бородой, въ завиткахъ, глянулъ въ глаза Григорію Ивановичу.

И отъ понимающаго этого взгляда выцвѣтшихъ подъ солнцемъ глазъ мужика, отъ смуглаго его лица, отъ крѣпкаго, съ хорошимъ запахомъ, тѣла, понялъ Григорій Ивановичъ, что Никита подошелъ къ нему посмотреть на досугѣ, — каковъ такой баринъ, и какая въ немъ придурь, и сразу, взглянувъ, какъ на колесо какое-нибудь, опредѣлилъ доктора Заботкина, который ему, Никитѣ, ни съ какой стороны не нуженъ, потому что, хоть и докторъ, и читаетъ книжки, а себя опредѣлить не можетъ и никуда не годится.

Понявъ это, Григорій Ивановичъ засмѣялся.

— А у меня къ тебѣ просьбишка, — сказалъ Никита, — доѣзжай со мной къ баушкѣ, давно она помираетъ, да лошади всѣ заняты и самому не оторваться... А я бы сейчасъ добѣжалъ, запрегъ.

— Вотъ и хорошо, — воскликнулъ Григорій Ивановичъ, — сбѣгай, запряги.

Никита, дѣйствительно, живо запрегъ и подалъ къ крыльцу новую телѣгу, полную свѣжаго сѣна.

Григорій Ивановичъ съ удовольствіемъ влѣзъ на нее, сбиль подъ себя сѣно, усѣлся, скрестилъ поджатые ноги, и сказалъ:

— Знаешь, Никита, сегодня, въ самомъ дѣлѣ, праздникъ. Ты женатъ навѣрно? Жену-то любишь?

Никита поднялъ брови, чмокнулъ, и они поѣхали; сапоги его отъ толчковъ подпрыгивали у колеса; Григорій Ивановичъ, широко улыбаясь, трясся, держась ва нахлестки...

Когда телѣга съ грохотомъ проѣхала по земскому мосту, съ периль попрыгали въ осоку лягушки, и утки изъ-подъ моста бросились ихъ ловить...

— Лягушекъ-то сколько, — сказалъ Никита и подмигнулъ.

За рѣкой были выгоны и луга, а дальше — березо-

вый лѣсъ. Никита оборачивался и заговаривалъ съ докторомъ о пустякахъ, и такъ какъ Григорій Ивановичъ больше молчалъ, не задавая глупыхъ вопросовъ, Никита сталъ рассказывать ему о своихъ крестьянскихъ дѣлахъ, о томъ, что передумалъ за зиму, и вдругъ неожиданно сказалъ, прищуривъ умные сѣрые глаза:

— Крестьянствовать трудно стало нынче; все на деньги перевели; а мужика перевести на деньги — ка-кая ему цѣна — грошъ. Трудиться, выходить, не изъ-за чего. Вотъ и подумашь...

Никита нахмурился, потомъ сразу, не ожидая отвѣта, тряхнулъ головой и, вновь усмѣхаясь, показалъ кнутомъ на опушку лѣса.

Между березъ ходили дѣвки, плетя изъ вѣтокъ вѣнки; мальчишки лазили по деревьямъ, а парни лежали въ травѣ, слушая гармонию.

— Къ вечеру всѣ напьются, — сказалъ Никита, — и такіе хихи заведутъ, — одинъ грѣхъ. Раньше лучше было.

Телѣга выѣхала изъ лѣса на неширокую межу, между волнуемыхъ теплымъ вѣтромъ хлѣбовъ, отъ которыхъ пахло землей и медомъ. Облака, теперь бѣлыя и крутыя, какъ руно, видны были по всему синему небу. Дорога то уходила въ оврагъ, то вилась по откосу горы, и у края земли лежали новыя, огромныя груды бѣлыхъ облаковъ. Что въ нихъ удивительнаго? Но Григорій Ивановичъ будто не замѣчалъ раньше, а только теперъ понялъ ихъ красоту въ первый разъ.

— Посмотри, Никита, облака-то какія, — сказалъ онъ.

— Облака, дѣйствительно, — отвѣтилъ Никита, посмотрѣвъ. — Только они пустыя — за водой летятъ, а какъ обернутся съ водицей, потемнѣютъ. Вотъ на-

медни туча една съ лягушками пролетѣла... Много смѣялись.

Онъ соскочилъ на землю и пошелъ у оглоблей, помахивая вожжами, — телѣга взбиралась на песчаный откосъ.

Съ откоса открылась глазамъ Григорія Ивановича просторная равнина, исчерченная свѣтлыми, темно-зелеными и желтыми квадратами хлѣбовъ, и два серебряныхъ крыла пруда, словно вѣнкомъ окаймленнаго ветлами; по эту сторону — деревня; а за прудомъ садъ, и въ кудрявыхъ деревьяхъ — красная крыша дома...

— Волково, — сказалъ Никита, показавъ кнутовищемъ.

И Григорій Ивановичъ почувствовалъ, какъ теплая, словно вѣтеръ, любовная радость коснулась сердца. Захотѣлось ему полетѣть къ широкой, красной крышѣ и хотъ на минутку посмотреѣть, какъ это такъ дивно усмѣхается дочка Волкова.

III.

Никитова хворая бабушка жила на той сторонѣ Волги. Лошадка еле волокла телѣгу по прибрежному песку между тальниковъ, кое-гдѣ поломанныхъ и замаранныхъ дегтемъ; наконецъ, показалась линияя крыша конторки и флагъ, съ буквами П. О. С.

Вѣтра не было; волны отъ пробѣжавшаго парохода медленно взлизывались на песокъ, покачивая двѣ, полныя воды, лодки, привязанныя къ мосткамъ. Григорій Ивановичъ черезъ зыбкіе мостки прошелъ на конторку и сѣлъ, глядя на тотъ берегъ, зеленый и крутой, гдѣ между деревьями на юру стоялъ бѣлый домъ, съ куполомъ и колоннами, всегда забитый до-

сками поперекъ оконъ — усадьба Милое, покойной княгини Краснопольской. Григорій Ивановичъ за частыя поѣздки привыкъ къ этому дому, и не замѣтилъ сейчасъ, что всѣ окна были отворены, и между колоннъ двигались люди, маленькіе издалече, какъ мухи.

Вдругъ, передъ домомъ поднялось бѣлое облачко, прокатился по рѣкѣ выстрѣлъ, и, недолго спустя, отъ берега отчалила тяжелая завозня.

— Какъ по туркамъ хватилъ, — сказалъ Никита, стоя у периль, — князь гостей провожаетъ.

— Да, да, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — я и не замѣтилъ, что въ домѣ живутъ. Съ какихъ это поръ?...

— Съ весны, Григорій Ивановичъ, хозяинъ явился, хромой князекъ. Что тутъ было первое-то время! — Такъ и думали, что домъ сожгутъ. Князь, говорятъ у насъ, жениться хочетъ, ну, вотъ — и приманиваетъ.

Завозня наискось пересѣкала рѣку; гребли въ ней четыре матроса, безъ шапокъ, въ синихъ рубахахъ; надъ лодкой покачивался красный зонть, отражаясь въ водѣ.

Скоро уже можно было различить бритые затылки матросовъ и лица дѣвушки и толстаго человѣка, одѣтаго въ поддевку и бѣлый картузь съ большимъ козырькомъ. Онъ опирался подбородкомъ о трость, вдоль которой висѣли его длинные, рыжіе усы.

Дѣвушка, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, была вся въ бѣломъ. Соломенная шляпа ея лежала на колѣняхъ. Двѣ русыя косы обѣгали вокругъ головы, и солнце сквозь зонть заливало розовымъ свѣтомъ ея овальное, гордое и прелестное лицо съ маленькимъ, дѣтскимъ ртомъ.

— Серьезный баринъ, — сказалъ Никита, — по

старинѣ живетъ, за землю держится, а дочку за князя норовитъ пропить, — и то сказать — Волковъ...

„Такъ вотъ она какая“, — подумалъ Григорій Ивановичъ — и, застыдившись, отошелъ отъ перилъ, толкнулся по палубѣ, ушелъ на корму, за мѣшки съ мукой, и ужасно покраснѣлъ, бормоча:

— Что за глупость, мальчишество... — И пальцемъ принялся ковырять дыру въ мѣшкѣ.

— Былъ уже слышенъ плескъ весель; завозня подходила, несомая теченіемъ; скоро съ лодки крикнули „держи“, матросъ на конторкѣ отвѣтилъ „есть“, и побѣжалъ за ударившей о крышу бичевой; лодка тяжело ткнулась, и, спустя мгновеніе, Григорій Ивановичъ услышалъ голосъ, какъ музыку: „папа, дайте руку“, и затѣмъ вскрикъ и всплескъ воды...

Холодъ испуга словно прокололъ Григорія Ивановича, онъ ухватился за мѣшокъ, потомъ кинулся къ периламъ...

Екатерина Александровна стояла внизу трапа, приподнимая съ боковъ намокшую юбку и смѣялась; Волковъ же говорилъ ей сердито:

— Ты не коза, въ самомъ дѣлѣ... Нельзя же такъ прыгать...

И оба — отецъ и дочь — поднялись наверхъ, сошли, не спѣша, на берегъ и сѣли въ коляску, запряженную вороной тройкой.

Екатерина Александровна, обернувъ голову, взглянула на домъ на той сторонѣ, словно погладила его сѣрыми своими, немного выпуклыми, какъ у отца, большими глазами; Волковъ сказалъ „трогай“, лошади въ наборной упряжи рванулись и унесли лакированную коляску за тальники.

А Григорій Ивановичъ еще долго стоялъ, гляди вслѣдъ, потомъ вернулся на скамейку, увидѣлъ подь

своимъ сапогомъ на полу влажный слѣдъ отъ женскаго башмака и осторожно отодвинулъ ногу.

Скоро пришелъ пароходъ; Григорій Ивановичъ съѣздилъ внизъ къ Никитовой бабушкѣ и домой вернулся поздно ночью, разбитый и неразговорчивый.

Въ избу онъ не пошелъ, а спать легъ въ сѣнцахъ на сундукѣ. Сонъ его одолѣлъ сейчасъ же, не на долго. Отъ крика пѣтуха онъ проснулся и глядѣлъ на четырехугольникъ раскрытой двери, черезъ которую были видны звѣзды. Потомъ легъ на бокъ, повернулся ничкомъ и, зажмурясь, принялся вздыхать и глотать слюни.

ЯДОВИТЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

I.

Князь Алексѣй Петровичъ проснулся въ глубокомъ креслѣ, передъ туалетнымъ столомъ, у высокаго, съ отдернутой шторой, окна.

Другія два окна спальни были занавѣшены, и на каминѣ, въ темнотѣ, постукивалъ неспѣшный малт-никъ.

За окномъ видны были вершины сада; далѣе — липовая рѣка, за ней конторка, тальниковыя пусторосли, заливные луга съ красноватыми озерами, въ овальномъ зеркалѣ которыхъ отражался печальный съ сизыми тучами закатъ; туда, черезъ поля и холмы, бѣжала дорога, узкая, чуть видная.

Отъ закатнаго, гаснущаго свѣта краснѣли края тучъ, а облака, что висѣли повыше, казались розовыми въ небѣ, цвѣта морской воды; еще повыше, теплилась звѣзда.

Алексѣй Петровичъ глядѣлъ на все это, касаясь холодными пальцами худой и блѣдной щеки.

Во впадинѣ глаза у него лежала густая синева, по округлой скулѣ вились тонкіе волосы каштановой бородки.

Только это — бѣлая кисть руки, щека и выпуклый глазъ — отражалось въ зеркалѣ туалета, все же остальное оставалось въ тѣни; Алексѣй Петровичъ,

переводя иногда взоръ на себя въ зеркало, не шевелился.

Онъ зналъ, что если пошевелится, — вся муть послѣ сегодняшней ночи ударить въ голову, нарушивъ спокойное созерцаніе всѣхъ вещей, ясныхъ, словно изъ хрустала. Прозрачными и печальными были и мысли.

Такъ печалитъ закатъ надъ русскими рѣками. И еще грустнѣе было глядѣть на убѣгающую на закатъ дорогу: Богъ знаетъ, откуда ведетъ она, Богъ знаетъ — куда, подходитъ къ рѣкѣ, словно, чтобы напиться, и вновь убѣгаетъ, а по ней ѣдетъ... телѣга ли? не разберешь, да не все ли равно.

Въ этой печали неба и земли отдыхалъ Алексѣй Петровичъ. Ему казалось, что все бывшее не коснулось его, а то, что будетъ, пройдетъ также ненужно и призрачно, а онъ послѣ шумныхъ попоекъ съ друзьями, послѣ тревожныхъ свиданій съ Екатериной Александровной, въ саду по вечерамъ, когда хочется коснуться губами хоть платья и не смѣешь, послѣ трогательныхъ ласкъ Саши, послѣ радостей и раскаянія, послѣ, наконецъ, острыхъ, до холода, воспоминаній о Петербургѣ, — снова, какъ усталый актеръ, сотреть румяна и будетъ всегда, всегда глядѣть на этотъ закатъ, холодащій сердце, на дорогу.

Но, едва только Алексѣй Петровичъ подумалъ объ этомъ покоѣ, противорѣчивыя мысли, словно спорщики, принялись беспокоить исподтишка...

— А вѣдь ты, какъ покойникъ, холоденъ и одинокъ, — пришла и сказала одна мысль, — ты только разрушалъ и себя, и другихъ, и до тебя, вотъ такого маленькаго въ этомъ креслѣ, никому дѣла нѣтъ... А ты, быть-можетъ, изъ всѣхъ самый печальный и очень нуждаешься въ ласкѣ и участіи...

— Даромъ никто не даетъ ни ласкъ, ни участія, — отвѣтила вторая мысль.

А третья сказала горько:

— Всѣ только брали отъ тебя, требовали и опустошали.

— Но вѣдь ты никого не любишь, — опять сказала первая, — и теперь отвержень, а сердце уже высохло.

— Нѣтъ, я любишь и могу, и хочу любить, — прошептала Алексѣй Петровичъ, повертываясь въ креслѣ.

Спокойствіе было нарушено. А за окномъ выплывала закатъ и тускнѣлъ, съ боковъ заливаемый ночью.

— Боже мой, какая тоска, — сказалъ Алексѣй Петровичъ и крѣпко зажалъ глаза ладонью, до боли. Онъ зналъ, что теперь настала чередъ метаться по креслу, мучиться отъ стыда и думать о Петербургѣ...

Нельзя уйти отъ этихъ воспоминаній, они всегда насторожѣ, и утолить ихъ можно виномъ, или разгуломъ.

II.

Алексѣй Петровичъ служилъ въ ... гвардейскомъ полку, зачислѣсь туда въ годъ смерти матери своей и отца, восемь лѣтъ тому назадъ.

Небольшія деньги онъ старательно проживалъ, увѣренный, что, когда размѣнена будетъ послѣдняя сторублевка, кто-нибудь умретъ изъ родственниковъ, или, вообще, что-нибудь случится.

Благодаря этой увѣренности трудно было найти въ Петербургѣ человѣка беззаботнѣе, чѣмъ князь Краснопольскій. Онъ очень нравился женщинамъ. Связи его были всегда непродолжительны и легки, и не оставляли въ немъ слѣда, кромѣ, развѣ, милыхъ, или забавныхъ воспоминаній.

Прошло шесть лѣтъ службы въ полку. Въ шумной и угарной перспективѣ этихъ лѣтъ дни походили одинъ на другой. И, вотъ, однажды, Алексѣй Петровичъ оглянулся, — и ему представилось, что онъ словно шелъ все это время по сѣрому, глухому коридору, и такой же сѣрый, глухой коридоръ былъ впереди. Это новое ощущеніе жизни его удивило и огорчило.

Въ это, какъ разъ, время въ скучномъ и мало знакомомъ домѣ, въ гостиной княгини Мацкой, онъ встрѣтилъ женщину, которая неожиданно, какъ июльская гроза, разбудила его дремавшую страсть. Алексѣй Петровичъ стоялъ подлѣ истощеннаго молодого человѣка изъ дипломатическаго корпуса, слушая идиотскіе, давно всѣмъ извѣстные, экспромты и остроты, и уже собирався незамѣтно скрыться, когда лакей распахнулъ золоченую дверь, и, шумя суконнымъ платьемъ, вошла дама, очень высокая, въ накинутаго сѣдомъ и буромъ мѣхѣ и быстро сѣла на диванъ.

Ея движенія были стремительны и связаны платьемъ. Подъ шляпой отъ низкаго лба поднимались волосы, цвѣта мѣди. Лицо было матовое, съ полузакрытыми глазами и узкимъ носомъ, — все словно изожженное.

-- Кто она? — быстро спросилъ Алексѣй Петровичъ...

— Мордвинская, Анна Семеновна, о ней говорятъ, — отвѣтилъ дипломатъ, проливая кофе изъ чашки на коверъ.

Такова была первая встрѣча; Алексѣй Петровичъ помнилъ ее до мелочей.

Когда его представили, Анна Семеновна, прищурясь, мимолетомъ взглянула, словно примѣрила его.

Алексѣй Петровичъ, позванивая шпорой, придерживая шапку у бедра, старался найти слова, всегда такіа

обычныя и легкія, но теперь они всѣ казались лишенными смысла.

Анна Семеновна слушала, вытянувшись, слегка приподнявъ розовое ухо; въ черной ея юбкѣ лежалъ бѣлый платокъ, благоухая, какъ то особенно по-женски, а, быть-можетъ, отъ нея самой исходилъ этотъ запахъ. Потомъ она улыбнулась, словно окончила пріемъ; Алексѣй Петровичъ не догадался сейчасъ же отойти, и она поднялась, шурша шелкомъ и сильно выпрямивъ грудь, кивнула знакомымъ и прошла въ другую гостиную, недоступная и необычайная.

Послѣ встрѣчи, Алексѣй Петровичъ нѣсколько дней жилъ въ чудесномъ мірѣ запаховъ. Все, что не походило на ароматъ платочка, брошеннаго тогда въ колѣни Анны Семеновны — не существовало, и отъ слабого, хотя бы намека на тотъ запахъ, глаза Алексѣя Петровича темнѣли, и сердце сжималось.

Сидя въ трехъ комнатахъ холостой своей квартирки, въ первомъ этажѣ, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада, Алексѣй Петровичъ разсѣянно глядѣлъ на стѣны, прострѣленные кое-гдѣ во время холостыхъ пирушекъ, присаживался къ столу, уставленному женскими фотографіями, лежалъ на кожаномъ диванѣ, курилъ, нависывалъ изъ Шопена — и повсюду видѣлъ блѣдный профиль съ нѣжнымъ ртомъ и глазами, будто подернутыми горячимъ тепломъ... Даже денщикъ, который на кухнѣ негромко пѣлъ бабьимъ голосомъ солдатскія пѣсни, — не раздражалъ болѣе.

Когда повалилъ за окномъ крупный снѣгъ, Алексѣй Петровичъ, прижавъ лобъ къ стеклу, долго глядѣлъ на зыбкое опускающееся съ неба покрывало, и вдругъ закричалъ денщику: „скорѣе, шинель и шапку!“

Таковъ снѣгъ, когда онъ застилаетъ небо и землю и дома, когда женщины запахиваютъ шубы, согрѣвая

плечами и грудью душистый мѣхъ, когда изъ вьюги вылетитъ рысакъ, съ отнесеннымъ по вѣтру хвостомъ и пропадетъ вновь такъ быстро, что едва примѣтишь, кто сидитъ въ низкихъ санкахъ — тогда нужно стать за угломъ, и караулить — кто набѣжитъ, блеснувъ изъ-подъ капора темнымъ глазомъ на разрумяненномъ лицѣ? Тогда нужно самому сѣсть на лихача и мчаться, пряча лицо въ воротникъ, и думать — кого встрѣтишь въ этотъ вечеръ — съ кѣмъ потеряешь сердце?

Алексѣй Петровичъ быстро шелъ по набережной, распахнувъ мѣховую шинель. Снѣгъ таялъ по его щекамъ и ласковый звонъ шпоръ поддразнивалъ... На Эрмитажномъ мосту онъ остановился, сообразивъ, что идетъ къ дому княгини Мацкой.

Онъ вздернулъ плечами, усмѣхнулся и поглядѣлъ вокругъ...

Густой снѣгъ застилалъ свѣтъ фонарей, ложась на всѣ карнизы и статуи, покрывала подушками темный гранитъ... Прохожихъ не было; окна дворца были темны; часовой у подъѣзда стоялъ недвижно, закутанный въ тулупъ, съ прилипшимъ къ боку ружьемъ.

Вдругъ разался вскрикъ и, взлетѣвъ на Эрмитажный мостикъ, промчался вороной рысакъ, въ пѣнѣ и снѣгу, далеко выбрасывая ноги. Въ узкихъ санкахъ за широкой спиною кучера сидѣла, наклонясь впередъ, Анна Семеновна въ шубѣ и соболяхъ...

Алексѣй Петровичъ, приложивъ руку къ высокой бобровой шапкѣ, такъ и остался стоять, глядя въ пургу, гдѣ пропалъ рысакъ; шинель сползла съ его плеча, открывъ золотые галуны, а холодъ словно ожегъ до сердца...

Назавтра Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ къ Мордвинымъ съ визитомъ. Краснѣя и путаясь, онъ объяснялъ мужу, что имѣетъ честь засвидѣтельствовать

почтеніе Аннѣ Семеновнѣ, съ которой встрѣтился у княгини, и, объясняя, все ждалъ, не выйдетъ ли она изъ комнатъ. Мордвинскій холодно слушалъ князя, приподнявъ брови и ни разу не вскинулъ глазъ. Былъ онъ великъ ростомъ, сутулъ и толстъ, и Алексѣй Петровичъ, глядя на землистое его лицо, съ хищнымъ носомъ и усами внизъ, представлялъ, какъ онъ будетъ морщиться послѣ ухода гостя, зная, что необходимо отдать ненужный визитъ.

Но Мордвинскій съ обратнымъ визитомъ не пріѣхалъ, и Алексѣй Петровичъ, прождавъ его недѣлю, наконецъ рѣшилъ при первой же встрѣчѣ оскорбить Мордвинскаго и драться...

А, спустя время, въ одной гостиной, уже уходя, встрѣтился съ Анной Семеновной въ дверяхъ; она подняла синіе глаза на князя и усмѣхнулась. А онъ остался стоять, словно скованный великой силой.

Полтора мѣсяца онъ разыскивалъ Мордвинскую по салонамъ, баламъ, вечерамъ и вечерамъ въ свѣтскихъ церквахъ. Онъ и не гадалъ никогда, что можетъ такъ страдать. Онъ постоянно привыкъ думать о ней, напряженно, какъ о болѣзни. Входя въ гостиныя, онъ всегда зналъ, еще не видя, тамъ ли она. Однажды, когда она неожиданно подошла сзади, онъ задрожалъ и быстро обернулся, расширивъ глаза...

— Вы, кажется, боитесь меня? — спросила она...

И это были первыя ея несвѣтскія слова...

Анна Семеновна обращала на него, быть можетъ, больше даже вниманія, чѣмъ на другихъ, но онъ считалъ себя ничтожнымъ и недостойнымъ... И не радовался болѣе чувству: былъ не воленъ въ немъ, оно жгло и подтачивало. Не даромъ говорятъ въ народѣ, что любовь, какъ змѣя...

Тогда неожиданно (какъ поступалъ онъ всегда)

Алексѣй Петровичъ признался во всемъ мало знакомому офицеру, который былъ принятъ у Мордвинскихъ... Офицеръ, покусывая усы, благородно и внимательно выслушалъ (они сидѣли въ кабацѣ и надъ ухомъ, заглушая слова, выли румыны), а на слѣдующій день все рассказалъ Мордвинской.

Въ этотъ памятный вечеръ они встрѣтились на балу. Алексѣй Петровичъ, похудѣвшій и серьезный, проходилъ въ толпѣ мундировъ, фраковъ и женскихъ платьевъ, глядя исподлобья; звякалъ шпорами, кланялся, сейчасъ же отворачиваясь, и пристально искалъ ее, словно боялся не узнать, или ошибиться.

Анна Семеновна стояла у колоннъ. На ней было платье изъ зеленаго шелка, простое и открытое, а на подолѣ брошена большая розовая роза.

— У меня съ вами длинный разговоръ, — сказала Анна Семеновна князю, который, касаясь губами ея руки, не слышалъ больше ничего и не видѣлъ... Ему было тяжело до слезъ, — страшно и радостно.

— Не гнѣвайтесь на меня, — проговорилъ онъ тихо, и они прошли черезъ залу въ зимній садъ.

Анна Семеновна сѣла на диванчикъ у перовой, обложенной дикимъ камнемъ, стѣны... Камни и выступы оплеталъ плющъ, сверху висѣли нити ползучихъ растений; съ боковъ диванчика до стекляннаго потолка стояли пальмы, и ровный свѣтъ, не бросая тѣней, былъ повсюду, освѣщая зелень, журчащій фонтанъ и всю тонкую, злую Анну Семеновну. Ударяя вѣромъ по ладони, она усмѣхнулась, потомъ сказала:

— Я слышала, вы отзывались непочтительно обо мнѣ, правда это?

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ и опустилъ голову, Анна Семеновна продолжала сурово:

— Вы не отвѣчаете, значитъ, это правда?...

Онъ раскрылъ сухія губы и вымолвилъ невнятное...

— Что, что?! — воскликнула она и вдругъ добавила неожиданно тихо:

— Видите сами — я не слишкомъ сержусь на васъ.

Въ словахъ этихъ показалась ему и насмѣшка, и участіе совсѣмъ женское — вѣдь такъ легко исцѣлить печаль. У него смѣшались всѣ мысли, онъ почувствовалъ, что сейчасъ забудется, — тогда погибло бы все.

Но въ это время вошелъ Мордвинскій; увидавъ князя, онъ сдѣлалъ тошное лицо и сказалъ женѣ:

— Получена депеша, я уѣзжаю...

— Да, но я не читаю вашихъ депешъ, — отвѣтила Анна Семеновна, — меня проводитъ князь.

Мордвинскій, поклонившись, вышелъ. Въ короткомъ словѣ „князь“ было обѣщаніе... Анна Семеновна взяла его подъ руку, и они пошли въ залъ, гдѣ были танцы. Тамъ Алексѣй Петровичъ, словно внезапно опьянѣвъ, рассказывалъ, смѣясь, о томъ, какъ проводилъ эти дни. Анна Семеновна чуть чуть сдвигала брови, когда онъ слишкомъ пристально взглядывалъ ей въ глаза.

Въ три часа они ушли. Садясь въ автомобиль, Анна Семеновна приподняла сѣрую шубку, открывъ до колѣна ногу, въ бѣломъ чулкѣ; сквозь него видна была кожа... Алексѣй Петровичъ закрылъ глаза. Сидя рядомъ на мягко подпрыгивающемъ сидѣннѣ, онъ словно видѣлъ всю ее отъ бѣлыхъ чулокъ до алмазной цѣпочки на шеѣ, и молчалъ, откинувшись и чувствуя, какъ глаза ея, выпуклые и свѣтлые, отъ бѣгущаго навстрѣчу фонаря, слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ...

Наконецъ, стало невыносимо молчать. Онъ засу-

нуль палець за воротникъ, потянулъ, и отскочили крючки и пуговицы на опушенномъ мѣхомъ мундирѣ.

— Не нужно волноваться, — сказала Анна Семеновна, рукой, въ бѣлой перчаткѣ, потеряла запотѣвшее стекло и добавила тихо:

— Вамъ я все позволю...

Была ли то прихоть Анны Семеновны, или зашла она слишкомъ далеко въ игрѣ, но до пяти утра, сначала въ автомобилѣ, потомъ у Алексѣя Петровича на дому, они ласкали другъ друга, отрываясь только, чтобы перевести духъ...

Анна Семеновна, какъ только вошла въ спальню, сказала удивленно: „какая узенькая кровать“, и это были ея единственные слова.

Въ спальнѣ, освѣщенной лампадкой передъ золотымъ образомъ, на креслахъ и коврѣ разбросала она шубу, платье и тонкое, надушенное бѣлье. Алексѣй Петровичъ трогалъ разбросанныя эти вещи, качаясь, какъ пьяный, потомъ, торопясь, снова ложился на подушки, серьезно глядя на молодую женщину, еще болѣе чудесную въ сумракѣ, и, чтобы почувствовать, что она не снится ему, прикасался къ ней губами, и забывался въ поцѣлуѣ, закрывъ глаза.

Эта ночь преломила жизнь Алексѣя Петровича. Онъ позналъ страданіе, несравненную радость и потерялъ волю. Съ каждымъ часомъ слѣдующаго дня онъ все нетерпѣливѣе хотѣлъ повторить то, что было... И, если бы это было нужно, сейчасъ бы согласился поступить къ ней въ кучера, въ лакеи, въ трубочисты... Онъ бы трогалъ ея вещи, смотрѣлъ на нее, слушалъ, цѣловалъ сидѣнье кресла, гдѣ только что она сидѣла.

Но Алексѣй Петровичъ не былъ ни кучеръ, ни тру-

бочистъ. Анна же Семеновна не назначила мѣста новой встрѣчи.

Прошли—день, бессонная ночь и новый день, полный тревоги... Вечеромъ былъ въ Дворянскомъ Собраніи благотворительный базаръ. Алексѣй Петровичъ, едва вошелъ въ огромный залъ собранія, — увидѣлъ ее за прилавкомъ. Анна Семеновна продавала грубые кружева и крестьянскія вышивки. Направо стоялъ мужъ, а налѣво, опираясь о прилавокъ, вертѣлъ монотонно истощенный молодой человѣкъ изъ дипломатическаго корпуса.

Словно солнце освѣтило все вокругъ, когда Алексѣй Петровичъ, широко улыбаясь, подходилъ къ прилавку... Анна Семеновна взглянула на подходящаго, рѣзко сдвинула брови, опустила глаза и отвернулась къ истощенному молодому человѣку. У Алексѣя Петровича схватило дыханіе... Онъ поклонился. Она не протянула руки, а мужъ едва отвѣтилъ на поклонъ.

Весь вечеръ Алексѣй Петровичъ ходилъ, толкаясь въ толпѣ, покупалъ ненужныя вещи, носилъ ихъ, потомъ оставлялъ на подоконникахъ, и каждый разъ, описавъ кругъ, останавливался невдалекѣ отъ кіоска съ кружевами. Анну Семеновну загораживали офицеры, и слышно было, какъ она смѣялась. За часъ до разѣзда онъ сошелъ въ раздѣвальню и разыскалъ шубу Мордвинской. Когда она показалась на лѣстницѣ подъ руку съ мужемъ, Алексѣй Петровичъ подошелъ и, не глядя, чтобы уже не видѣть ея холодныхъ глазъ, заговорилъ о продажѣ кружевъ... Она не отвѣтила. Швейцаръ, бросивъ ея ботинки на полъ, помогалъ надѣвать шубу. Алексѣй Петровичъ нагнулся къ сѣрымъ ботинкамъ и, слегка отогнувъ полу ея шубки, сталъ обувать, зная, что дѣлаетъ ужасное. Голова его наклонялась все ниже къ синему, прозрачному чулку,

онъ быстро коснулся ея ноги губами, поднялся весь красный и увидѣлъ Мордвинскаго, который, совсѣмъ одѣтый, глядѣлъ на ноги жены, криво и странно усмѣхаясь...

Это было началомъ той ужасной катастрофы, послѣ которой Алексѣй Петровичъ оставилъ полкъ и бѣжалъ въ имѣніе „Милое“, полученное по наслѣдству отъ бабушки Краснопольской, помершей этой весной гдѣ-то въ Германіи на водахъ.

Катастрофой кончилась молодость Алексѣя Петровича, и казалось ему теперь, что нѣтъ избавленія отъ этой жизни — нудной и призрачной; быть-можетъ, спасетъ только иная любовь. Но онъ чувствовалъ, какъ сердце его истерзано и полуживое, а чтобы полюбить еще разъ, надо родиться дважды.

III.

Алексѣй Петровичъ, чтобы не оставаться съ ядовитыми воспоминаніями съ глазу на глазъ, каждый вечеръ звалъ гостей — однихъ и тѣхъ же. Гости пріѣзжали въ сумерки: братья Ртищевы на двухколесной таратайкѣ, старый Образцовъ въ плетеномъ тарантасѣ и, послѣ всѣхъ, въ кэбѣ — Цурюпа — купеческій сынъ, пообтертый по заграницамъ. Такъ было и сегодня.

Въ положенный часъ лакей поднялся наверхъ къ Алексѣю Петровичу и, пріотворивъ дверь спальни, увидѣлъ князя, лежащаго головой на подоконникѣ.

Алексѣй Петровичъ не сразу разслышалъ, что зовутъ обѣдать и гости уже пріѣхали. Сквознякъ изъ отворенной двери поднялъ его волосы. Онъ оглянулся, болѣзненно щура глаза на свѣтъ задуваемаго кан-

делябра въ рукѣ лакея, и сказалъ — пусть гости садятся за столъ.

Обѣдали обычно въ большой залѣ. Вдоль четырехъ ея стѣнъ и отступя отъ нихъ, чтобы образовать проходъ, стояли два ряда круглыхъ колоннъ; шесть оконъ за ними открывались въ садъ, на противоположной стѣнѣ окна были фальшивыя, со вставленными зеркалами; между колоннъ были поставлены диванчики безъ спинокъ...

Когда лакей доложилъ объ обѣдѣ, съ этихъ диванчиковъ поднялись, крикая и потирая руки, братья Ртищевы, Цурюпа и Образцовъ; сѣли за столъ и раздвинули локтями на снѣжнобѣлой скатерти хрусталь и тарелки. Братья Ртищевы всегда садились рядомъ; широкія спины ихъ были обтянуты сѣрыми поддевками съ кавказскими пуговицами; у обоихъ были косматые усы, курносыя, отмѣннаго здоровья, лица и добрыя глаза; братья стѣснялись и ждали, когда Цурюпа, за хозяина развалившійся въ концѣ стола, возьметъ первый кусокъ. Лысый Образцовъ, сложивъ губы сладкой трубочкой, шарилъ по столу стариковскими глазами, мутными отъ подагры.

— Шампанское подашь вчерашней марки, — вытянувъ нижнюю губу, приказалъ Цурюпа... На немъ былъ смокингъ, а за жилетъ заложенъ красный, какъ для причастія, носовой платокъ.

— А вишнебочку, душенька, ты забылъ подать, я просилъ тебя сладенькую — помнишь, вчера? — сказалъ Образцовъ лакею.

— Слушаю-съ, — хмуро отвѣтилъ лакей. Кухонный мальчикъ внесъ въ это время супъ, отъ котораго шелъ паръ. Ртищевы, Иванъ и Семень, сказали, потолкавшись:

— Полезнѣе всего простая водка, отъ шампанскаго

животь пучить... Передай, Семень, грибковъ, да налей-ка...

Цурюпа ѣлъ мало и молчалъ, мигая вѣками безъ рѣсницъ; онъ приберегалъ остроты къ выходу князя...

Образцовъ съ удовольствіемъ, подвязавшись чистой салфеткой, хлебаль супъ, и мѣшочки подъ глазами у него вздрагивали; онъ сказалъ, кивнувъ на братьевъ:

— Они имѣютъ резонъ; у насъ прокуроръ опасно заболѣлъ отъ шампанскаго — распучило до-нельзя; но, разумѣется, нельзя же все на водку напирать, да на водку...

Цурюпа визгливо захохоталъ, катая хлѣбный шарикъ; братья Ртищевы положили вилки, раскрыли рты и тоже засмѣялись, точно изъ бочки.

— Вотъ мой братъ былъ шутникъ, дѣйствительно, — продолжалъ Образцовъ, — онъ, бывало, такъ скажетъ, что даже дамы уйдутъ... Ужасно былъ веселый...

Лакей и мальчикъ вносили блюда и вино; надъ люстрой кружились бабочки, падая съ обожженными крыльями на столъ. Гости ѣли молча, иногда только Иванъ, или Семень, шумно вздыхали отъ неумѣренности.

Наконецъ, за стѣной послышались знакомые, припадающіе шаги; Цурюпа поспѣшно вытерся салфеткою и, вынувъ изъ жилетки монокль, бросилъ его въ плоскую впадину глаза. Вошелъ князь. Глаза его были красны, влажные волосы только что зачесаны наверхъ, а въ сдержанныхъ движеніяхъ и въ покроѣ платья въ сотый разъ увидѣлъ Цурюпа необъяснимое изящество; стараясь его перенять, онъ покупалъ тройныя зеркала, выписывалъ одежду и бѣлье изъ Лондона, и родныхъ своихъ, захудалыхъ купчишекъ, всѣхъ разогналъ, чтобы не портили стилиа.

— О, не вставайте, не вставайте, друзья мои, — сказалъ князь, здороваясь, — надѣюсь, поваръ исправилъ вчерашній грѣшокъ.

Ртищевы изъ благовоспитанности шаркнули подъ столомъ ногами, Образцовъ потянулся поцѣловаться, Цурюпа же вскочилъ и не удержался — потрепалъ князя по плечу.

Алексѣй Петровичъ присѣлъ къ углу стола, взялъ хлѣбъ и ѣлъ. Ему налили вина, которое онъ жадно выпилъ; облокотясь, коснулся пальцами щеки, и сказалъ:

— Расскажите, что случилось новаго. Да, пожалуйста, дайте мнѣ еще вина...

— Всегда новое, это — вы сами, — сказала Цурюпа, — а, вотъ, кстати, я привезъ анекдотъ...

Онъ перегнулся къ уху князя и, давась отъ смѣха, сталъ рассказывать. Князь усмѣхнулся, братья Ртищевы, посмѣявшись, морщили лбы, — старались придумать интересное; но въ голову имъ лѣзли собаки, потрава на покосѣ, захромавшій коренникъ — все мало подходящее для такого высокаго общества... Образцовъ же сказалъ:

— Если разговоръ пошелъ на дѣвочекъ, то князюшкѣ нашему и книги въ руки... Онъ угостить...

— Да, да, непременно, — зашумѣли гости, — пусть князь достанетъ хорошенькихъ дѣвчонокъ...

— Лучше махнемъ въ Колывань, господа!...

— На взъѣзжую! Къ Сашѣ!...

— Это не по-дружески — самъ пользуется, а намъ шишъ, — нѣтъ, въ Колывань!... Въ Колывань!...

Князь нахмурился. Братья Ртищевы топали пудовыми сапогами и, вспотѣвъ, кричали: „Въ Колывань!! Въ Колывань!...“ Цурюпа лѣвъ къ уху князя, шепча:

„Нехорошо, князь, нехорошо“; Образцовъ теръ салфеткой лысину и высовывалъ кончикъ языка, совершенно раскисая при мысли о Колывани. Всѣ были пьяны. Князь, облокотясь, опустилъ голову. Выпитое вино, да еще на вчерашнее похмелье, отуманило голову, какъ душное облако. — „Сегодня пужно быть пьянымъ больше, чѣмъ когда-либо“ — подумалъ онъ, усмѣхнулся, поднялся и, подхваченный подъ локоть Цурюпой, сказалъ:

— Идемъ въ садъ...

Лакей тотчасъ распахнулъ балконныя двери, откуда влетѣла вечерняя прохлада, и гости по ступенямъ сошли въ сырой садъ.

Песчаная дорожка отъ балкона вела къ оврагу, на краю его стояла полузаросшая кустами шиповника балюстрада, съ одной уцѣлѣвшей каменной вазой.

На вазу эту, на нѣсколько балясинъ межъ листовъ и на деревья и дорожку падалъ свѣтъ изъ шести оконъ залы. Подъ обрывомъ на широкой, едва видимой рѣкѣ горѣли красные и желтые сторожевые огни.

— Надо уговорить братьевъ побороться, — шепнулъ Цурюпа князю, который, прислонясь щекой къ вазѣ, глядѣлъ на Волгу, думая: „Сегодня, непременно, сегодня; неужели не хватитъ храбрости?“ — Уговорите, — отвѣтилъ князь. Винный хмель бралъ его не сразу. Сначала князь настораживался, какъ бы предчувствуя что-то, потомъ становилось печально до слезъ: всѣ звуки казались отчетливыми, вещи — понятными, и надо всѣмъ словно тяготѣлъ роковой конецъ. Но вдругъ — какъ въ тучѣ открывается молнія — пробѣгала у него острая боль отъ сердца по спинѣ къ ступнямъ холодѣющихъ ногъ, онъ встряхивался тогда, и начинался разгулъ.

Пока князь стоялъ у балюстрады, Цурюпа колкими

словами принялся стравливать братьевъ, и уже Иванъ Ртищевъ косо поглядывалъ на Семена.

Ртищевы славились въ уѣздѣ силой, и не разъ на конскихъ ярмаркахъ вызывали какого-нибудь конюхататарина на борьбу, между телѣгъ, въ кругу изъ помѣщиковъ и мужиковъ... Когда же не было противниковъ возились обыкновенно братъ съ братомъ.

— А Семень-то тебя уложить, — шепталъ Цурюпа, подталкивая Ивана.

— Конечно, брякну, — отвѣтилъ Семень, а Иванъ уже наступалъ на брата, и Семень выпячивалъ грудь и сопѣлъ.

— Эхъ, трусишки! — воскликнулъ Цурюпа, и мигнувъ Образцову, который плечомъ сталъ подпихивать Ивана, — со всюю силою толкнулъ Семена между плечъ.

Братья засопѣли и столкнулись. Иванъ схватилъ Семена подъ „микитки“. — „Не по правилам!“ — воскликнулъ Семень, присѣлъ и поднялъ брата, который болтнулъ ногами; потомъ они сцѣпились и заходили, тяжело дыша. Цурюпа вертѣлся около нихъ и хлопалъ въ ладоши. Братья допятились до края оврага, Цурюпа „подставилъ ножку“, Семень опрокинулъ Ивана, и оба, рухнувъ на землю, покатались подъ обрывъ, ревя и ломая кусты...

Алексѣй Петровичъ громко засмѣялся... Туча, давившая сердце, отошла; хохоча, онъ держался за край холодной вазы.

Прибѣжали на зовъ лакей и садовникъ съ веревкой, братьевъ вытащили изъ оврага, запыхавшихся, веселыхъ и ободранныхъ... Тутъ же они принялись ловить Цурюпу, который, убѣгая въ лаковыхъ башмакахъ по мокрой травѣ, пронзительно вскрикивалъ деревяннымъ голосомъ...

А у крыльца уже стояла заложенная коляска; въ ноги туда положили ящикъ съ виномъ, спинами другъ къ другу посадили на ящикъ братьевъ. Образцовъ просунулся въ сидѣнье между княземъ и Цурюпой. Князь надвинулъ шляпу, Цурюпа крикнулъ — „пшелъ“, и кони подъ гору понесли коляску на перевозъ и въ Колывань.

IV.

Саша стояла посреди чистой, теперь дымной отъ табака, избы, сложивъ голыя до локтя руки подъ грудью, перетянутой зеленымъ запономъ.

Милое свое лицо, съ прямыми, бархатными бровями, она обратила на князя, заливая его любовью темныхъ глазъ. Ротъ ея былъ полуоткрытъ; Саша только что пѣла, немного теперь запыхалась, и на шеѣ у нея двигались янтарныя бусы.

— Дальше пой!! Дальше, Саша! — кричали гости... Саша улыбнулась, кивнула, и низкимъ голосомъ, словно въ груди у нея заплакала душа, негромко запѣла:

Ахъ полынь, полынь,
Трава горькая,
Не я тебя садила,
Не я съяла.
Сама ты, злодѣйка,
Уродилась;
По зеленому садочку
Разстелилась...

Князь, положивъ локти на некрашенный столъ и охвативъ одурманенную голову, внимательно слушалъ; Образцовъ прохаживался по горницѣ, мимо Саши и, прищелкивая пальцами, закатывалъ глаза; Ртищевы сидѣли на лавкѣ, разстегнувъ поддевки; Цурюпа же,

протянувъ ноги, сунулъ руки въ карманы штановъ и покачивался.

Саша отпѣла; князь сейчасъ же сказалъ охрипшимъ голосомъ:

— Ну, а ту, другую, Саша, помнишь?

— Нехорошая она, — молвила Саша, — невѣрная, не люблю ее; только развѣ для васъ...

Она опустила рѣсницы и, вздохнувъ, запѣла печально...

Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ;
Тутъ жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала.

— Саша! — крикнулъ князь, повторяя послѣднія слова пѣсни, — а вѣдь это хорошо — „правый локоть на окошечко, горячи слезы за окошечко“, и дѣлу конецъ, а милый-то подъ окошечкомъ ждетъ, смѣется надъ старымъ мужемъ... Теперь ты вотъ эту спой, въ ней подробности хороши...

Петельку на шею
Накидывала,
Милому въ окошко
Конецъ подала...

— Вѣдь подходитъ какъ — именно сегодня; будто для насъ писано... Ну, Саша...

Саша испуганно и серьезно запѣла:

Толстый узлище
Не оборвется,
У стараго шея
Не оторвется.
Старый захрапѣлъ, —
Будто спать захотѣлъ,
Ногами забилъ —
Будто шутъ задавилъ.

Руки растопырилъ, —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ, —
Смѣяться сталъ.

— Я бы, Алексѣй Петровичъ, плясовую лучше, — перебила она поспѣшно.

Князь двинулъ столъ и, хлопая въ ладоши, сталъ топтать ногой... Саша закружилась, поводя руками и приговаривая частушку.

Кумачевыя юбки ея развились колоколомъ и подъ ними ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и козловыхъ башмакахъ поплыли, притопывая...

Образцовъ засеменялъ около Саши, крича: — „гляди, гляди!“ Иванъ Ртищевъ, разгораясь, не выдержалъ, уперся въ бокъ и пошелъ ходить присядкой, отбрасывая полы. Цурюпа, хихикая, сорвалъ съ волосъ Саши платокъ. — Не трогай ее, хамъ! — закричалъ князь. Маленькая Сашина голова, съ черными косами, вертѣлась на полной шеѣ, какъ подсолнухъ къ солнцу, — солнцемъ былъ князь... Онъ сидѣлъ блѣдный и пьяный, съ высохшимъ ртомъ. Вдругъ Саша, закрутясь, упала къ нему на лавку и, обнимая, прижалась къ плечу.

— Дѣвокъ!... — заревѣли братья Ртищевы, — дѣвокъ давай!...

Обиженный Цурюпа ушелъ въ свѣтелку, и легъ, стараясь не помять смокинга, на Сашину кровать...

— Любопытный сюжетъ, — пробормоталъ онъ, вытирая платкомъ лицо, — интересно будетъ поразсказать, какъ нашъ князюшка веселится... Это хваленый-то женихъ... Хамъ. — Я ему и припомню хама. Эхъ, сволочи вы всѣ!

Въ это время распахнулась дверь, освѣтилась свѣтелка, вылетѣлъ изъ табачнаго дыма и грохота Образ-

цовъ, придержался за притолку, кинулся къ выходу и скрылся во дворѣ...

— За дѣвками, — продолжалъ Цурюпа. — Погодите, теперь вамъ на смѣну я иду... Не столбовой, а, можетъ, получше... Вотъ устрою балъ — я брошу вамъ собачій кусокъ — изъ Москвы Шишкина хоръ выпишу. Да не то, что Шишкина, самого Шаляпина позову... — Гоноръ гоноромъ, а денѣжки вы всѣ любите...

Долго Цурюпа размышлялъ, — какія сногшибательныя штуки онъ придумаетъ для утиранія дворянскаго носа; наконецъ, со двора въ свѣтелку, шушукаясь, вошли четыре солдатки, которыхъ подталкивалъ Образцовъ, громко шепча:

— Дуры, чего боитесь, не съѣдимъ, а сладенькаго поднесемъ да и погрѣмся.

Дверь за бабами закрылась; изнутри поднялся визгъ и жеребячій хохотъ Ртицевыхъ. И сейчасъ же въ свѣтелку вышли князь и Саша...

— Куда ты, голубчикъ? — не ѣзди, — говорила Саша...

Князь, не отвѣчая, прошелъ на крыльцо; здѣсь, на столбикѣ, висѣлъ глиняный рукомойникъ... Въ сумеркахъ сквозь дверь было видно, какъ князь налилъ воды въ ладони, плеснулъ на лицо и вытерся, а Саша, охвативъ другой столбикъ, продолжала просить...

— Она молоденькая, разлюбить тебя, а мнѣ ничего не надо, я и пьянаго тебя спать уложу. Не ѣзди... Завтра поѣдешь, если надо, миленькій...

— Ахъ, пожалуйста, оставь, что за слова; ты сама пьяна, должно быть! — отвѣтилъ князь.

Саша смолчала. Князь перевелъ духъ, кликнулъ лошадей и сошелъ по лѣсенкѣ внизъ. Саша продолжала стоять у столбика... На дворѣ затопали кони, кучеръ

ихъ обласкивалъ; потомъ тяжело заскрипѣли ворота, и голосъ князя приказалъ:

— Волково...

Коляска укатила... Сапа отошла отъ столбика и сѣла на ступенькахъ, по которымъ сошелъ Алексѣй Петровичъ. Неподвижная и темная ея фигура съ локтями на колѣняхъ и опущенной простоволосой головой, и наверху неровныя линіи надворныхъ крышъ и шесть колодца, — хорошо были видны въ ночномъ сумракѣ сквозь четырехугольникъ двери.

Все это казалось Цурюпѣ до того знакомымъ и тоскливымъ, что онъ сталъ морщиться, думая: „русскій ландшафтъ, — чортъ бы все это побралъ!... Уѣду совсѣмъ въ Парижъ, въ самомъ дѣлѣ, денегъ что ли у меня мало?... А про князя все будетъ доложено кому надо. Ну, и прохвостъ“...

За дверью все громче топали ногами, гоготали и вскрикивали, много веселясь.

КАТЯ

I.

Александръ Вадимычъ перекрестилъ, поцѣловаль дочь и подошелъ въ туфляхъ къ дивану, гдѣ приготовлена была ему постель.

А Катя притворила дверь кабинета и, закутавъ покатыя плечи въ пуховый платокъ, вышла въ залу, на старомъ паркетѣ которой лежалъ перешлетами оконъ лунный свѣтъ. Углы залы, гдѣ стояли диваны, были въ тѣни. Глядя на лунные квадраты на полу, Катя поднесла къ щекѣ ладонь и вдругъ усмѣхнулась такъ нѣжно, что сердце у нея стукнуло и замерло.

„Еще рано! — подумала она, — можетъ быть, онъ ждетъ? Нѣтъ, все-таки нужно обождать“.

Она приподняла съ боковъ платье и, сдѣлавъ страшные глаза, стала кружиться...

Невдалекѣ, въ это время, хлопнула дверь; Катя сразу присѣла; вдоль стѣны шель Кондратій, неся свѣчу и платье Волкова.

Увидѣвъ барышню на полу, онъ остановился и пожеваль губами.

— Я думала — это привидѣніе идетъ, — сказала Катя, срывающимся на смѣхъ голосомъ, — а это ты, Кондратій; кольцо потеряла, поди поищи.

Кондратій подошелъ и наклонился со свѣчей къ паркету, — какое кольцо? Нѣтъ тутъ кольца никакого, — заворчалъ онъ.

А Катя засмѣялась и убѣжала въ коридоръ... За дверь она высунула языкъ Кондратію, и, нарочно топая, пошла, какъ будто, къ себѣ, но не дойдя до конца коридора, гдѣ висѣлъ коверъ, стала въ нишу окна, отъ смѣха закрывая ротъ.

Когда воркотня и шаги обманутаго Кондратія затихли, Катя вернулась на цыпочкахъ въ залу и черезъ балконную дверь проскользнула въ садъ; тамъ подъ темными деревьями она остановилась — стало вдругъ грустно.

И навѣрно ему надоѣла, — подумала она, — а если не надоѣла, такъ надоѣмъ. Что онъ во мнѣ нашель? Развѣ я его утѣшу? Онъ столько страдалъ, а я съ глупостями пристаю. Хороша героиня!

Она до того огорчилась, что присѣла на дерновую скамью. — „Настоящая героиня ничего не ѣстъ, ночью разбрасываетъ простыни, и на груди у нея дышатъ розы; это не то, что я — сплю носомъ въ подушку...“

Катенька вдругъ громко засмѣялась. Но огорченіе еще не прошло... Вдалекѣ ухали и квакали прудовыя лягушки. За деревьями между черныхъ и длинныхъ тѣней трава отъ луннаго свѣта казалась сѣдой.

Катя вдругъ вытянула шею, прислушалась; потомъ побѣжала по аллеѣ, придерживая за концы платокъ. Къ щекѣ прилипла паутинная нить; Катя смахнула паутину, и тамъ, гдѣ аллея заворачивала вдоль пруда, раздвинула кусты смородины, чтобы сократить путь, и, цѣпляясь за нихъ юбками, вышла къ мосткамъ. За бесѣдкой надъ прудомъ стоялъ мѣсяцъ, свѣтя въ воду и на глянцевитые листья кувшинокъ; въ бесѣдкѣ у откиднаго столика, гдѣ обычно пили съ гостями чай, сидѣлъ, подперевъ обѣ щеки, Алексѣй Петровичъ. Катенькѣ показалось, что онъ широко открылъ глаза, смотреть и не видитъ.

„Что съ нимъ?“ — быстро подумала она и позвала: — Алексѣй Петровичъ? — Князь сильно вздрогнулъ и поднялся. Катя, смѣясь и говоря: — Спаль, спаль; какъ не стыдно, — сбѣжала къ нему по зыбкимъ доскамъ.

Алексѣй Петровичъ припаль губами къ ея рукѣ и проговорилъ хрипло, какъ послѣ долгаго молчанія:

— Спасибо, спасибо...

— Вы опять думали о себѣ? — спросила Катя ласково и сѣла на скамью, положивъ локоть на ветхую балюстраду. — Вѣдь я просила не думать. Вы очень хорошій я все равно знаю...

— Нѣтъ, — тихо, но твердо отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. — Катя, милая, мнѣ очень, очень тяжело. Подумать только, что я дѣлаю?... Вы любите меня немножко?

Катя усмѣхнулась, отвернувъ голову, и не отвѣтила. Князь сѣлъ рядомъ, глядя на ея волосы, лежащіе ниже затылка, и на овальную щеку, четкую на зеркалѣ воды. Пovyше надъ головой ея въ тенетахъ висѣлъ паукъ.

— По дорогѣ сюда я думалъ: сказать вамъ, или нѣтъ? Если не скажу, то никогда, быть-можетъ, не посмѣю больше придти, а если рассказать — вы сами отвернетесь, будетъ тяжело, но постараетесь меня забыть... Что же дѣлать?

— Сказать, — отвѣтила Катя очень серьезно.

— А вы не подумаете, что я лгу и прикидываюсь?

— Нѣтъ, не подумаяю.

— Я сдѣлалъ много плохихъ вещей, но одна не даетъ жить, — подавивъ вздохъ, проговорилъ князь. — Вотъ такъ всегда бываетъ: думаешь, что забылъ уже, а гадость, которую сдѣлалъ давно, становится опредѣленною гадостью и жить отъ нея нельзя...

— Я прошу, рассказывайте, — повторила Катя, и руки ея, держащія концы платка, немного задрожали.

— Вотъ, вотъ, я такъ и думаль, что нужно сказать. Это было очень давно; нѣтъ, недавно, въ прошломъ году... Я встрѣтилъ одну даму... Она была очень красива. Но не въ этомъ ея сила... Она душилась необычайными духами, они пахли чѣмъ-то невыразимо развратнымъ. Вотъ, видите, Катя, что я говорю. Такъ нельзя... Не оглядывайтесь... До этой встрѣчи я не любилъ ни разу; женщины казались мнѣ такими же, какъ, мы, той же природы. Это не правда... Женщины, Катя, живутъ среди насъ, какъ очень странныя и очень опасныя существа. А та была еще развратна и чувственна, какъ насѣкомое. Это ужасно, когда развратна женщина. Я жилъ, какъ въ чадѣ послѣ встрѣчи... Я чувствовалъ, точно острый ожогъ.

Алексѣй Петровичъ вдругъ остановился, и поднесъ пальцы къ вискамъ:

— Я не то говорю. Я мучаю васъ. Поймите — все это прошло. Я ненавижу ее теперь, какъ только могу... Она околдовала меня, сошлась и бросила, словно разъ надѣтую перчатку. Я потерялъ рассудокъ и сталъ преслѣдовать ее... Словно, жаждаль — дали воды, коснулся губами, а воду отстранили; тянешься, а ротъ высохъ, какъ въ огнѣ... Однажды послѣ бала, въ отчаяніи, быть-можетъ, со зла, при всѣхъ я ее поцѣловаль. На слѣдующій день меня встрѣтилъ мужъ этой дамы и пригласилъ къ себѣ за какими-то билетами. Я предчувствовалъ — зачѣмъ зовутъ и поѣхаль. Помню, было морозное утро, и я такъ тосковаль, глядя на снѣгъ! Мужъ ея сидѣлъ въ кабинетѣ у стола, и, когда я вошелъ, тотчасъ опустилъ голову. Онъ держаль въ толстыхъ рукахъ серебряную папирочницу.

Я глядѣлъ, какъ его пальцы, короткіе и озябшіе, старались схватить папироску и не могли — дрожали. Такія папироски я купилъ потомъ. А на столѣ, поверхъ бумагъ, увидѣлъ хлыстъ, окрученный бѣлой проволокой. Я стоялъ передъ нимъ, а онъ все глядѣлъ на папироски. Вдругъ я сказалъ развязно: — „Здравствуйте же. Гдѣ ваши билетики?“ — и протянулъ руку почти до папирочницы, но онъ руки не подалъ, сердито замоталъ жирнымъ лицомъ и сказалъ: — „Ваше поведеніе я нахожу непорядочнымъ и подлымъ“... Тогда я закричалъ, но, кажется, очень негромко: — „Какъ вы смѣете! Что за тонъ!“ А онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, взялъ хлыстъ и ударилъ меня по лицу. Я не двинулся, не почувствовалъ боли; я видѣлъ, что на жилетѣ его двѣ пуговицы растегнуты, какъ у толстяковъ. Онъ же проговорилъ: — „Такъ вотъ тебѣ“, — перегнулся черезъ столъ и стегнулъ еще разъ по воротнику, потому что я глядѣлъ въ глаза. Я поспѣшно сунулъ руку въ карманъ и вынулъ револьверъ. У него тоже въ рукѣ появился револьверъ, и онъ двинулся ко мнѣ, даже улыбаясь отъ злости, а я смотрѣлъ на свинцовыя пульки и темную дыру въ его револьверѣ... Ужасно! Я почувствовалъ, что не могу умереть, не могу убить, и попятился, — задѣлъ коверъ у зеркала. Въ зеркалѣ отражалась раскрытая дверь, а въ двери стояла та дама, въ шляпкѣ и длинныхъ перчаткахъ. Она сжала ротъ и внимательно слѣдила за нашими движеніями. — „Я пришлю секундантовъ“, сказалъ я. Тогда мужъ топнулъ ногой и закричалъ: — „Я тебѣ покажу секундантовъ, щенокъ! Вонъ отсюда!“ — Я закрылъ глаза и поднялъ револьверъ. А онъ ударилъ меня по рукѣ, потомъ по глазамъ, и я упалъ на коверъ; потомъ самъ поднялся, въ прихожей надѣлъ калоши и пальто. А онъ, стоя съ хлыстомъ въ

дверяхъ, провожалъ меня, словно гостя, но больше не ударилъ...

Алексѣй Петровичъ перевелъ было духъ, но сейчасъ же продолжалъ поспѣшно...

— Мнѣ оставался одинъ выходъ. Я три дня въ ознобѣ лежалъ на кровати, лицомъ къ стѣнѣ. Я не могъ спать и припоминалъ все, какъ было: какъ я пришелъ, а онъ держалъ папиросочницу; всѣ мои слова, и какъ онъ стегнулъ... Тутъ я принимался ворочаться и соображать, что нужно было сдѣлать; какъ бы я сейчасъ, на примѣръ, расправился... Я сѣлся на кровати и скрипѣлъ зубами... Но воля моя опустилась... Я зналъ, что нужно встать, поѣхать въ магазинъ купить новый револьверъ (старый остался у него въ прихожей) — поѣхать туда и убить. Но я не могъ этого сдѣлать, опрокидывался на постель и глядѣлъ на обои. Наконецъ, я понялъ, что нужно думать о другомъ: я сталъ припоминать корпусъ и деревню, куда ѣздить въ отпускъ. Мнѣ стало жаль себя, я заплакалъ и уснулъ. Пробудился я на утро съ тою же жалостью къ себѣ; не хотѣлось мнѣ вѣрить, что случилось — зло; а я вѣдь долженъ совершить еще худшее. Такъ недавно я еще былъ свободенъ. Но я долженъ, долженъ, долженъ дойти до конца... Ужаснѣе всего, что я не воленъ... Я одѣлся, вышелъ на улицу, поднялъ воротникъ, крикнулъ извозчика и сказалъ адресъ оружейнаго магазина, но сейчасъ же подумалъ: выбирать для этого револьверъ я не могу, лучше ткну его саблей... На углу, завидя его подъѣздъ, я слѣзъ и сталъ ходить по тротуару.

Мимо, какъ сейчасъ помню, прошелъ старый генераль, съ бакенбардами и багровымъ носомъ. Было ясно и морозно. — „Нужно, — подумалъ я, — попросить у него прощенія, тогда все устроится. Нѣтъ, нѣтъ.

Люди совсѣмъ не любятъ; они злые и мстительные; нужно оскорблять ихъ, убивать, надругиваться...“ Въ это время на меня наскоцилъ какой-то армейскій офицеръ, розовый, совсѣмъ мальчикъ, пребольно толкнулъ и вѣжливо извинился... Но я уже потерялъ голову и крикнулъ ему: „Дуракъ!“... — Офицеръ ужасно сконфузился, но, замѣтивъ, что я гляжу въ упоръ, нахмурился и сказалъ, поднявъ курносое личико: — „Милостивый государь“, — и еще что-то; — но я оскорбилъ его и тутъ же вызвалъ на дуэль. На утро мы дрались, онъ прострѣлилъ мнѣ ногу. Бѣдный мальчикъ, онъ плакалъ отъ огорченія, присѣвъ около, я лежалъ на снѣгу, лицомъ къ небу, ясному и синему... Тогда было хорошо. Вотъ и все...

Катя долго молчала, спрятавъ руки подъ платкомъ, потомъ рѣзко спросила:

— А та женщина?

Алексѣй Петровичъ соскользнулъ со скамьи къ ногамъ Катеньки, коснулся лбомъ ея колѣнъ и проговорилъ отчаянно:

— Катюша, милая, простили вы? Поняли? Вѣдь это не просто... Я вамъ не гадокъ?

— Мнѣ очень больно, — отвѣтила Катя, отстраняя колѣни, — прошу васъ, оставьте меня и не пріѣзжайте нѣсколько дней.

Она встала; подавая пальцы князю, отвернулася и медленно пошла черезъ мостки на берегъ къ темнымъ деревьямъ, за которыми ея платье, бѣлое отъ луннаго свѣта, ушло въ тѣнь.

Долго глядѣлъ на это мѣсто Алексѣй Петровичъ, потомъ спустился по ступенькамъ къ водѣ и горстью сталъ поливать себѣ на лицо и затылокъ.

II.

Катя вошла на цыпочкахъ къ себѣ, зажгла свѣчи передъ зеркаломъ туалета, сбросила пуховый платокъ, растегнула и сняла кофточку и вынула шпильки, — волосы ея упали на плечи и грудь.

Но гребень задрожалъ въ ея рукѣ; ладонью прижала она мягкіе волосы къ лицу и опустила въ полу-круглое кресло.

За этотъ прошлый часъ она услышала и пережила такъ много, что, хотя не поняла еще ни зла, ни правды — ничего, знала уже и чувствовала, что пришло несчастье.

Всего какой нибудь часъ назадъ ей казалось, будто они съ княземъ — одни во всемъ свѣтѣ, и до нихъ, конечно, никто такъ нѣжно не любилъ. И, какъ тяжелые волосы оттягиваютъ голову, такъ чувствовала Катя въ сердцѣ милую тяжесть любви. До этой любви она не жила. И князь развѣ могъ жить до нея? Онъ явился вдругъ, и весь онъ — ничей и только Катинъ. Такъ было всего часъ назадъ.

— Ахъ, все это чудовищно, — прошептала она, — онъ такъ подробно рассказалъ. Вѣдь грязь пристанетъ, ее не отмоешь... Онъ былъ всегда грустный, — такъ вотъ почему? Конечно, онъ и сейчасъ любитъ ту... Конечно, иначе бы не тосковалъ, не рассказывалъ-бы. А эти побои по лицу, по глазамъ, по его глазамъ... Я не смѣла ихъ даже поцѣловать... И онъ ничего не сдѣлалъ, не бросился, не убилъ... Бесильный, ничтожный... Да нѣтъ же, нѣтъ... если-бы ничтожный былъ — не рассказалъ-бы. А потомъ лежалъ, одинъ, три дня и тосковалъ. Глаза грустные, замученные. Я бы сѣла на кровать, взяла его голову, прижала-бы... Одинъ, одинъ, въ тоскѣ, въ мукѣ... И ни-

кто, конечно, не понимаетъ, не жалѣетъ его... Но я-то не дамъ въ обиду... Поѣду къ этой женщинѣ, скажу ей, кто она такая... Охъ, Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать?

Катя провела языкомъ по пересохшимъ губамъ, и долго потемнѣвшими, невидящими глазами всматривалась въ зеркало. Затѣмъ медленнымъ движеніемъ откинула на голую спину волосы. Покатыя ея плечи и руки и начало выпуклыхъ грудей, полуприкрытыхъ кружевами, были бѣлы, какъ выточенные... Щеки пылали. Наконецъ, она увидѣла себя и гордо усмѣхнулась.

— Вотъ я — такая, — подумала она, — меня никто не трогалъ и не посмѣетъ, а онъ — нечистый и побитый.

Она быстро встала, освободилась отъ лишняго бѣлья, не спѣша заплела косу, но когда доплетала до конца — остановилась, задумалась, тряхнула головой и легла въ кровать.

Второе овальное зеркало на стѣнѣ отразило широкую и низкую, бабкину еще, кровать на бычьихъ ногахъ, и въ подушкахъ разгорѣвшееся лицо Кати, съ презрительно сжатымъ ртомъ. Губы ея дрогнули, она прошептала:

— Еще и я его обижу — и, быстро повернувшись ничкомъ, она, какъ дѣвочка, заплакала, вздрагивая плечами.

Послѣ слезъ Катя забылась. Въ бѣлой ея высокой комнатѣ горѣли двѣ свѣчи, бросая темныя и теплыя тѣни отъ мебели на коверъ. Было такъ тихо, что, казалось, могло само пошевелиться платье, брошенное на стулѣ; въ углу принялся сухо и надоѣдливо трещать сверчокъ.

Потомъ изъ-за кровати появился худой, какъ соломинка, высокій и красный человѣчекъ; не касаясь

пола, онъ сталъ подпрыгивать и дрыгать ногами, держа въ рукахъ тонкія проволоки. Онѣ тянулись и опутывали Катю, а человѣчекъ все подпрыгивалъ.

Потомъ одѣяло стало свертываться, легло, словно камень на грудь, и ноги застыли. И надъ головой завертѣлись, сходясь и расходясь, желтыя кольца... А человѣчекъ прыгнулъ верхомъ на грудь и схватилъ за горло:..

Катя крикнула, приподнимаясь на подушкахъ. Протянутыми руками хотѣла столкнуть тяжесть. Свѣтъ отъ свѣчей укололъ глаза, и она опрокинулась вновь... У ней начался жаръ.

ДОНОСЪ

I.

Этой же ночью Александръ Вадимычъ спалъ очень хорошо — комары его не кусали, а проснулся онъ, по обычаю, рано.

Разлѣпивъ глаза, Александръ Вадимычъ протянулъ руку за кружкой съ квасомъ, выпилъ, крикнулъ, перевернулся на спину, отчего затрещали пружины на тюфякѣ, сдѣлалъ свирѣпое лицо и, сказалъ: «пли!» — сѣлъ, сразу полавъ ногами въ войлочные туфли.

Послѣ этого онъ рѣшился посидѣть немного и съ удовольствіемъ оглянуть комнату. Кабинетъ былъ старый и облѣзлый, въ немъ ничего не передѣлывалось со смерти отца: на одной стѣнѣ висѣли хомутъ, расписная дуга и сбруя, подаренная еще прадѣду Алексѣемъ Орловымъ; у стѣны противоположной стояло собачье чучело и черкесское сѣдло на подставкѣ; въ углу свалены образцовыя косы, серпы и лопаты; надъ диваномъ прибиты фотографіи любимыхъ лошадей, а на письменномъ столѣ лежали — переплетенная за много лѣтъ сельскохозяйственная газета, всевозможныя сѣмена на бумажкахъ, счета, груды мундштуковъ и прочій мусоръ.

Александръ Вадимычъ, скучая зимой, когда снѣгомъ заносило крыши дворовъ и свистѣла, выла мятель, придумывалъ разныя занятія и выписывалъ для этого приборы изъ Берлина и Москвы... Такъ, однажды понадобилась ему автоматическая машинка для

чинки карандашей, и Кондратій повсюду разыскивалъ сломанные карандаши, относя ихъ барину... Потомъ увлекался Александръ Вадимычъ фотографіей, и тогда повсюду лежали негативы и мензурки съ кислотой. Иную зиму вырѣзывалъ онъ изъ картона и клеилъ примѣрные хутора, мельницы и сельскохозяйственныя машины. Однажды, узнавъ отъ заѣзжаго землемѣра, что можно домашнимъ путемъ провести электричество, выписалъ все для этого нужное и освѣтилъ, послѣ многихъ трудовъ, кабинетъ; обѣщался даже Катенькѣ провести электрической свѣтъ, но лѣто отвлекло Александра Вадимыча отъ этой затѣи, — съ первымъ шумомъ весеннихъ водъ, начиналъ чувствовать онъ, какъ бѣжитъ въ жилахъ кровь, и предавался лишь благороднымъ занятіямъ: въ мартѣ случалъ коней, въ апрѣлѣ гатилъ плотины, въ маѣ наѣзжалъ жеребцовъ, а тамъ — покось, жнивье, молотьба и осень, когда все пьянымъ-пьяно и вездѣ свадьбы.

Александрѣ Вадимычу надоѣло сидѣть на постели, и онъ крикнулъ бодро:

— Кондратій, штаны!

Кондратій вошелъ, держа на рукѣ просторныя штаны, поклонился и сказалъ: «съ благополучнымъ встаніемъ».

— Ну, какъ, все — благополучно? — спросилъ Александръ Вадимычъ.

— Ничего, слава Богу, все благополучно.

— Ничего не случилось, а?

— Будто ничего.

— А мужики приходили?

— Мужики, дѣйствительно, приходили.

— Что же ты имъ сказалъ?

— Да сказалъ, что, молъ, баринъ велѣлъ въ шею гнать.

— А они что?

— Да ничего. Потѣснились. Одно занятіе — затылокъ чесать, ежели скотину выгнать некуда...

— Это еще что за разговоръ? Смотри, Кондрашка...

Александръ Вадимычъ свирѣпо уставился на Кондратія, который отвернулся, пожевалъ и молвилъ:

— Барышня у насъ будто захворали.

— Какъ такъ?

— Такъ и захворали, всю ночь метались... Вотъ что...

Александръ Вадимычъ сказалъ: «гмъ» и поморщился. Въ то, чтобы Волковы могли хворать — онъ не вѣрилъ, а если дочь не спала ночью — значить одолѣвала ее дѣвичья дурь, отъ которой лечатъ свадьбой. Вотъ предстоящая свадьба и была причиной, почему Александръ Вадимычъ поморщился. Гдѣ найти подходящаго жениха? Чортъ его знаетъ!! Намѣчается, пожалуй, князь; но какъ его сосватать, когда онъ въ домъ ѣздитъ, даже по ночамъ, говорятъ, видается съ Катей въ саду, а не сватается — нахаль... Все это канительно до тошноты, и было бы хорошо, напримѣръ, заснуть съ вечера, а на утро Кондратій бы сообщилъ: «барышня замужемъ-съ»...

— А, чортъ, разстроюсь я съ вами, — сказалъ, наконецъ, Александръ Вадимычъ, повернулъ голову, кашлянулъ и плюнулъ. Потомъ протянулъ Кондратію ноги, застегнулъ на костяную пуговицу просторные штаны, всталъ и, сказавъ, — „распорядись Кляузницу въ дрожки заложить“ —, подошелъ къ умывальнику.

Умывальникъ былъ устроенъ въ видѣ фаянсоваго кувшина, который, если коснешься его носика, пере-

вертывался на ушкахъ и обливалъ сразу и много. Александръ Вадимычъ, фыркая, помылся, надѣлъ парусиновый кафтанъ, отъ долгаго ношенія принявшій форму тѣла, обозначивъ даже сосочки на грудяхъ, и прошелъ въ столовую.

Въ столовой за кофе Александръ Вадимычъ вспомнилъ о дочери, опять поморщился и направился къ ней по коридору.

Катя лежала въ постели, осунувшаяся и блѣдная. Привставъ, она поцѣловалась съ отцомъ и вновь опустилась на подушку, засунула обѣ ладони подъ щеку, закрыла глаза.

— Ахъ ты, кислятина, — сказалъ Александръ Вадимычъ, сильно потеревъ указательнымъ пальцемъ носъ, — за докторомъ, что-ли, послать?

Катенька, не открывая глазъ, медленно покачала головой. Тогда Александръ Вадимычъ, изъ упрямства, тотчасъ приказалъ Кондратию гнать въ Колывань и тащить доктора живого или мертваго. Потомъ потрепалъ дочь по щекѣ; вышелъ на крыльцо и, упершись въ бока, залюбовался гнѣдой кобылой, запряженной въ дрожки.

Кобыла Кляузница поводила налитыми глазами, пряла ушками и присѣдала, дожидаясь, когда ее отпустятъ, чтобы накуролесить.

— Шельма кобыла, — весело сказалъ кучеръ, держа подъ уздцы Кляузницу, — утрась конюху ужасно всю руку выгрызла.

— За увѣчье поднести надо, Александръ Вадимычъ, — проговорилъ конюхъ, снимая шапку.

— Ладно, поди на кухню, — отвѣтилъ Александръ Вадимычъ, сошелъ съ крыльца и съ удовольствіемъ почувствовалъ легкую дрожь; сдержавъ себя, сѣлъ

верхомъ на дрожки, разобралъ вожжи, глубже надвинулъ бѣлый картузь и сказалъ негромко:

— Пускай.

Кучеръ отпустилъ. Кляузница не двигалась, шумно только вздохнула, раздула розовыя ноздри.

Александръ Вадимычъ сказалъ: „но, милая“ и тронулъ вожжей. Кляузница попятилась и присѣла. Кучеръ хотѣлъ было опять схватить подъ уздцы, но Волковъ крикнулъ: „не тронь!“ и хлестнулъ обѣими вожжами.

Кляузница рванулась, сѣла и вдругъ „дала свѣчку“; Волковъ еще ударилъ, тогда она махнула задомъ, окатила сѣдока и понесла... Конюхъ и кучеръ побѣжали вслѣдъ; но Кляузница уже вынесла на дорогу, и Александръ Вадимычъ, тщетно натягивая вожжи, отплевывался только, пыхтѣлъ и выкатывалъ глаза. Кучеръ же и конюхъ, добѣжавъ до околицы, ударили себя по колѣнкамъ, хохоча и приговаривая: „это тебѣ не квасъ“...

Кляузница скакала безъ дороги по бьющей по ногамъ травѣ, лягалась, взвизгивала и всячески старалась вывернуть дрожки, но Александръ Вадимычъ сидѣлъ крѣпко, съ усами по вѣтру, и старался направить кобылу вверхъ на холмы.

Это ему удалось, но Кляузница, выскакавъ на горку, за которой скрылась усадьба, выдумала новую штуку — ложиться въ оглобляхъ на всемъ ходу.

Волковъ этого не ждалъ и, когда лошадь упала, слѣзъ съ дрожекъ, чтобы помочь ей подняться.

Но Кляузница сама проворно вскочила, опрокинула Волкова и унеслась по полю, трепля дрожки...

Необыкновенно досадно стало Александру Вадимычу, побѣжалъ онъ было за Кляузницей, но тутъ же загорѣлся и легъ отпыхаться у прошлогодняго стога.

Въ это, какъ разъ, время, неподалеку стога, по дорогѣ, трусдой, проѣзжала плетушка, запряженная парой клячь, въ веревочной упряжи...

Сидящіе въ плетушкѣ отлично видѣли позоръ Волкова, остановили клячу, и знакомый голосъ крикнулъ изъ плетушки:

— Александръ Вадимычъ, не расшиблись?...

Волковъ посмотрѣлъ на проѣзжихъ и выругался про себя. Въ плетушкѣ, повѣсивъ голову, спалъ Образцовъ; по травѣ къ стогу бѣжалъ Цурюпа, въ смокингѣ и лакированныхъ башмакахъ...

— Увидаль, мерзавецъ, — подумалъ Волковъ, — теперь по всему уѣзду развонить, что меня паршивая кобылешка обошла...

Цурюпа, добѣжавъ, поддернулъ брюки и присѣлъ надъ Волковымъ:

— Боже мой, вы безъ чувствъ! Александръ Вадимычъ...

Волковъ тотчасъ же сѣлъ и воскликнулъ:

— Что вы всѣ пристали ко мнѣ, въ самомъ дѣлѣ! Ъздилъ, ѣздилъ, уморился и легъ въ холодкѣ.

— А гдѣ же лошадь ваша, Александръ Вадимычъ?

— Ахъ, чортъ возьми, ушла... Вотъ неприятность!... Стояла все время смирно — должно быть мухи заѣли.

— Лошадь на хуторъ ускакала, мы съ горы видѣли, — сказалъ Цурюпа, — но это пустыки... Я очень радъ, что мы встрѣтились, я хотѣлъ самъ къ вамъ пожаловать и сообщить очень важное...

Онъ наклонился къ уху Волкова и прошепталъ:

— Долженъ предупредить: князь Краснопольскій, Алексѣй Петровичъ, прямо-таки подлець, только между нами.

— Что такое? — спросилъ Александръ Вадимычъ,

вставая на четвереньки, потомъ во весь ростъ; одернулъ кафтанъ и добавилъ: — опять сплетня?

— Ахъ, я самъ не люблю сплетень, — поспѣшно продолжалъ Цурюпа, — это моветонъ, — но изъ дружбы къ вамъ; притомъ же замѣшана честь; вчера, видите ли, пріѣхали къ нему обѣдать — я, Ртищевы и Образцовъ — полюбуйте, въ какомъ онъ видѣ сейчасъ; излишество, конечно, у князька за столомъ — прямо непристойное; послѣ обѣда всевозможныя самодурства, и предлагаетъ вдругъ ѣхать въ Колывань къ дѣвкамъ. Что за манера! — но компанія. — Поѣхали... Въ Колывани всѣ напились до полной потери культуры и — привели четырехъ голыхъ дѣвокъ.

— Голыхъ? — переспросилъ Александръ Вадимычъ.

— Въ томъ-то и дѣло... Противно ужасно, но думаю — пусть покажетъ себя князекъ до конца. И, представьте, что онъ выкинулъ? — Цурюпа на мигъ пріостановился, глядя въ глаза Волкову, который внезапно крякнулъ и подмигнулъ, — представьте — около полуночи князекъ выбѣжалъ на дворъ и кричитъ: „эй, лошадей, ѣду въ Волково“...

— Ко мнѣ? — спросилъ Александръ Вадимычъ.

— Ну, да-же, поймите... Это ужасно щекотливо: конечно, онъ ѣхалъ къ вамъ — Александру Вадимычу, но, какъ бы изящно выразиться, — люди могутъ подумать, что и не къ вамъ.

Цурюпа для ясности растопырилъ пальцы передъ носомъ Александра Вадимыча, который вспыхнулъ, вдругъ понявъ намекъ, и сказалъ:

— Ахъ, ты, болванъ!

Но Цурюпа слишкомъ уже разошелся и поэтому, не обидясь, продолжалъ еще поспѣшнѣе:

— И, дѣйствительно, къ вамъ ускакалъ, и всѣ, знаете ли, принялись такія штуки неприличныя отмачивать, что я закричалъ, приказалъ прямо: довольно гнусныхъ сценъ, ѣдемъ отсюда! Но мы своихъ лошадей въ Миломъ оставили, — вотъ и плетемся на земскихъ... Я давно говорилъ: этого князька нельзя принимать, да и князекъ ли онъ, не еврей ли?...

Но Александръ Вадимычъ уже не слушалъ Цурюпу. Подогрѣтый къ тому же афронтомъ съ Кляузницей, освирипѣлъ онъ до того, что не могъ слова вымолвить и только сопѣлъ, раскрывъ ротъ, отчего Цурюпа даже струсилъ. Наконецъ, Волковъ выговорилъ:

— Да гдѣ же этотъ мерзавецъ? Подать сюда лошадей! Запорю!

— И отлично, и отлично, доѣдемъ на клячахъ до меня, а оттуда вмѣстѣ нагрянемъ въ Милое и Ртищевыхъ захватимъ: — пусть дастъ отчетъ, — шепталъ Цурюпа и, завиваясь ужомъ, бѣжалъ за Волковымъ къ тарантасу, радуясь, что отомстилъ за вчерашняго „хама“.

II.

Только послѣ обѣда выѣхали разгоряченные виномъ всадники изъ усадьбы Цурюпы въ Милое.

Впереди на косматомъ сибирякѣ, храпѣвшемъ подъ тяжестью всадника, скакалъ, раскинувъ локти, Волковъ. За нимъ неслись братья Ртищевы, поднимали нагайки и вскрикивали:

— Вотъ жизнь! Вотъ люблю! Гони, шпарь!

Ртищевымъ было все равно — на князя-ли идти, стоять-ли за князя, — только бы вѣтеръ свистѣлъ въ

ушахъ; къ тому же, послѣ уговоровъ Цурюпы они рѣшили покарать безнравственность.

Позади всѣхъ, помятый, угасшій, но въ отличной визиткѣ, рейтузахъ и гетрахъ, подпрыгиваль на англійской кобылѣ Цурюпа.

Швыряя съ копытъ пескомъ, мчались всадники по тальниковымъ зарослямъ, и, чѣмъ меньше оставалось пути до Милаго, тѣмъ круче поднималась рыжая бровь у Волкова, другая же уѣзжала на глазъ, и онъ выпячиваль нижнюю челюсть, съ каждой минутой придумывая новыя звѣрства, которыя учинить надъ княземъ.

Алексѣй Петровичъ, тревожно проспавъ остатокъ ночи, взялъ прохладную ванну, приказаль растереть себя полотенцами и сидѣлъ у рояля въ малой круглой залѣ, съ окнами вверху изъ цвѣтныхъ стеколъ.

Рояль былъ въ видѣ лиры, палисандровый, разбитый и гудкій; князь проигралъ одной рукой, что помнилъ наизусть — *chanson triste*. Солнце сквозь цвѣтныя стекла заливало паркетный полъ, на которомъ мозаичныя гирлянды и вѣнки словно ожили. На синемъ штоффѣ стѣнъ висѣли скучныя гравюры и напротивъ рояля — портретъ безъ рамы — князя Краснопольскаго, въ красномъ камзолѣ, со свиткомъ въ рукѣ... Все это — и потертые диваны, и круглыя столы, и ноты въ изъѣденныхъ корешкахъ — было нежилое, ветхое и пахло тлѣніемъ... Алексѣй Петровичъ, повернувшись на винтовомъ стулѣ, подумаль:

„Они глядѣли черезъ эти пестрыя окошки, слушали вальсы, лежали на диванахъ, любили и цѣловались втихомолку — вотъ и все, — потомъ умерли. И насиженный домъ, и утварь, и воспоминанія доста-

лись мнѣ. Зачѣмъ? Чтобы такъ-же, какъ все, умереть, истлѣть!“

Онъ снова перебралъ клавиши, вздохнулъ, и усталость, разогнанная не надолго ванной, снова овладѣла имъ, согнула плечи. Онъ проговорилъ медленно:

— Милая Катя!

И закрытымъ глазамъ представилась вчерашняя Катенька, ея повернутый къ лунному свѣту профиль и подъ пуховымъ платкомъ покатое плечо. Прижаться бы щекой къ плечу и навсегда успокоиться!

„Развѣ нельзя жить съ Катей, какъ братъ, влюбленный и нѣжный? Но захочетъ-ли она такой любви? Она уже чувствуетъ, что — женщина. Конечно, она должна испытать это. Пусть узнаетъ счастье, острое, мгновенное. Забыться съ нею на день, на недѣлю! И уѣхать навсегда. И на всю жизнь останется сладкая грусть, что держалъ въ рукахъ драгоценное сокровище, счастье, и самъ отказался отъ него. Это сильнѣе всего. Это перетянетъ. Сладко грустить до слезъ! Какъ хорошо! Вчера вѣдь такъ и кинулась, протянула руки. Зацѣловать бы надо, ахъ Боже мой... Рассказалъ ей пошлѣйшую гадость... Зачѣмъ? Она не пойметъ... Не приметъ!!...“

Алексѣй Петровичъ провелъ по лицу ладонью, всталъ отъ рояля, легъ навзничъ на теплый отъ солнца диванъ и закинулъ руки за голову. Въ дверь, въ это время, осторожно постучался лакей, доложивъ, что поданъ ужинъ.

— Убирайся, — сказалъ Алексѣй Петровичъ. Но мысли уже прервались, и, досадуя, онъ сошелъ внизъ, въ залу съ колоннами, гдѣ былъ накрытъ столъ, мелькомъ взглянулъ на лакея, — онъ стоялъ почти-тельно съ каменнымъ лицомъ, — поморщился (еще бродилъ у него тошнотворный, вчерашній хмѣль) и,

заложивъ руки за спину, остановился у холодноватой колонны. За стеклянной дверью, за верхушками елей садилось огромное солнце. Печально и ласково ворковалъ дикій голубь. Листья осины принимались шелестѣть, вертясь на стебляхъ, и затихали. Все было здѣсь древнее, вѣковѣчное, все повторялось снова.

„Я измѣнюсь, — думалъ Алексѣй Петровичъ. — Я полюблю ее на всю жизнь. Я люблю ее до слезъ. Милая, милая, милая... Катя смирить меня. Господи, дай мнѣ быть вѣрнымъ, какъ всѣ. Отними у меня безпокойство, сдѣлай такъ, чтобы не было яду въ моихъ мысляхъ. Пусть я всю жизнь просижу около нея. Забуду, забуду все... Только любить... Вѣдь, есть же у меня святое... Вотъ Саша — пусть та отвѣчаетъ. Сашу можно замучить, бросить! Она кроткая: сгоритъ и еще благословитъ, помирая“.

Алексѣй Петровичъ сунулъ руку за жилетъ, точно удерживая сердце, — до того билось оно, все сильнѣе, пока не защемило. Онъ крѣпче прислонился къ колоннѣ. На лбу проступилъ потъ. Алексѣй Петровичъ подумалъ: „надо бы брому“, — шагнулъ къ широкому креслу и опустился въ него, обезсиленный припадкомъ черезчуръ замотаннаго сердца.

А въ это время въ домѣ захлопали двери, затопали тяжелые шаги. Лакей съ испуганнымъ лицомъ подбѣжалъ къ дверямъ, дубовыя половинки ихъ распахнулись подъ ударомъ, и въ залу ввалился Волковъ, за нимъ Ртищевы и Цурюпа.

— Подай мнѣ его! — закричалъ Волковъ, повода выпученными глазами. Обѣденный столъ онъ пихнулъ ногой такъ, что зазвенѣла посуда: — Онъ еще обѣдать смѣетъ! — Потомъ шагнулъ къ балконной двери и, увидѣвъ между колоннъ князя, который, ухватясь за кресло, глядѣлъ снизу вверхъ, — про-

говорилъ, выпячивая челюсть: — За такія, братъ, дѣла въ морду бьютъ! —

— Да, бьютъ! — заорали Ртищевы за его спиной. Цурюпа же, стоя у двери, повторялъ: — Господа, господа, все-таки, осторожнѣе —.

Князь поблѣднѣлъ до зелени въ лицѣ. Онъ подумалъ, что Катя все рассказала отцу. Теперь его — битаго — оскорбятъ еще; такъ же возьмутъ блестящій хлыстъ, и опять нужно будетъ лечь, кусать подушку...

Но Волковъ подъ взглядомъ князя вдругъ притихъ, словно стало ему совѣстно. Такой взглядъ бываетъ у перешибленной собаки, когда подойдетъ къ ней работникъ съ веревкой, чтобы покончить поскорѣй — удушить; защита ея въ однихъ глазахъ. У иного и рука не поднимется накинуть петлю, — отвернется онъ, отойдетъ, кинетъ издали камушкомъ.

Такъ и Волковъ попятился и преговорилъ, опуская бровь:

— Ну, что уставился? Такъ, братъ, не годится поступать, хоть ты и хорошаго рода. Я все-таки отецъ. Ты пьянствуй, а дѣвицу марать не смѣй!

При этихъ словахъ онъ опять запыхтѣлъ и закричалъ, наступая:

— Нѣтъ, побью, силъ моихъ нѣтъ!

— Что я сдѣлалъ? — тихо спросилъ Алексѣй Петровичъ, начиная вздрагивать незамѣтно отъ острой радости, — самое страшное миновало.

— Какъ что? Съ Сашкой безобразничаешь, а потомъ при всѣхъ хвастаешь, что ночью ко мнѣ ѣдишь. Я тебя и въ глаза не видалъ. На весь уѣздъ меня опозорилъ...

Алексѣй Петровичъ быстро поднялся, не сдержавъ легкаго смѣха; схватилъ удивленнаго Волкова за

руки: — „Идемъ, дорогой, милый“ —, увлекъ Александра Вадимыча на балконъ и, прильнувъ къ его плечу, пахнущему потомъ и лошадыю, проговорилъ:

— Я люблю Катю, выдайте ее за меня. Милый, я измѣнился... Теперь все перегорѣло...

Онъ задохнулся. У Волкова же голова затряслась отъ волненія:

— Такъ, такъ, понимаю. Ты вотъ какъ обернулъ? Это совсѣмъ дѣло другое. Я и самъ хотѣлъ... Только ты, братецъ, какъ-то сразу. Экій ты, братецъ, торопыга...

Потомъ онъ потеръ лобъ и окончилъ упавшимъ голосомъ:

— Я по саду пройдуся. Дѣло важное, не бойся, — только отойду немножко...

И Волковъ, тяжело ступая, спустился съ балкона. Князь вернулся въ залу и, крѣпко сжавъ сухіе кулаки, сказалъ сквозь зубы Ртищевымъ и Цурюпѣ:

— Пошли вонъ.

Волковъ не любилъ медлить и раздумывать, если чего-нибудь ему очень захотѣлось. Поэтому, посидѣвъ въ кустахъ, онъ вернулся и объявилъ князю, что этимъ же вечеромъ нужно все покончить; самъ пошелъ на конюшню, гдѣ долго ругалъ конюховъ, хозяйскимъ глазомъ уличивъ ихъ въ нерадѣніи; походя заглянулъ во всѣ стойла и въ каретники и, уже идя обратно, крикнулъ князю, стоящему на крыльцѣ:

— Ну, батенька, ты меня прости, а ты Оефела — такъ запустить конюшню! Вотъ, слава Богу, ужъ я у тебя порядки наведу...

Князь же только смѣялся мелкимъ смѣшкомъ. Смѣшокъ этотъ нельзя было удержать, онъ боялся его и

чувствовалъ, что не ждять добра. Поэтому, когда Волковъ, выбравъ лучшую коляску, велѣлъ запретъ въ нее вороную тройку и повезъ Алексѣя Петровича къ себѣ, князь держался во время дороги такъ странно, что, когда они проѣхали полпути, Волковъ скавалъ, покосясь на спутника:

— Что ты какой неудобный сталъ — перестань, говорю, вертѣться: Катерина тебѣ не откажетъ.

Но въ Волковѣ, куда они пріѣхали на закатѣ, ждала ихъ неожиданная непріятность, которая, ускоривъ событія, отозвалась тяжело не только на князѣ и Катенькѣ, но и на докторѣ Григоріи Ивановичѣ Заботкинѣ, влетѣвшемъ во всю эту исторію, какъ муха въ огонь.

III.

Утромъ этого дня за Григоріемъ Ивановичемъ были посланы лошади.

Онъ въ это время, растворивъ окна и дверь, мыль кипяткомъ и мыломъ засиженую свою избенку, повсюду раскладывалъ чистую бумагу, найденныя подъ печкой глубоко неинтересныя книги и останавливался иногда съ тряпкой въ рукѣ поглядѣть на солнышко, отъ котораго быстро высыхали и лавки и полъ.

— „Люблю чистоту, — думалъ Григорій Ивановичъ, — отъ нея на душѣ чисто и празднично. А день-то какой! — и гуси на водѣ, и облака на небѣ. Восторгъ.“

Забѣжалъ на минутку попь Василій и до того удивился, что спросилъ озабоченно: — да ты здоровъ, Гриша? — Но съ первыхъ же его словъ все понялъ и, боясь потревожить еще непрочную (какъ ему казалось) радость, поулыбался и потихоньку ушелъ; Григорій Ивановичъ и не замѣтилъ его ухода.

Казалось ему, что именно сегодня придет счастье. А если не придет? Нѣтъ, иначе быть не можетъ.

Часу во второмъ къ докторскому домику подкатила пара вороныхъ, запряженная въ шарабанъ; Григорій Ивановичъ, удивясь, высунулся съ тряпкой въ рукѣ въ окошко; кучерь соскочилъ съ шарабана, подошелъ къ окну и спросилъ:

— Что, садовая голова, дома докторъ, или уѣхалъ? . . . — Заглянулъ въ избенку и прищурилъ на Григорія Ивановича глазъ, — разстарайся, покличь доктора, — у насъ барышня нездорова. Къ Волкову, скажи, Александру Вадимычу.

Григорій Ивановичъ сейчасъ-же отошелъ отъ окна и уронилъ тряпку. Сердце заколотилось, захватило духъ . . . И ему представилась Екатерина Александровна, когда, приподнявъ намокшее платье, всходила она по трапу: показалась сіяющая ея голова, круглыя плечи и высокій станъ, охваченный шелкомъ . . .

— „А вдругъ тифъ, — подумалъ Григорій Ивановичъ, — нѣтъ, не можетъ быть.“ —

— Эй, ты! — воскликнулъ онъ, подбѣгая опять къ окну, — я и есть докторъ, сейчасъ ѣду! — И, уже держа въ рукѣ фуражку, взглянулъ въ осколокъ прибитаго между окошекъ зеркала, въ которомъ, криво-накосо, отразилось красное, съ пухомъ на щекахъ, широкое лицо, покрытое до плечъ мочальными волосами.

— Что за пакость, — отступивъ, пробормоталъ Григорій Ивановичъ, — дѣйствительно, — „садовая голова“. Нельзя, я не могу ѣхать.

Онъ быстро присѣлъ на лавку, въ недоумѣніи наморщивъ лобъ, но тотчасъ вскочилъ, взялъ ножницы и, тыча въ голову ихъ концами, сталъ отрѣзывать сбоку прядь волосъ, которая, не рассыпаясь, упала на полъ.

Григорій Ивановичъ наступилъ на нее и, косоротясь, рѣзалъ еще и еще, окорналъ себя съ обѣихъ сторонъ, и сейчасъ же догадался, что сзади никакъ ножницами не достанетъ, и, вообще, сходить съ ума.

Бубенчики позванивали за окномъ, кучеръ нарочно громко зѣвалъ, поминая Господа, а Григорій Ивановичъ, весь въ поту, подогнувъ колѣно, скрививъ шею, стригъ затылокъ; потомъ швырнулъ ножницы, схватился за умывальникъ, а воды не было; неизвѣстно, гдѣ лежалъ сюртукъ; кучеръ постучалъ кнутовищемъ о ставню, спросивъ: „скоро ли?“. Заботкинъ только ногой топнулъ — съ нимъ не случилось подобнаго — развѣ во снѣ, когда нужно бѣжать, а ступни приросли, хочешь замахнуться — и руки не поднять...

— Гони, гони во всю, — проговорилъ, наконецъ, Григорій Ивановичъ, впрыгивая въ шарабанъ. И всю дорогу прихорашивался, теръ платкомъ лицо и отчаивался. Когда же съ горы стали видны пруды, садъ и красная крыша Волкова, — хотѣлъ выскочить. Все, что происходило съ нимъ въ этотъ день, было словно во снѣ.

На крыльцѣ доктора встрѣтилъ Кондратій и повелъ въ домъ. Григорій Ивановичъ, вдохнувъ тонкій, чуть чуть тлѣнный запахъ старыхъ этихъ комнатъ, сейчасъ же пошелъ на цыпочкахъ, понимая, что здѣсь говорить нужно деликатно и дѣлать изящные жесты — вѣдь, по каждой половицѣ прошла хоть разъ Екатерина Александровна, у cadaго окна стояла: это былъ не обыкновенный домъ, а чудо.

— Вотъ сюда, — сказала Кондратій, останавливаясь передъ ковромъ, покрывавшимъ дверь, — а вы вотъ что, — онъ пожевалъ, — не больно на порошки то налегайте.

И онъ отогнулъ коверъ. Григорій Ивановичъ, про-

бормотавъ: — погоди, погоди, ну, — ладно, — одернулъ скюрточекъ, провелъ ладонью по лицу, вошелъ, и разбѣжавшіеся его глаза сразу остановились на подушкахъ, гдѣ лежала повернутая къ двери затылкомъ дѣвичья голова. Двѣ косы, раздѣленныя полоской пробора, огибали шею, поверхъ голубого одѣяла покоилась голая до локтя бѣлая рука.

Григорій Ивановичъ зажмурился, потомъ поглядѣлъ на красныя туфельки на коврѣ и краюшкомъ подумалъ, что онъ — докторъ Заботкинъ — шарлатанъ и куча грязныхъ тряпокъ. И сейчасъ же забылъ объ этомъ.

А Катя въ это время вздохнула и медленно повернулась на спину; Григорій Ивановичъ въ страхѣ попятился. Она быстро мигнула, совсѣмъ пробуждаясь, и глаза ея съ удивленіемъ остановились на вошедшемъ. Потомъ она опустила вѣки и покраснѣла.

— Ахъ, это вы, докторъ, — сказала она, — здравствуйте... Простите, что васъ потревожили... Но папа...

Григорій Ивановичъ съ усиліемъ подошелъ; Катя протянула ему теплую еще отъ сна руку, и онъ, страшно покраснѣвъ, пожалъ ее, спохватился, вынулъ часы, но стрѣлокъ не увидѣлъ, принялся ногой отбивать секунды, сейчасъ же понялъ, что запутался, погибъ, выпустилъ ея руку и уронилъ часы. Тогда Катя медленно закрыла ладонями лицо, плечи ея колыхнулись, и она, не въ силахъ сдержаться, засмѣялась.

Лютый морозъ поползъ по докторѣ Заботкинѣ, затошнило даже, а губы раздвигались въ дурацкую улыбку — будь она проклята! Наконецъ Катя, прикрывая ротъ, съ глазами, полными веселыхъ слезъ, проговорила:

— Не сердитесь, милый докторъ, ради Бога объясните, что съ вашими волосами? — И уже совсѣмъ громко и звонко засмѣялась. Тогда онъ, въ отчаяніи взглянувъ въ зеркало, увидѣлъ перекошенное свое лицо, на головѣ пролысины, города и сзади косицу...

— Это въ темнотѣ, — пробормоталъ онъ, — я всегда имѣю привычку... — и, не выдержавъ, попятился и выскочилъ за дверь.

IV.

У двери, въ коридорѣ ждалъ его Кондратій.

— Послушай, — съ отчаяніемъ крикнулъ ему Григорій Ивановичъ, — сбѣгай, вели лошадь подать, сію минуту уѣду, я не могу.

— Не извольте фордыбачить, — отвѣтилъ Кондратій строго, — вы не у себя-съ, — пожалуйста за мной.

Григорій Ивановичъ сказалъ, — „ага“, и послушно послѣдовалъ за Кондратіемъ по коридору, подъ лѣстницу, въ каморку, гдѣ и сѣлъ на сундукъ, покрытый кошмой.

— Меня не „послушай“ зовутъ, а Кондратій Ивановичъ, — послѣ молчанія сказалъ Кондратій, прислонясь къ дверному косяку, — вотъ что; а вы что же — барышню уморить пріѣхали, нарочно такъ остриглись, для невѣжества?

— Кондратій Ивановичъ, — закричалъ докторъ, — замолчите! Я самъ все понимаю!

— Слушаться надо, а не мудрить, господинъ докторъ. Лошадей все равно не дамъ; а насчетъ Катеньки, такъ я ее на рукахъ вынянчилъ и мудрить надъ ней, пока живъ, никому не позволю. Лѣчить ее надо не порошками, а добрымъ словомъ, — хворь у нея

самая дѣвчья. Поняли? Ну ладно. А что вы ее дурацкимъ видомъ своимъ насмѣшили — это хорошо. Я и самъ — былъ молодой — штуки откалывалъ. Какъ расколыхается баринъ на доброе здоровье, такъ въ дому сразу хозяйственно, и слуги дѣло свое исполняютъ. Такъ и Богъ велѣлъ. Дайте-ка я васъ подчищу; второй разъ явиться въ уродливомъ видѣ — невѣжество, а ужъ не смѣхъ.

Кондратій взялъ ножницы, и Григорій Ивановичъ, угодливо подставивъ ему голову, спросилъ:

— Вы, Кондратій Ивановичъ, развѣ барышню на рукахъ выходили?

— Да-съ, на рукахъ-съ, — отвѣтилъ Кондратій, и вдругъ опустилъ ножницы, прислушиваясь: кто-то ходилъ по коридору, пробуя ручки дверей, потомъ не то закашлялъ, не то заплакалъ глухо.

— Будто чужой кто? — сказалъ Кондратій. — А? — Шумъ затихъ, и старый слуга озобоченно вышелъ.

Вскорѣ слышался его голосъ: — нельзя, уходи, уходи, — и другой — женскій, торопливый и умоляющій. Но Григорію Ивановичу было все равно, онъ помыслся, пригладился, почистилъ скюрточокъ и, подумавъ: — „конечно, я не красивъ, даже мѣшковать, но есть извѣстная молодость въ лицѣ и, особенно, — выражение глазъ,“ — сдержанно вздохнулъ и вышелъ въ садъ, ожидая, когда позовутъ къ больной.

Въ саду онъ завернулъ за уголь дома, пошелъ по травѣ и сѣлъ на чугунную скамью, противъ оконъ, положивъ руку на зеленую лейку, стоящую около.

У ногъ надъ травой крутились пчелы, пахла медовая кашка, и запахъ этотъ, и теплое, совсѣмъ низкое солнце, залившее сквозь листву штукатуренную стѣну дома, и Катенькино окно, съ опущенной занавѣской

(по занавѣскѣ онъ и догадался, чье это окно), волновали, какъ музыка, и Григорій Ивановичъ, жмурясь и подставляя затылокъ солнцу, чувствовалъ, что все въ немъ слабѣетъ (да и зачѣмъ ему это свое?): онъ будто растворяется въ свѣтѣ, въ тишинѣ сада, и все — небо, облака на небѣ, вода, деревья и лугъ — все въ немъ. Или онъ самъ это расплывается, отдавая глаза — небу, душу — облакамъ, кровь — водѣ, руки — деревьямъ, тѣло — землѣ. Это было похоже на смерть, на сонъ, или на любовь.

— Пусть всю жизнь буду по дорогамъ таскаться, по вонючимъ избамъ, — подумалъ онъ, — пусть я уродъ, не способенъ умереть за нее, — ну нѣтъ, умереть-то я очень способенъ, пусть только прикажетъ, — что мнѣ нужно? Ничего! Только жить, чувствовать, вдыхать...

На балконѣ, въ это время, между облупившихся все-гдѣ до кирпича колоннъ, появился князь Алексѣй Петровичъ. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ и полосатые панталоны, правой рукой опирался на трость, а лѣвой, держа перчатки, отмахивался, испуганно, отъ пчелы. Пчела улетѣла; князь послѣшно сошелъ въ садъ и, не замѣчая Заботкина, принялся въ необыкновенномъ волненіи, поднимаясь на цыпочки, смотрѣть на занавѣшенное окно.

Не можетъ этого быть, — проговорилъ онъ громко, — это слишкомъ! — взмахнулъ тростью, повернулся и, увидѣвъ Григорія Ивановича, выпятилъ нижнюю губу.

— „Это еще кто?“ — подумалъ докторъ, разглядывая князя. Алексѣй Петровичъ спросилъ:

— Вы докторъ? Кто сейчасъ у Екатерины Александровны? Вы знаете что-нибудь?

А что случилось?... Развѣ несчастье?!...

— Нѣтъ, впрочемъ, я не знаю, — Алексѣй Петровичъ сѣлъ на скамью, коснулся руки Григорія Ивановича и особенно мягко заговорилъ: — Передъ священниками и докторами не скрываются, правда? Скажите, быть можетъ, есть средство, чтобы сердце не такъ болѣло, чтобы имъ владѣть.

— Бромъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ.

— Ну да, но я не про то. Когда узнику открываютъ тюрьму и онъ съ порога видитъ солнце, тогда ему говорятъ: — а мы старый грѣшокъ вспомнили, — иди назадъ... Но я исправился? — Нѣтъ, иди обратно. — Докторъ, мужъ Екатерины Александровны долженъ быть чистъ и свободенъ, правда?

— Вы женитесь? — спросилъ Григорій Ивановичъ, всматриваясь въ слишкомъ красныя губы князя и безпокойные его глаза: — „руки бѣлыя какія“ — подумалъ Григорій Ивановичъ и ему стало вдругъ необычайно грустно. Князь продолжалъ:

— Я не врагъ себѣ, пусть и она повѣритъ, что не врагъ; я мучаюсь больше ея. Не для радости же въ Колывань ѣздилъ... Впрочемъ, вы ничего не знаете... Я пріѣхалъ просить ея руки, вотъ... Докторъ, если выйдетъ несчастье — вы поможете? Сейчасъ за окномъ, я знаю, на меня доносъ...

Онъ перевелъ духъ, вздохнулъ, поглядѣлъ доктору въ глаза и улыбнулся жалобно.

— Екатерина Александровна достойна, чтобы изъ-за нея страдали, — проговорилъ, самъ не зная для чего, Григорій Ивановичъ и, смутившись, сталъ нагибать лейку, пока изъ дудочки не потекла вода.

Въ это время за Катинымъ окномъ раздался вопль и его покрылъ густой бась, кто-то кинулся къ раскрытому окошку, занавѣска заколебалась, и просто-волосая женская голова опрокинулась изнутри на

подоконникъ; закинулись голыя руки, стараясь отодрать отъ горла чьи-то короткіе, волосатые пальцы.

Затѣмъ раздался другой, отчаянный, женскій крикъ, отъ котораго Заботкинъ похолодѣлъ, а князь, страшно блѣдный, вскочилъ со скамейки, мучительно повторяя: — не трогай ее, не трогай, не трогай — . . . Волосатые пальцы отпустили шею, голова женщины соскользнула съ подоконника. Григорій Ивановичъ хотѣлъ встать, но на колѣни его, хватаясь слабѣющими пальцами, склонился князь; голова его моталась.

— Это ничего, прислонитесь, вотъ такъ, сейчасъ пройдетъ, — бормоталъ Григорій Ивановичъ, смачивая лобъ князю водой изъ лейки.

ВОДОВОРОТЪ

I.

Григорій Ивановичъ, поддерживая князя, повелъ его черезъ балконъ въ залу, ища гдѣ-бы поспокойнѣе уложить; изъ залы правая боковая дверь вела въ бібліотеку; — „туда“ — сказалъ князь, пожимая его руку; въ это время изнутри дома слышались голоса, вскрики и топотъ ногъ.

И едва князь и Заботкинъ подошли къ бібліотекѣ, какъ дверь въ залу изъ коридора распахнулась, и въ сумеркахъ было видно, какъ конюхъ и кучеръ вели подъ руки Сашу. На ней черный сарафанъ былъ порванъ, волосы растрепаны, заплаканное лицо съ поднятыми бровями запрокинуто. Саша тихо и отчаянно повторяла:

— Что вы, что вы...

Свади-же подталкивалъ ее Кондратій; а Волковъ, стуча кулакомъ по двери, чертыхался и кричалъ:

— Въ амбаръ ее, мерзавку, на замокъ!... — Князя и Заботкина онъ не замѣтилъ — они успѣли войти въ бібліотеку.

Сашу вывели; Волковъ звякнулъ балконной дверью и, ругаясь, ушелъ во внутренніе покои.

Долго на диванѣ у книжнаго шкафа молчали Григорій Ивановичъ и князь, — у доктора тряслись колѣнки, князь же не двигался, прислонясь затылкомъ къ спинкѣ и закрывъ глаза.

— За что они ее? — наконецъ, спросилъ докторъ шопотомъ и посмотрѣлъ на князя, — лицо его, едва различимое въ тѣни сумерекъ, было очень красиво. — „Вотъ какъ нужно любить, — подумалъ Григорій

Ивановичъ, — изящно и сильно, падать въ обморокъ, переживать необыкновенныя страсти! Онъ настоящій мужъ для Екатерины Александровны. О такихъ въ книгахъ пишутъ“ — ... Докторъ осторожно потянулся и погладилъ князя по рукѣ, который сейчасъ же спросилъ негромко:

— Докторъ, вы побудете со мной?

Григорій Ивановичъ кивнулъ головой.

— Ее увели? — продолжалъ князь, — это ужасно. Не такъ-то просто жить, милый докторъ. Бѣдная Саша...

Алексѣй Петровичъ выпрямился вдругъ, словно сбросилъ маску.

— Я знаю, что благородно и что честно, — сказалъ онъ, — а поступаю не благородно и не честно, и, чѣмъ сквернѣе, тѣмъ слаще мнѣ... Такъ можно съ ума сойти. А что можетъ быть слаще, какъ смотрѣть на себя сбоку: сидитъ въ коляскѣ негодяй, въ сѣрой шляпѣ, въ перчаткахъ, и никто его не бьетъ по глазамъ и всѣ уважаютъ, и самъ онъ себѣ нравится. Духъ захватить, когда это до глубины поймешь. И развѣ не странно — я возвращаюсь ночью отсюда, отъ Екатерины Александровны, гляжу на небо съ луной (непремѣнно съ луной), и смѣюсь отъ счастья потихоньку, чтобы не слышалъ кучеръ. И сейчасъ-же, глядя съ боку, вижу, что было бы чудовищно сдѣлать мерзость. А ладонь моя еще пахнетъ ея духами. И, когда совсѣмъ захватить духъ, я останавливаю лошадей у Сашинаго двора, захожу, беру за руку, прислоняю голову къ ея груди и притворяюсь: — Саша, милая, утѣшь, — и она утѣшаетъ, какъ можетъ... А послѣ утѣшенія я рассказываю, зачѣмъ пріѣхалъ — это еще высшая гадость; я опять лгу, а у ней сердце разрывается... И такъ накручивается все сильнѣе, а сейчасъ вотъ — лопнула пружина.

— Послушайте, вѣдь это чудовищно, вы съ ума сошли, — отодвигаясь прошепталъ Григорій Ивановичъ; онъ еще не совсѣмъ понялъ, только почувствовалъ, что князь, путаясь и скользя, какъ ужъ, обнажается; Григорію Ивановичу стало гадко и смутно; онъ принялся теревить бородку, потомъ всталъ и заходилъ.

— Да, это чудовищно, — продолжалъ князь, и голосъ его былъ ровный, словно онъ разглядывалъ себя, — но еще хуже, что и вамъ сейчасъ налгалъ... Очень трудно сказать настоящую правду; крутишься около нея, вотъ-вотъ скажешь — смотришь, а ужъ правды не видно — удралъ отъ нея по кривой дорогѣ. Все равно, какъ дневникъ писать... Вы пробовали? Не пытайтесь. Я передъ вами сейчасъ себя выставилъ носителемъ чуть-ли не великихъ тяготъ... Какой я тамъ носитель — просто человѣкъ съ изъяномъ, съ трещинкой — вотъ какъ эта нога: пуля вотъ сюда прошла, кажется совсѣмъ ногу-могу выпрямить, а она пошаливаетъ... Видѣли, — опять въ сторону увильнула... Только, чтобы свою какую-то главную сущность не обнаружить... Должно быть нужно слишкомъ что-ли напиться, чтобы раскрыть... Милый докторъ, повѣрьте, я больше жизни люблю Екатерину Александровну и, если она откажетъ теперь, погибну. Это правда... Я узналъ это вчера: вчера было послѣднее испытаніе, его я не выдержалъ, хотя никакого испытанія, конечно, не было, простое распутство, — ночью прискакалъ сюда, омылся красотой Екатерины Александровны и луннымъ свѣтомъ, и тѣмъ, что раскрылся... Милая дѣвушка, я на нее взвалилъ все, что мнѣ плечи натерло. А на утро послалъ къ Сашѣ кучера, и велѣлъ сказать: — „о баринѣ, молъ, не смѣй думать, онъ женится“ — ... Саша не выдержала, — пѣшкомъ сюда пришла. Я зналъ, что она донесетъ.

— Все вы лжете! — вдругъ воскликнулъ Григорій Ивановичъ, хотѣлъ что-то прибавить, но заикнулся и снова принялся бѣгать, трепля бородку.

— Докторъ, — едва слышно, просительно молвилъ князь, — подите къ Екатеринѣ Александровнѣ, расскажите ей все, — она пойметъ...

— Не пойду и не расскажу! — крикнулъ Григорій Ивановичъ, — объясняйте сами. Я ничего не понимаю, а сумасшедшихъ боюсь...

Онъ прислонился горячимъ лбомъ къ стеклу. Было совсѣмъ темно, и за деревьями, еще не свѣтя, поднималась неправильнымъ кругомъ оранжевая луна, словно зеркало, отразившее въ себѣ печальный міръ.

„Ну что я ей скажу, — думалъ Григорій Ивановичъ, — что онъ эгоистъ и сумасшедшій. Но вѣдь онъ любитъ ее? Не знаю... не понимаю такой любви. Я бы глядѣлъ на нее и плакалъ, даже не говорилъ-бы ничего; развѣ облаку скажешь, какъ любишь“.

Пока Григорій Ивановичъ раздумывалъ, луна просвѣтлѣла, тронула холоднымъ свѣтомъ росу на листьяхъ, погнала длинныя тѣни. Надъ травой закурился легкій туманъ. Сквозь окно бібліотеки лунный свѣтъ залилъ половину лица Алексѣя Петровича, руку его, зацѣпленную большимъ пальцемъ за жилетъ; на книжномъ шкапу заблестѣли мѣдные уголки.

Вдругъ Григорій Ивановичъ вздрогнулъ: мимо окна быстро прошла Екатерина Александровна (онъ узналъ ее по линіи плечъ, по гордой головѣ), оглянулась у поворота въ аллею и побѣжала, — за спиной ея надулась бѣлая шаль...

— Она въ садъ пробѣжала, — обернувшись, быстро сказалъ докторъ. Князь вскочилъ и распахнулъ окно...

— Идемъ, скорѣе, скорѣе, — прошепталъ онъ. Они поспѣшно вышли.

II.

Между канавой — границей сада — и длинными ометами стоялъ на выгонѣ деревянный амбаръ.

Подъ навѣсомъ его были сложены сани и бороны, а на двери, съ квадратной дырой внизу для пролаза кошекъ, висѣлъ большой замокъ.

За дверью были слышны вздохи и негромкій плачь.

Отъ канавы по выгону до амбара пробѣжала Екатерина Александровна, остановилась у двери, запыхавшись, опустилась на колѣни и, приблизивъ лицо къ кошачьему лазу, окликнула:

— Саша, ты здѣсь? Ты плачешь?

Плачь за дверью прекратился, и Катенька почувствовала на лицѣ своемъ Сашино дыханье, и даже различила ея глаза.

— Я бы тебя выпустила, — сказала Катенька, — да ключа у меня нѣтъ.

Саша вздохнула. Катенька просунула руку и погладила Сашу по щекѣ.

— Я попрошу Кондратія, онъ потихоньку возьметъ у папы ключъ, мы тебя выпустимъ, только попозже, — проговорила она. — Саша, ты вотъ что мнѣ скажи... Подставь-ка щеку, я тебя поцѣлую... Милая, голубушка, тебѣ очень больно? Я непременно устрою, чтобы онъ вернулся къ тебѣ. Ты просто не поняла: онъ подшутилъ надъ тобой. А про меня глупости рассказывалъ... Онъ не ко мнѣ же одной ѣздилъ сюда, и къ папѣ. А ты сама провинилась... Зачѣмъ при папѣ все рассказала... Кондратій тебя не пускатель сначала, на него тоже нельзя обижаться; а ты бы сразу меня вызвала... А папа, — онъ прямо бѣшеный, онъ можетъ и задушить, а потомъ самъ же будетъ раскаиваться. Сашенька, ничего плохого не

случилось, обдумай спокойно. Онъ завтра же къ тебѣ вернется.

Но Саша въ это время такъ ужасно заплакала, стучаясь головой о дверь, что Катя, схватясь за виски, стала оглядываться — чѣмъ бы ее успокоить.

— Нѣтъ меня несчастіе, милая барышня, — наконецъ, проговорила Саша, — я за него на пытку пойду, и все знаю, что и вралъ онъ мнѣ, и смѣялся, и что лестно ему, когда я передъ нимъ мучаюсь. А вотъ не вытерпѣла... Какъ этотъ конюхъ-то прискакалъ и говоритъ: „баринъ тебѣ приказалъ, чтобы думать о немъ забыла. Да, говоритъ, еще велѣлъ, чтобы со мной спать легла“, — а самъ смѣется. Обомлѣла я... Бабій разумъ помутился, выбѣжала за ворота, думаю къ нему бѣжать, или въ рѣчку? А тутъ сестра моя двоюродная на телѣгѣ мимо ѣхала, да какъ за смѣется: „Что, говоритъ, князя что ли не дождешься? Поди на дорогу, покличь“... И откуда у меня столько злобы взялось, сама не знаю... Все равно, думаю, пусть и вы, барышня, узнаете, каковъ онъ, нашъ-то...

Екатерина Александровна рѣзкимъ движеніемъ поднялась съ колѣнъ и сѣла на порогѣ лицомъ къ пруду. На берегу стояли темныя лошади. И уже высоко теперь плылъ пустынный мѣсяцъ, загасившій вокругъ себя звѣзды.

Опираясь подбородкомъ о ладони, Катенька думала, глотая слезы: „Что за глупости! Я отлично наказана и должна забыть его, забыть“ — и ей казался пушистымъ и неяснымъ свѣтъ мѣсяца въ голубой пустынѣ.

— Барышня, — позвала Саша, — милая ягодка, стерпись съ нимъ, слюбись, вѣдь ты тоже баба. Кабы я могла, не уступила бы тебѣ его. Трудно мнѣ. Ну, лѣто мое прошло, теперь твой чередъ.

Не дослушавъ, Катенька встала и посмотрѣла на

дверь, хотѣла отвѣтить, но промолчала, и пошла отъ двери; завернувъ же за уголь амбара, тихо вскрикнула и стала.

На сложенныхъ внизъ зубьями боронахъ сидѣлъ князь.

— Который теперъ часъ? — проговорила Катенька, глядя какъ вдаль на выгонѣ торчалъ докторъ, дѣлая князю отчаянные знаки, — я думаю, папа ждетъ съ ужиномъ.

Князь пошевелился. Она быстро отвернулась и пошла.

III.

Волковъ, кромѣ всего, былъ упрямъ необыкновенно. Сватовство князя неожиданно устраняло всѣ безпокойства и льстило Александру Вадимычу: Краснопольскіе вели имя отъ Рюрика и въ свое время сидѣли на столѣ. Сообразивъ насчетъ Рюрика (по дорогѣ изъ Милаго къ себѣ), Александръ Вадимычъ обидѣлся, представивъ, что князь можетъ зазнаться, и тутъ же плечомъ прижалъ его въ уголь коляски, чтобы сдѣлать больно; но Алексѣй Петровичъ не понялъ этой тонкости, Волковъ же сердиться долго не могъ, и чтобы объ униженіи больше не думать, тутъ же рѣшилъ выдать невиданное приданое за дочь, и уже проговорился объ этомъ, какъ сразу же по пріѣздѣ въ Волково глупая баба устроила скандалъ. Все пошло къ чорту...

Сорвавъ первый гнѣвъ на Сашѣ, Александръ Вадимычъ понялъ, что буйствомъ помочь нельзя, но положеніе было дѣйствительно непереносимо, и очень угнетенный ушелъ онъ въ кабинетъ, гдѣ сѣлъ у стола.

„Разорвусь, а выдамъ ее за этого мошенника“, — думалъ Александръ Вадимычъ, и ругательски ругалъ князя, потомъ обозлился и на дочь.

Долгія размышленія привели Александра Вадимыча къ неожиданной мысли, что все ерунда, и никакой трагедіи между Катей и княземъ нѣтъ, — мало ли кто блудить, на то и свѣтъ раздѣленъ пополамъ и безо всего этого была бы скучища, хоть подохни.

Тогда онъ ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: „помирю“! А, чтобы привести себя для этого въ легкое настроеніе, умышленно принялся думать о вещахъ болѣе или менѣе пріятныхъ.

Для этого онъ взялъ карандашъ, разыскалъ заклеванный мухами листокъ бумаги и нарисовалъ зайца.

— Ишь, улепетываетъ косою, — пробормоталъ Волковъ, — а не хочешь, я за тобой лису пуцую? — И нарисовалъ позади зайца лису.

— Охота тебѣ зайчатинки, — продолжалъ Александръ Вадимычъ, — ахъ, шельма, а волка боишься? Вотъ онъ, толстолобый, бѣжить — хвостъ полѣномъ; онъ васъ обоихъ сожретъ; а я на тебя — собачекъ... съ подпалинами, густопсовыя, щипцатыя. Ату его, милья, ату, голубчики, не выдавай, улю-лю!...

Волковъ, нарисовавъ собакъ, до того разгорячился, что, приподнявши надъ стуломъ задъ, хватилъ по нему пребольно рукой, думая, что это иноходецъ; потомъ отложилъ карандашъ, посмѣялся, и, довольный, вышелъ изъ кабинета, по пути приказывая звать къ ужину всѣхъ.

Два кухаркиныхъ сына помчались искать гостей. Волковъ же прошелъ къ дочери. Катя, одѣтая, сидѣла на постели.

— Ну, дочка, побушевали и будетъ, приходи ужинать, — сказалъ онъ, и когда Катя отказалась было, онъ такъ засопѣлъ, что она тотчасъ проговорила:

— Хорошо, папа, приду.

Кухаркины дѣти нашли гостей на выгонѣ, гдѣ

князь и докторъ ходили отъ амбара до канавы. Князь, когда его позвали, поспѣшно повернулъ къ дому, Григорій же Ивановичъ принялся доказывать мальчишкамъ, что ѣсть не хочется, а просить дать ему лошадей. Потомъ рысью догналъ князя.

Въ небольшой столовой Александръ Вадимычъ встрѣтилъ гостей словами:

— Я, господа, полагаю, что бы тамъ ни случилось, а вся сила въ желудкѣ, — прошу.

И, указавъ рукой на круглый столъ, сѣлъ первый, обвязавъ вокругъ шеи салфетку.

Въ это время вошла Екатерина Александровна, очень блѣдная, съ тѣнью подъ глазами. Ни на кого не глядя, быстро сѣла она напротивъ отца. Лицо ея было спокойное и гордое, только внизу, на открытой шеѣ, на горлѣ, что-то, чуть замѣтно, вздрагивало и билось.

— А вотъ и наша болящая! — воскликнулъ Александръ Вадимычъ, — Катюша, а вѣдь ты не здорова- лась съ княземъ...

— Здравовалась, — отвѣчала Катя рѣзко. Алексѣй Петровичъ, словно ему не хватило воздуха, вытянулся на стулѣ; Григорій Ивановичъ опустилъ лицо и вилкой царапалъ скатерть.

Но не такъ-то легко было сбить съ толку Александра Вадимыча; захвативъ усы, онъ оперся о столъ и обвелъ всѣхъ веселыми глазами. Молчаніе продолжалось; Кондратій, неслышно ступая, обносилъ блюда и лилъ въ стаканы вино... Докторъ, у котораго даже ладони запотѣли, первый поглядѣлъ на хозяина, у Александра Вадимыча прыгали неудержимымъ смѣхомъ глаза.

— Ерунда! — крикнулъ онъ, хлопнувъ по столу, — надулись, какъ мыши, подумаешь — бѣда какая! Катюшка, подбери губы, отдавать!... А по-моему — коли докторъ здѣсь, то я говорю, чтобы у меня былъ

внукъ! Ага, шельмецы, стыдно? ... Вотъ и все устроилось ... И никакихъ.

При этомъ онъ для большаго дѣйствія раскатился такимъ смѣхомъ, что, казалось, всѣ, и даже Кондратій, должны схватиться за бока. Но сощуренные глаза Александра Вадимыча отлично видѣли, что смѣхъ не удался. Князь напряженно улыбался, Григорій Ивановичъ поднесъ было ко рту цыплячью ногу, да такъ съ ней и застылъ, мучительно сморщивъ лобъ, а Катенька подняла на отца глаза, темные отъ злобы и тоски, и сказала, едва сдерживаясь:

— Папа, перестаньте, я уйду. — И сейчасъ-же щеки ея залилъ густой румянецъ. Она поднялась ...

— Стой! не смѣй уходить, — уже гнѣвно закричалъ Волковъ, — я объявляю: вотъ женихъ, а вотъ невѣста; подойди, князь, вались въ ноги, проси прощенья.

Князь, страшно поблѣднѣвъ, медленно снялъ салфетку, всталъ, фатовеки приподнялъ плечи, подошелъ, подрагивая колѣнками, и сказалъ омерзительнымъ голосомъ:

— Надѣюсь, дорогая, вы простите мнѣ мое прошлое, — при этомъ схватилъ и сжалъ ея руку.

Катя медленно, какъ во снѣ, высвободила руку и тяжело ударила его по лицу.

IV.

Такъ внезапно оборвался хитро задуманный Волковымъ ужинъ. Князь стоялъ, опустивъ голову, лицомъ къ двери, въ которую стремительно вышла Катя; Григорій Ивановичъ закрылъ руками лицо; Волковъ же, держа вилку и ножъ, свирѣпѣлъ, поводя глазами.

Вдругъ вошелъ Кондратій; ротъ его былъ рѣшительно сжатъ, глаза колючіе, большимъ пальцемъ онъ показалъ черезъ плечо и проговорилъ:

— Конюшонокъ докладываетъ, что баба эта — давешняя, сейчасъ изъ амбара убѣгла и очень нерасторопна насчетъ воды...

— Къ чорту съ бабой! — не своимъ голосомъ закричалъ Александръ Вадимычъ. — Иди къ чорту со своей бабой! Понялъ?!

Кондратій, мотнувъ головой, скрылся. Волковъ, сдернулъ съ шеи салфетку, подумалъ, рванулъ салфетку и, широко разставляя ноги, побѣжалъ въ коридоръ за дочерью.

Князь-же присѣлъ къ столу, налилъ вина, подперъ покрасѣвшую щеку и усмѣхнулся.

— Все это мелочи, — проговорилъ онъ.

Григорій Ивановичъ сейчасъ же отошелъ отъ стола, дрожа такъ, что стучали зубы. Вдалекѣ слышно было, какъ Волковъ дотопалъ до конца коридора, и оттуда донесся глухой его голось.

— Какъ смѣшно: „нерасторопна насчетъ воды“, — сказалъ князь, — правда?

Онъ усмѣхнулся, дернулъ плечомъ и на цыпочкахъ подошелъ къ двери, на одинъ мигъ припалъ, ослабѣвъ, къ дверному косяку и вышелъ.

„Они всѣ погибнутъ сегодня же, — подумалъ Григорій Ивановичъ, — что они дѣлаютъ? Все этотъ князь... Онъ, какъ зараза, почему не прогнать его?... Выгнать и сказать: не огорчайтесь, Екатерина Александровна, я же люблю васъ, какъ... Что, какъ? Я просто дуракъ! Уйду отсюда пѣшкомъ, сію минуту. Не понимаю здѣсь ничего. Какой любви имъ нужно? Имъ нужно мучиться — вотъ что, а не любить. А я и безъ нея проживу, у меня своего много, на всю жизнь хватить... А вотъ она отравится сейчасъ, непременно отравится... А я о себѣ забочусь? Чему обрадовался? Да я послѣдній мерзавецъ, если

такъ. Всѣ только о себѣ думаютъ: и князь, и Волковъ, и я, этимъ и замучили Катюшу... Святая моя, несчастная...“

Григорій Ивановичъ запутался и въ тоскѣ не зналъ — уйти ли ему, или ждать?... А, чтобы не слышать ужасныхъ этихъ голосовъ въ концѣ коридора, отправился въ садъ, постоялъ у темныхъ кустовъ, вспоминая — что же еще случилось сквернаго, и вышелъ на выгонъ къ амбару.

„И Саша въ этотъ водоворотъ попала, — думалъ онъ, глядя на раскрытую дверь амбара, — какъ завертитъ вода воронкой — все туда затянетъ...“

И сейчасъ же понялъ слова князя: „Какъ смѣшно — нерасторопна насчетъ воды!!...“ Саша бросилась въ прудъ... Конечно... Выбѣжала изъ этой двери, кинулась по выгону, и — въ прудъ!

Григорій Ивановичъ охнулъ и побѣжалъ, болтая руками. На берегу пруда, тамъ, гдѣ вода была черная отъ тѣни ветель, стояли Кондратій и конюхъ; у ногъ ихъ на травѣ, навзничъ, лежала Саша. Конюшонокъ, сидя на корточкахъ, глядѣлъ въ ея неподвижное, съ раскрытымъ ртомъ, до зелени блѣдное лицо.

— Ничего, отойдетъ, — сказалъ конюхъ подбѣжавшему Григорію Ивановичу, — какъ я ее потащилъ — дышала еще, отдыхается.

— Отдышется, — сказалъ Кондратій, — обморокъ.

Григорій Ивановичъ присѣлъ надъ Сашей, растегнулъ, обрывая пуговицы, черную кофту и приложилъ ухо подъ ея твердую, высокую грудь, — она была еще теплая. Тогда онъ началъ закидывать ей руки, нажимать на животъ, приподнимать и опускать ея тяжелое тѣло. Конюхъ, помогая, рассказывалъ:

— Видимъ, баба бѣжитъ, непременно это она, го-

ворю, и покликалъ: „Саша, а Саша“, она ничего, подошла, только трясется, какъ больная; я спрашиваю: „баринъ выпустилъ тебя?“ — „Выпустилъ“, и на воду глядить... — „Куда же ты, говорю, пойдешь, Саша?“ — „Прощайте“, отвѣчаетъ, да какъ заплачетъ и пошла къ плотинѣ... Я еще посмѣялся — очень плакала шибко; а она зашла на плотину и воветъ: „конюхъ, ты здѣсь?“... „Иди, проходи плотину-то“, кричу ей, а самому ужъ страшно... Вдругъ это — бухъ въ воду...

— Дяденька, она съ плотины не тебя звала, — сказалъ конюшонокъ...

— А ты молчи, — цыкнулъ конюхъ и щелкнулъ конюшонка по стриженому затылку, — вѣдь, какой мальчишка противный!

Григорій Ивановичъ, наклонясь къ Сашиному рту, старался вдунуть туда воздухъ, руками раздвигая за плечи ея грудь. Вдругъ холодноватыя губы ея дрогнули, и Григорій Ивановичъ быстро отдернулся, словно отъ неожиданнаго поцѣлуя.

Саша пошевелилась; ее приподняли, посадили; изъ раскрытаго ея рта отошла вода. Саша закатила бѣлки глазъ и застонала...

— Къ садовнику въ теплушку отнести женщину, — сказалъ Кондратій, — ахъ баба, дурья голова...

V.

Въ концѣ бѣлаго коридора, прислонясь затылкомъ къ двери, покрытой ковромъ, стояла Катя и упрямо сжимала губы на слова отца, который все старался схватить ея руку, но она заложила руки за спину. Князь стоялъ неподалеку подъ висячей лампой.

— Я тебя заставлю извиниться, — заикаясь отъ злости, повторялъ Волковъ, — это откуда у тебя мода

— по лицу драться? Ты отъ кого научилась? Дай-ка руку, дай! Я тебѣ говорю — извинись!...

Но Катенька еще крѣпче прижалась къ пестрому ковру, коса ея развилась и упала на плечо, круглое колѣно натянуло шелкъ сѣраго платья, охватившаго станъ подъ грудью, полной и тугой...

Князь уловилъ это движеніе и, глядя на колѣно, почувствовалъ знакомую боль въ груди. Чувство было острое и ясное. Нечаянно согнутое колѣно, будто, распахнуло передъ нимъ всѣ покровы, и Катенька представилась женой, женщиной, любовницей... Онъ покусалъ пересохшія губы и двинулся вдоль стѣны.

— Да ты шутишь, что ли? Или я сплю? — продолжалъ Александръ Вадимычъ, съ которымъ никогда не случалось столько неприятностей подъ рядъ; на мгновеніе ему показалось, что не сонъ-ли это, и онъ сейчасъ же затопалъ ногами, крича: „Отвѣчай, каменная!“ Но дочь продолжала молчать, и онъ повторялъ, теряясь:

— Прости прощенья, ну же, прости прощенья!...

— Нѣтъ, лучше умереть! — быстро сказала Катенька; она глядѣла на медленно подходящаго князя, и брови ея сдвигались; она не понимала, на что онъ глядитъ, зачѣмъ подходитъ и, слѣдя, вытянула даже шею; и, вдругъ, понявъ, залилась румянцемъ, переступила и подняла руку...

Александръ Вадимычъ потянулся, чтобы схватить дочь за руку, но не поймалъ и сердито крякнулъ, а князь, подойдя, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Екатерина Александровна, теперь еще почтительнѣе прошу васъ не отказать мнѣ въ вашей рукѣ...

Глаза его были сухіе, немигающіе, страшные; лицо обтянулось. Волковъ воскликнулъ:

→ Ну, вотъ видишь, Катюшка! Эхъ, дѣти, плюньте, поцѣлуйте!

Но Катенька не отвѣтила, только нагнула голову, и, когда отецъ подтолкнулъ было къ ней князя, быстро скользнула за коверъ, хлопнула дверью и щелкнула ключомъ, — заперлась у себя...

— Видѣли?... — закричалъ Волковъ. — Нѣтъ, врешь! — Онъ приналегъ плечомъ на дверь, но она не подалась, и онъ принялся колотить въ нее кулаками, потомъ повернулся и ударилъ каблукомъ.

— Не нужно, оставьте, уйдемъ — зашепталъ князь въ необычайномъ волненіи, — я знаю, что она отвѣтитъ, уйдемъ, ради Бога.

Но упрямаго Волкова долго еще пришлось уговаривать. Наконецъ онъ отеръ потъ съ лица и сказалъ:

— Вотъ, братъ, не такъ-то просто дочерей замужъ выдавать — штука трудная, вспотѣешь. Только ужъ ты, пожалуйста, молчи, не суйся. Я самъ все устрою.

Когда въ дверь перестали стучать и шаги затихли, Катенька легла ничкомъ на кровать, обхвативъ обѣими руками подушку.

— Такъ его и нужно и хорошо, — повторяла она, видя (словно подушка была прозрачной) глаза Алексѣя Петровича, сухіе и страшные. Боясь понять то, что она прочла въ нихъ, Катенька повторяла гнѣвные слова, но они уже потеряли и остроту и смыслъ, словно весь ея гнѣвъ ушелъ въ тотъ безобразный взмахъ руки, словно этимъ ударомъ она связала себя съ княземъ такъ сильно, какъ никогда не вяжетъ любовь. — Господи, сдѣлай такъ, чтобы не было сегодняшняго дня, — повторяла она, и не могла вздохнуть, не видѣла пути къ освобожденію; ея ненависть, злоба, ревность, вся гордая воля разбились, какъ стекло, отъ взмаха пощечины, и князь, конечно, захочетъ и возьметъ ее теперь, какъ свое, а захочетъ — бросить, все въ его волѣ...

Словно огнемъ обожгло ее воспоминаніе, какъ онъ подошелъ, застегивая сюртукъ и говоря: — Надѣюсь, дорогая... — „Конечно, притворство все это у него, вѣдь мучился же онъ тогда въ бесѣдкѣ, рассказывая. А, быть-можетъ, лгаль? Вѣдь ни слова тогда не сказалъ про Сашу... Нашелъ кого любить!... И не любовь это, конечно, а ужасъ, невыносимое распутство! Вѣдь не даромъ отецъ едва не задушилъ Сашу.“ Въ ухахъ Катеньки опять повторился давешній крикъ. Она быстро сѣла на кровати. „Да кто же онъ такой, если по немъ такая мука? Въ чемъ онъ лжетъ? Кого надо ему? Для чего онъ и ту, и Сашу, и меня?... Кого любить? Для чего ему я? Значить нужна для чего-го? Чужой онъ! Никогда меня не любилъ? Что дѣлать? Опозорена на-вѣкъ! А онъ будетъ настаивать, и выйду за него, знаю. И выйду, выйду, и отомщу, на-зло всѣмъ выйду за него. Пусть онъ не смѣетъ равнять меня съ тѣми... Нарочно на муку пойду. Не удалось любить, и не надо... Не хочу никакой любви.“

Катенька спустила съ кровати ноги въ бѣлыхъ чулкахъ, подперла щеки, и на платьѣ ей, на колѣни закапали частыя слезы. И съ новой остротой почувствовала, что нѣтъ ей теперь жизни, нѣтъ выхода, и подавила крикъ, и пуще заплакала.

Наконецъ долгія слезы облегчили ее. Еще вздыхая и вздрагивая плечами, Катенька медленно разстегнула смятое платьѣ и подошла къ зеркалу. И въ глубокомъ зеркалѣ, освѣщенномъ съ боковъ, увидѣла она свое лицо, совсѣмъ новое — „красавица-то какая, милая, бѣдная Катюша“, — прошептала она, въ отчаяніи вглядываясь.

И потомъ, далеко за полночь, сидя передъ зеркаломъ, думала о себѣ, грустно и тихо, какъ будто сегодняшнимъ днемъ кончилась въ жизни ея радость.

СУДЬБА

I.

Князь остался въ Волковѣ; ему были отведены парадныя комнаты, куда изъ Милаго перевезли нужныя вещи для обихода. Изъ парадныхъ этихъ комнатъ Алексѣй Петровичъ не выходилъ никуда. Съ утра ложился онъ, тщательно одѣтый и выбритый, на софу и проводилъ на ней время, разглядывая ногти и думая; когда же въ дверь просовывалась голова Александра Вадимыча, приносившаго извѣстія о судьбѣ переговоровъ съ дочерью, князь показывалъ видъ, что дремлетъ.

Алексѣй Петровичъ отлично сознавалъ, что только здѣсь, близъ Кати, послѣднее его спасеніе. Онъ понималъ также, что съ каждымъ днемъ его пребыванія въ Волковѣ увеличивается надежда на согласіе Кати: уже по всему уѣзду говорили о пощечинѣ и о Сашѣ, добавляя такія подробности, отъ которыхъ дамы выбѣгали изъ комнатъ. Да и для самого Александра Вадимыча подобное положеніе вещей казалось самымъ подходящимъ. Онъ съ утра отправлялся къ дочери, садился въ кресло у окна, говорилъ: — „Фу ты, какъ пудрой здѣсь воняетъ. Прихорашиваешься?“ — И въ отвѣтъ на равнодушный взглядъ Кати фыркалъ и продолжалъ: — „Чего этимъ дѣвкамъ надо, не понимаю, ангела, что ли тебѣ надо? Вотъ твоя мать покойная, — ужъ на что была женщина деликатная, съ англійскимъ воспитаніемъ, а приналегъ я на нее — и вышла

за меня замужь, хотя плакала, дѣйствительно, много, — ей за другого хотѣлось, а принудили. Вотъ какія дѣла, дочка, поплачешь, а будешь княгиня.“

Отъ дочери онъ шелъ къ Алексѣю Петровичу и, если тотъ не притворялся спящимъ, садился у него въ ногахъ на кушеткѣ, трепаль его за колѣнку и говорилъ:

— Сдается. Бѣсъ дѣвка. И надо же было тебѣ такъ наблудить мерзко! Ну ужъ — ошибся, — долженъ молчать. Одного не пойму, почему ты до сихъ поръ не сватался? Повѣнчали бы ужъ васъ, за границу бы уѣхали.

— Дѣйствительно, не понимаю, отчего я раньше не сватался, — отвѣчалъ князь, и, послѣ ухода Волкова, подолгу смѣялся про себя.

Первое свиданіе жениха и невѣсты произошло въ саду, на скамейкѣ; Волковъ привелъ сначала князя, потомъ Катю, самъ же, воскликнувъ: — „батюшки, телята въ малинникъ ушли“, — убѣжалъ.

Князь и Катя долго сидѣли молча, Катя перебирала концы платка, князь курилъ. Наконецъ, онъ бросилъ папироску и сказалъ, отворотясь:

— Если бы вы своей охотой шли за меня, любили, — я бы на васъ не женился.

Катенька поблѣднѣла страшно, пальцы ея запутали бахромѣ платка; она продолжала молчать.

— Давайте кончимъ это, повѣнчаемся, — сказалъ онъ тихо и печально.

Тогда краска стыда и гнѣва залила Катины щеки, она рѣзко повернулась къ нему:

— Я васъ ненавижу, — крикнула она, — вы мучаете меня! Вы губите меня нарочно! Другой вы, развѣ, не нашли на свѣтѣ...

— Катя, вы страшно умны, вы все должны понять, — перебилъ князь послѣшно. — На будущей недѣлѣ мы вѣнчаемся? Да?

— Да, — отвѣтила она, едва слышно, поднялась, постояла мгновение и ушла, не оборачиваясь.

II.

Употребленіе, такъ называемой, „щетки“ — очень древняго происхожденія. „Щетка“ готовится изъ капусты, хрѣну, тертой рѣдьки и огуречнаго рассола, ѣдятъ же ее послѣ пировъ.

Но никакой „щеткой“ нельзя было выгнать угара Волковской свадьбы, на которую собрался почти весь уѣздъ... Слѣвно на веселую ярмарку скакали, поднимая пыль по проселочнымъ и почтовымъ дорогамъ, коляски, шарабаны, тарантасы, — даже трудно было понять, откуда вдругъ появилось столько дворянъ.

Только старики, дамы и дѣвицы помѣстились въ небольшой колыванской церковкѣ, — остальные гости расположились на паперти, держа цвѣты и оवेशъ, чтобы осыпать князя и княгиню.

Отецъ Василиій, въ золотомъ облаченіи, читалъ медовымъ голосомъ, молодые стояли рядомъ на пунцовомъ платкѣ, около нихъ мальчикъ, въ голубой рубашкѣ, держалъ образъ, и вокругъ шелъ легкій говоръ и шопотъ нарядныхъ дамъ. Екатерина Александровна, со свѣчей въ рукахъ, глядѣла на огонь спокойно и серьезно.

— Ужасно мила, ангель, — шептали дамы.

Князь, очень маленькій отъ чернаго фрака, серьезный и блѣдный, внимательно исполнялъ торжественный обрядъ.

Когда священникъ поднесъ вино, князь едва коснулся краевъ корца, а Катя выпила все до дна, не отрываясь, словно жаждала. На клиросѣ запѣли „Исаія ликуй“, священникъ соединилъ руки жениха и невѣсты. Катя, ударомъ колѣна преодолевая упругость шелка и волоча шлейфъ, быстро пошла вокругъ аналоя, и всѣ увидѣли, что князь сильно прихрамываетъ, стараясь поспѣть за невѣстой.

— Нѣтъ, все таки онъ мелокъ передъ ней, — рѣшили дамы.

Изъ церкви гости, съ молодыми во главѣ, двинулись въ Волково. При выѣздѣ изъ Колывани Катенька увидѣла доктора Заботкина, — онъ влѣзъ на плетень и махалъ носовымъ платкомъ. Она быстро отвернулась.

Въ большой залѣ Александръ Владимычъ встрѣтилъ молодыхъ съ иконой древняго письма — Нерукотворнымъ Спасомъ, — благословилъ, и при гостяхъ приказалъ внести приданое. Четыре парня, въ малиновыхъ рубахахъ, внесли большой, серебряный подносъ, на которомъ столбиками стояли червонцы.

— Вотъ, не осуди, князь, — чѣмъ богаты, — сказалъ Волковъ.

Князь и княгиня послѣ благословенія вышли въ разныя двери, переодѣлись и, найдя другъ друга въ саду, просидѣли у пруда до тѣхъ поръ, пока имъ подали лошадей. Гости высыпали на крыльцо, набились въ окна, и громкими криками проводили молодыхъ. Волковъ прослезился. Пиръ продолжался до заката. Въ сумеркахъ, въ сосѣдней залѣ, гдѣ, мѣсяцъ назадъ, въ лунномъ свѣтѣ кружилась Катенька, грянули съ хоръ музыканты...

Но уже мало было кавалеровъ, способныхъ двигать ногами, — дѣвицамъ пришлось танцовать „машерочка съ машерочкой“; весельчаки заперлись въ

курительной, и тамъ грохотали, старики сѣли за зеленое сукно; къ полуночи капельмейстеръ, махая палочкой, до того намахался, что мотнулъ носомъ, ухватился за барабанъ и вмѣстѣ съ нимъ повалился, какъ мертвый.

Этимъ окончились танцы, и дамы съ дочерьми уѣхали, а молодежь, мужья безъ дамъ и просто нагруженные остались ночевать; и до утра иные бились въ карты, иные бушевали по дому; Ртищевы въ саду показывали силу; Александръ Вадимычъ уже давно потерялъ голову, и то разнималъ буйновъ, то присаживался къ карточному столу, безъ толку глядя на карты и свѣчи, и все что-то вспоминалъ.

Ни блѣдный разсвѣтъ, ни знойный июльскій день не угомонили гостей, и только на третьи сутки разѣхались послѣдніе изъ нихъ отъ Волкова, и мчались на застоялыхъ коняхъ безъ дорогъ, въ перегонъ и угонъ, завывая колокольчиками на страхъ мужикамъ, которые, снявъ шапки, долго еще глядѣли вслѣдъ прокатившему, говоря:

— Ишь ты, какъ пропылилъ, чортъ гладкій!

III.

Докторъ Заботкинъ висѣлъ на заборѣ и махалъ платкомъ вслѣдъ поѣзду новобрачныхъ, выражая искреннее удовольствіе тому, что все, наконецъ, устроилось по-хорошему. Все это время Григорій Ивановичъ жилъ въ умиленіи отъ себя и отъ людей. Умиленіе началось съ того часа, когда, перенеся Сашу въ сторожку садовника, на деревянную кровать, онъ остался сидѣть одинъ около заснувшей молодой женщины.

Огарокъ въ бутылкѣ, поставленной на боченокъ,

освѣщаль досчатая стѣны сторожки, паутину въ углахъ, разбитое окно, заросшее чернымъ и глянцевитымъ плющемъ и, между печью и стѣной, лежащую подъ полушубкомъ Сашу.

Она вздрагивала иногда въ ознобѣ, натягивала полушубокъ, отчего открывались голыя ея ноги, или сползала пола, тогда Григорій Ивановичъ вставалъ и заботливо поправлялъ одежду.

Наклонясь, онъ подолгу глядѣлъ ей въ лицо, — оно было кроткое и во снѣ, и казалось, что онъ гдѣ-то ужъ и видѣлъ и любилъ эти ясныя, родныя черты. Надушъ было тихо, весь сегодняшній день отошелъ далеко въ память, и было бы странно подумать сейчасъ о какомъ-то другомъ еще мѣрѣ, кромѣ этой ветхой избенки и спящей Саши.

Григорій Ивановичъ вновь подсаживался къ свѣчѣ и, заслонивъ свѣтъ ея ладонью, слушалъ, какъ дышитъ Саша, какъ птица, просыпаясь, ворочается въ кусту, какъ, вдругъ, принимаются шелестѣть листочки осины. Вѣтерокъ, влетѣвъ въ окно, колебалъ огонь свѣчи, и тогда Сашино лицо отъ скользящихъ тѣней во впадинахъ глазъ точно хмурилось. И Григорію Ивановичу казалось, что только эту тишину, полную таинственнаго значенія, онъ и долженъ любить, и самому теперь нужно стать такимъ же тихимъ и ласковымъ, какъ тѣни на Сашиномъ лицѣ.

„До какого же отчаянія дошла, какая же мука была у нея, если, не жалуясь, побѣжала, скорѣе, скорѣе, и — въ прудъ, въ воду, и — конецъ. И кто я передъ этими муками? — Комаръ, мразь, — думалъ Григорій Ивановичъ. — Полѣзъ къ богатымъ и до тошноты счастливымъ людямъ, явился со своимъ самолюбивымъ, съ красной рожей... Очень, очень противно! А вотъ она проснется и спроситъ — какъ теперь

жить? Что ей отвѣчу? Служить буду вамъ до конца дней, — вотъ что надо отвѣтить. И — вотъ задача, — простая и ясная, вотъ въ жизни и долгъ: послужи такой женщинѣ, сдѣлай такъ, чтобы забыла она...“

Григорій Ивановичъ не замѣчалъ, что разговариваетъ вслухъ; а, когда обернулся, — увидѣлъ Сашу, — она, приподнявшись, глядѣла на него большими, темными глазами. Испугалась ли она этого бормотанья, или вспомнила давешнее, или была еще слишкомъ слаба, — только она подобрала ноги, натянула полушубокъ до подбородка и застонала.

Григорій Ивановичъ тотчасъ присѣлъ у ея изголовья и, глядя ея волосы, сталъ рассказывать про все, о чемъ только что думалъ.

— Баринъ, милый, оставьте лучше меня... Ничего, ничего мнѣ не надо, благодарю васъ покорно, — отвѣтила Саша, и заплакали и она и Григорій Ивановичъ, — она горько, онъ — отъ радостной жалости.

Первые дни, возвратясь домой на постоянный дворъ, Саша жила такъ, словно забыла обо всемъ. Григорій Ивановичъ заходилъ ежедневно, спрашивалъ — не можетъ ли чѣмъ помочь, и съ папироской садился на крылечкѣ... Саша, проходя мимо, говорила: „Зашли бы, Григорій Ивановичъ, въ свѣтелку, а то едѣсь блохъ наберетесь“, и все что то дѣлала, рабогала по двору и по дому. Однажды онъ засталъ Сашу на огородѣ, у плетня. Она глядѣла въ степь, лицо ея было спокойное и важное, глаза мрачны, голова повязана чернымъ платкомъ.

„Уйти хочу, силъ больше нѣтъ, думается“, — сказала она. Тогда Григорій Ивановичъ почувствовалъ, что жить ему больше незачѣмъ. Онъ до того растерялся, и упалъ духомъ, что могъ проговорить только:

„Саша, если не очень ужъ я противень — вышла бы за меня замужъ“.

Саша помнила смутно, что рассказывалъ ей тогда ночью Григорій Ивановичъ, и сейчасъ поняла, — „онъ несчастный“, и пожалѣла его, и онъ сталъ ей вдругъ милъ, какъ ребенокъ.

Теперь, каждый день, она стала забѣгать къ доктору; вымыла его избу, окна и двери, чинила его бѣлье, сама поправила печь въ банькѣ, что стояла полуразвалившаяся на обрывѣ, надъ рѣчкой. А, починивъ, истопила и велѣла Григорію Ивановичу пойти попариться. Когда же онъ вернулся, распаренный, усталый и счастливый, Саша ждала его съ самоваромъ, — въ избѣ было чисто, пахло вымытымъ поломъ, шалфеемъ, восковой свѣчечкой, зажженной въ углу.

Но когда онъ заговаривалъ о свадьбѣ — Саша качала головой: — „Не нужно намъ этого, Григорій Ивановичъ, — грѣшно, нехорошо“. А потомъ увидѣла, что онъ плохо спитъ, и страдаетъ, и вздрагиваетъ, когда она нечаянно къ нему прикоснется, и согласилась. Плакала до того, что голову всю разломило, но согласилась: — видно противъ человѣческаго не пойдешъ. Отецъ Василій, всѣмъ этимъ очень довольный, перевѣнчалъ ихъ въ концѣ лѣта. А на свадьбѣ выпилъ три рюмочки и даже сплясалъ: Григорій Ивановичъ билъ въ ладоши, а о. Василій топтался и приговаривалъ: „ходи изба, ходи печь“.

IV.

Двумя свадьбами, какъ будто благополучно, окончилось лѣто. Григорій Ивановичъ вмѣстѣ съ Сашей жилъ пока въ избенкѣ, ожидая, когда отстроятъ земскую больницу.

Взъѣзжую Саша сдала, и все время теперь отдавала мужу, стараясь понять его, угодить, не раздражать бабимъ своимъ видомъ, и, хотя на селѣ тотчасъ прозвали ее докторшей, она продолжала носить платочекъ и темныя ситцевыя платья. Григорій Ивановичъ понималъ это и не настаивалъ на иномъ. Каждый день онъ читалъ ей вслухъ что-нибудь, и старался такъ же ни одного дѣла и ни одной мысли не скрывать отъ Саши, — быть съ ней, какъ одинъ человѣкъ.

А молодые князь и княгиня Краснопольскіе катались по Европѣ, посылая открытки изъ разныхъ городовъ, чему Волковъ, географію знавшій слабо, много дивился: — сегодня, напримѣръ, пришло письмо изъ Италіи, а завтра изъ Франціи. „Какъ блохи скачутъ“, говорилъ онъ Кондратію, который изъ вѣжливости произносилъ звукъ: „тсс...“

Кончивъ уборку хлѣба, Александръ Вадимычъ принялся отдѣлывать въ Миломъ большой домъ. Партіи штукатуровъ, обойщиковъ и столяровъ стучали молотками по высокимъ заламъ, повсюду воняя клеемъ, известкой и стружками; самъ Волковъ съ утра являлся въ Милое, при чемъ для порядка до того громко кричалъ, что рабочіе прозвали его „пушка-баринъ“ и нисколько не боялись. Въ концѣ же сентября, когда, съ открытіемъ въ губерніи конской ярмарки, оживаетъ весь уѣздъ, начинаются вечера, охоты и свадьбы, сталъ поджидать Александръ Вадимычъ молодыхъ и быстро закончилъ работы въ Миломъ. Вдругъ письма изъ-за границы прекратились. „Неужели въ Америку махнули?“, подумалъ Волковъ и черезъ нѣсколько дней получилъ телеграмму: „Бду, Катя“.

Вспокоился Александръ Вадимычъ, выбралъ лучшую тройку — бѣлыхъ, какъ снѣгъ, коней (это былъ подарокъ молодымъ по случаю пріѣзда) и долго коле-

бался: ужъ очень хотѣлось самому выѣхать на вокзалъ, но сдержался, только строго наказаль кучеру, стуча пальцемъ въ его лобъ: „Смотри у меня, духомъ лети, а, какъ отвезешь князя и княгиню, сыпь обратно. Да не забудь сказать, что лошади — презентъ“. Но, едва тройка скрылась за горой, Александръ Вадимычъ разстроился, пригорюнился, сѣлъ у окна. Стало ему, почему-то, жалко дочь, Катю: „Выдалъ замужъ сгоряча. А дѣвица хорошая, кроткая, сирота... И какого чорта я тогда думалъ? Ахъ, Боже мой, Боже мой, вотъ вѣдь, какъ это все не того... Не такого бы ей надо мужа“...

Вечеромъ вернулся кучеръ, верхомъ на меренкѣ, изъ княжеской конюшни. Соскочилъ у крыльца и вошелъ прямо къ Александру Вадимычу, у котораго даже голова затряслась отъ волненія...

— Ну, что, — привезъ?

— Привезъ, Александръ Вадимычъ, слава Богу, благополучно.

— Веселые пріѣхали?

— Ничего, все слава Богу...

— А, что баринъ, князь?

— Вотъ его будто я и не видалъ?

— Какъ не видалъ? Да, что ты молчишь?... Говори, голову оторву.

— Да такъ, — князь то, видишь ты, не пріѣхаль. Одну нашу барышню я привезъ.

Александръ Вадимычъ только ротъ разинулъ. Вошелъ Кондратій со свѣчами. Волковъ, сидя въ креслѣ, перевелъ на него глаза и сказалъ:

— Бѣда случилась, Кондратій Ивановичъ...

— Что такое?

— Поѣзжай-ка ты туда сейчасъ, да и разузнай... Ахъ Боже мой, чуяло мое сердце...

Екатерина Александровна прїѣхала, дѣйствительно, одна, безъ мужа. Встрѣченная управляющимъ, Катя прошла въ залъ, сняла дорожное пальто, шляпу и вуаль; стоя у окна, долго глядѣла на паркъ, на Болгу внизу, на луга Заволжья, потомъ обернулась къ управляющему, который, стянувъ на животъ, сколько могъ, синюю куртку, чтобы не такъ ужъ лѣзть въ глаза утробой, почтительно ждалъ.

— Князь вернется черезъ нѣкоторое время, — нахмуясь, проговорила Екатерина Александровна, — его задержали дѣла. Отчетъ по хозяйству и дому вы дадите мнѣ, покажете всѣ книги...

— Желаете, ваше сіятельство, сначала осмотрѣть домъ, или же принести книги? — спросилъ управляющій.

— Нѣтъ, нѣтъ, книги потомъ, — и она пошла по всѣмъ комнатамъ, спрашивая, гдѣ кабинетъ князя, гдѣ спальня, гдѣ больше всего любилъ онъ сидѣть?...

Залы внизу были холодныя и высокія. Катенька поднялась наверхъ въ покои князя, но только заглянула туда, и приказала всѣ комнаты внизу и наверху, кромѣ столовой-залы, наглухо закрыть до весны, для себя же выбрала зальце съ цвѣтными стеклами и роялемъ и рядомъ небольшую, совсѣмъ бѣлую комнату, гдѣ около изразцовой и круглой, какъ башня, печи поставили кровать и умывальникъ...

Когда управляющій, скрипя сапогами, ушелъ, Катенька вернулась въ залъ, сѣла за колоннами у столика, облокотилась на зеркальную его поверхность, гдѣ опрокинулись узкія ея руки въ синихъ до локтя рукавахъ, прикоснулась щекой скрещенныхъ пальцевъ и опять стала глядѣть на паркъ, рѣку, луга.

Лицо у нея похудѣло, потемнѣли пышные волосы, окрученные короной вокругъ головы, и дорожное темное платье, съ кружевами вокругъ шеи, было строгое и теплое, какъ у женщины, которая не разрѣшитъ себѣ ни рѣзкаго движенія, ни мысли, если это можетъ нарушить покой.

Садъ за окномъ увядалъ и осыпался. Между темныхъ конусовъ елей нѣжно желтѣли уже порѣдѣвшія, поникшія березы, сквозь тонкія ихъ вѣточки сквозило небо; старый одинокій клень на полянѣ, разлапился, весь налился пурпуромъ, вотъ-вотъ готовый хмуро уснуть; еще зеленѣли липы, но высокіе тополи совсѣмъ облетѣли, и бронзовые листья ихъ устлали дорожки и скошенную траву. Глядя на это увяданье, на синюю рѣку внизу, гдѣ ползъ перевозъ, думала Катенька, что теперь наступаетъ долгій, страшно долгій покой.

Три прошедшихъ мѣсяца она твердо рѣшила не вспоминать — запереть ихъ на ключъ, и жизнь построить разумную, суровую.

Вдохнувъ запахъ увяданія, вмѣстѣ съ вѣтромъ проникшіей сквозь полуотворенную раму окна, она почувствовала горячую каплю на щекѣ.

— Ну, вотъ, этого не надо, — сказала она, — разрѣшила, — такъ и будетъ.

Она быстро обернулась, ища платокъ; потомъ встала, взяла сумочку, вынула платокъ, отерла глаза, налила на пальцы духовъ, смочила виски, и позвонила. Вошелъ лакей, и Катенька приказала ему достать изъ чемодана бюварь...

Въ это время настали сумерки, ихъ-то и боялась Катенька больше всего. Стоя спиною къ окнамъ, ждала она, когда зажгутъ свѣтъ. Лакей принесъ бюварь

изъ краснаго сафьяна, влѣзъ на стулъ и одну за другой зажегъ свѣчи въ люстрѣ, надъ столомъ...

Тотчасъ теплый свѣтъ залилъ лѣпной потолокъ, бѣлыя стѣны и погналъ синеватыя тѣни за колонны, затепливъ позолоту на ихъ завиткахъ.

Катенька сѣла къ большому столу, подумала и написала:

„Алексѣй, я васъ прощаю. Я много думала за эту дорогу и рѣшила, что вы должны жить со мной, это необходимо для моего спокойствія. Мы будемъ какъ братъ и сестра, какъ друзья.“

Она перечла, постучала каблучкомъ о паркетъ, подняла хрустящій листокъ письма и взялась пальцами за концы, чтобы разорвать, но раздумала и запечатала.

Въ это время высокая, дубовая дверь, въ глубинѣ, потихоньку начала раскрываться, и между половинокъ показалась голова Кондратія.

— Кондратій! — воскликнула Катенька. Онъ живо подбѣжалъ и припалъ къ плечу.

— Здравствуй, милый, голубчикъ, — проговорила она, взявъ старика за виски и цѣлуя, — что у насъ? Папа, что?...

— Ненаглядная Катюшенька, истосковались мы, какое наше стариковское житье — все о тебѣ думали.

— Правда? Я такъ и знала, конечно, надо было сейчасъ же къ папѣ поѣхать, а я сюда; но мнѣ очень тяжело было.

— А князюшка гдѣ? — спросилъ Кондратій шопотомъ.

— Не знаю, Кондратій, ничего не знаю; озлобилась я немного, а тебя и папу люблю...

Она опять вынула изъ сумки платокъ и заплакала. Кондратій коснулся ея волосъ, заглядывалъ въ лицо, которое она отворачивала.

— Кондратій, вѣдь мужъ меня бросилъ, — сказала Катя.

— Батюшки свѣты!...

Спустя время она успокоилась немного и рассказала все, какъ было... Кондратій долго молчалъ, поджималъ трясущіяся губы, потомъ проговорилъ, грозя пальцемъ:

— Вотъ онъ каковъ! Нѣтъ, Катюша, это ему такъ не пройдетъ.

Катенька не захотѣла почевать въ Миломъ и къ полуночи она и Кондратій вѣзжали въ Волково... Уже на плотинѣ Катенька начала волноваться, вдыхая родимый запахъ прудовъ и грачиныхъ гнѣздъ; фонари коляски освѣщали то лазъ черезъ каѣву, то уголь амбара у крыльца (оно показалось маленькимъ и тѣснымъ); въ двухъ первыхъ окнахъ былъ свѣтъ, и Катенька различила въ окнѣ склоненную голову отца.

— Смотри, ничего не говори, понялъ? — торопливо прошептала она, дергая Кондратія за рукавъ, и выпрыгнула изъ коляски.

VI.

Когда Александръ Вадимычъ, поддерживая халатъ, выбѣжалъ въ сѣни и припалъ къ дочери, спрашивая: „дочурка, радость моя, что случилось?“ — Катенька солгала, сказала, что князя задерживаетъ въ Пѣтербургѣ неотложное дѣло.

Волковъ повѣрилъ — не такой онъ былъ человекъ, чтобы не вѣрить; хитростей не понималъ, а какое дѣло задерживало князя — не спрашивалъ подробно: Богъ

ихъ разбереть чужія дѣла, примешься разспрашивать да и влѣзешь, какъ шмель въ паутину.

Катеньку онъ сразу обозвалъ „княгинюшкой“ и повелъ въ малую столовую, гдѣ валилъ до потолка паромъ большой самоваръ.

— Хороша, ей Богу, породиста Катерина, — говорилъ Александръ Вадимычъ, повертывая дочь за плечи; потомъ самъ налилъ чаю и предлагалъ всякой ѣды. У Катеньки даже слезы навернулись, но она прогнала ихъ, крѣпко зажмурясь.

— А я все хандрить безъ тебя, — говорилъ отецъ, — отвыкъ, знаешь, одинъ жить... Не ѣзжу никуда. Всѣ на меня разсердились. А тутъ еще бѣда: купилъ я паровикъ — потащили мы его черезъ Кольванку, онъ черезъ мостъ и провалился. До сихъ поръ изъ воды труба торчитъ. Ну, а ты, душа моя, какъ съѣздила? Я васъ блохами обозвалъ. А князь? Ахъ да. Что же, на старой кровати ляжешь спать? Утомилась, я чай, съ дороги. Знаешь, Катюша, я весьма радъ тебя видѣть.

Послѣ чая Александръ Вадимычъ, болтая и суетясь, повелъ дочь въ дѣвичью ея комнату. А Катенькѣ становилось все тоскливѣе: такъ радовалась она, подѣзжая, — но отецъ, хотя былъ все тотъ же, а слова его и все вокругъ будто потускнѣло, или отвыкла она отъ всего, или выросла? Прощаясь съ Александромъ Вадимычемъ у двери, завѣшанной ковромъ, особенно поняла она, что одинока и нечѣмъ этому одиночеству помочь.

Въ комнатѣ не было переменъ. Катенькино сердце ужасно билось, когда, войдя, увидѣла она туалетъ, корельскія кресла, кровать, даже туфельки свои на коврѣ. Но не прежній уютъ, запахъ духовъ или свѣжесть пролитой воды, а нежилой холодокъ охватилъ

ея плечи, когда, снявъ платье, сѣла она на кровать и стала глядѣть въ темное окошко.

Какъ будто жила здѣсь другая Катенька, веселая и невинная, и умерла, и ее было очень жалко. Жалостнымъ вспомнился и Александръ Вадимычъ, — ужъ очень желалъ угодить, и суетился, и болталъ о мелочахъ, а сейчасъ, обиженный ея равнодушіемъ и тѣмъ, что ушла она рано спать, даже не поцѣловалась съ нимъ на прощанье, навѣрно, вздыхаетъ у себя въ кабинетѣ.

Катенька встала и хотѣла пойти къ отцу — сказать, что очень любитъ его и сама нуждается въ ласкѣ; но, покачавъ головой, легла подъ влажныя простыни.

— Жаль, что у меня нѣтъ сестры, — подумала она, я бы ее съ собой сейчасъ положила, поцѣловала бы милые волосы, объяснила, что „женщинѣ очень трудно жить, очень трудно“.

Всѣ слѣдующіе дни у нея была ровная и тихая грусть. Катенька ходила медленно по дому, съ улыбкой слушая отца, который повеселѣлъ и показывалъ разбираемыя имъ теперь письма и дневники (новое чудачество), сидѣла на скамейкѣ въ саду и, поднявъ голову, глядѣла, какъ увядшій листъ, зацѣпившись за паутину, покачивается, не можетъ упасть. Деревья были словно изъ золота на темно-синемъ небѣ, такъ бываетъ въ хрустальные дни бабьяго лѣта.

Потомъ она уѣхала въ Милое. Ей слишкомъ тяжело было скрывать отъ отца правду. Время пошло однообразно, не нарушаемое ничѣмъ. Разлетѣлись было помѣщики съ визитомъ къ молодой княгинѣ, но всѣмъ было сказано, что Екатерина Александровна больна.

Помѣщики обидѣлись, а Цурюпа сталъ изъ подъ полы распускать слухи.

VII.

Катя ждала отвѣта отъ мужа и, чтобы не думать, не очень скучать, ходила по хозяйству каждый день, надѣвая бархатную шубку, отороченную сѣрымъ мѣхомъ.

Осень надвигалась быстро, и по утрамъ на пожелтѣвшей травѣ лежалъ иней, отчего зелень казалась сизою. Иней подолгу лежалъ и на скатахъ крышъ, и у колодца, откуда черпали въ глубокія колоды студеную воду, пахнущую иломъ, и на перилахъ балкона, и на листьѣ.

Каждое утро заходила Катенька на конюшню, и конюха весело отвѣчали ей на вопросы, улыбаясь, словно она была маленькой. Управляющій, завидѣвъ на дворѣ княгиню, кланялся издали и озабоченно уходилъ куда-нибудь въ амбаръ, гремя ключами. (Катенька не влюбила управляющаго, а онъ, не приглашаемый къ ея столу, обижался). Спросивъ у пастуха объ овцахъ — не унесъ ли какую-нибудь волкъ этой ночью, — заглядывала она и на скотный дворъ, покрытый навозомъ. Скотница, сидя на скамейкѣ подъ коровой, доила парное молоко въ звенящую дойницу; потомъ, оставивъ соски, вытирала ротъ, и наклоняла одну голову, — кланялась подошедшей барынѣ; однажды она спросила, сколько Катенькѣ лѣтъ, и назвала ее при этомъ барышней и ягодкой.

На дворѣ, около людской, восемь поденщицъ дѣвокъ начали рубить капусту въ короткомъ корытѣ, — весь день бойко стучали тяпками. Кочаны лежали на пологѣ, и, сидя тутъ же на корточкахъ, два чумазыхъ мальчика грызли острыми зубами студеня кочерыжки.

Завидѣвъ барыню, дѣвки повертывали къ ней ру-

мяныя лица и перешептывались. Катенька заглядывала въ корыто, откуда пахло сладкимъ и чесночнымъ духомъ капусты, спрашивала — много ли нарубили, и улыбалась здоровымъ дѣвушкамъ, спрашивая:

— Вы вѣдь всѣ дѣвки, не замужня?

— Вотъ Фроську косую у насъ пропивать будутъ, только женихи всѣ разбѣжались — боятся — съ косога глаза впотьмахъ мужа не признаетъ.

Онѣ звонко смѣялись надъ некрасивой Фроськой, а Катенька, отойдя, думала съ грустью, что нужно будетъ опять провести этотъ день одной.

Дома она, заложивъ за спину руки, ходила по комнатѣ, или, присѣвъ у печи и касаясь спиной и затылкомъ теплыхъ изразцовъ, глядѣла черезъ окна на небо, по которому съ сѣвера шли облака, полныя снѣга.

Снѣгъ выпалъ сразу, — на утро покрылъ всю траву, садовыя скамейки, легъ подушками на пняхъ, и деревья стояли въ инеѣ. Бѣлый, словно опаловый, прохладный свѣтъ разлился по высокимъ комнатамъ; вездѣ топились печи, на полу разостланы были половики; у выходной двери наслѣдили валенками.

Въ это утро Катенька, проснувшись, до того обрадовалась чистому этому свѣту, снѣгу на окнѣ и горящимъ печамъ, что, поспѣшивъ надѣтъ шубку и валенки, побѣжала черезъ стеклянную дверь въ садъ.

Морозъ ущипнулъ за щеки; въ снѣгу отъ валенокъ остались глубокіе слѣды до мерзлой травы, и Катенька, захвативъ горсти снѣга, засмѣялась:

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо!

И словно отъ этого снѣга, отъ веселыхъ бѣлыхъ деревьевъ, поднявшихъ изъ-подъ косогора неподвижныя вершины, залитыя солнцемъ, почувствовала она, что горе пройдетъ.

Какъ прежде бывало у себя въ Волковѣ, подобрала

она шубку и юбку и, выбравъ гладкое мѣсто, скатилась внизъ къ рѣкѣ по снѣжному скату; смѣясь, полѣзла было опять наверхъ, но запыхалась и подошла къ водѣ. У берега подмерзло, а дальше по всей рѣкѣ, пѣнясь и шурша, шло свинцово-сѣрое сало. Катенька вздрогнула отъ холода и сѣла подъ деревьями лицомъ къ рѣкѣ. Потомъ наверху затыкала собака, и голосъ лакея позвалъ къ столу.

Услышавъ лай, неподалеку изъ куста выскочилъ заяцъ. Катенька опять засмѣялась, глядя, какъ собака, скатившись съ горы комкомъ, пошла за косымъ звѣремъ.

Все въ этотъ день радовало Катеньку, и она ждала, что по первопутку пріѣдетъ отецъ, но онъ не пріѣхалъ, и пришлось одной провести вечеръ въ креслѣ у печи...

Голова ли слишкомъ разгорѣлась отъ мороза, или натопили непомѣрно печь, только начался у Катеньки легкій ознобъ и отъ затылка по спинѣ пробѣжали пальчики... Она глубоко ушла въ кресло, щеки у нея вспыхнули, Катенька усмѣхнулась, глядя на огонь, и положила ногу на ногу... Представился ей Алексѣй Петровичъ, когда настойчивый и блѣдный, въ первый разъ (это было въ Москвѣ), сталъ ее цѣловать, говоря слова, о которыхъ не нужно было, конечно, въ этомъ одиночествѣ думать.

Спохватилась Катенька, хотѣла было встать, но истома легла на нее, не дала двинуться, и, словно кто-то принялся открывать и закрывать передъ ней свѣтъ, показывая картинки, — понеслись въ ея памяти воспоминанія и волнующіе запахи, все, что долго сдерживала она притворнымъ смиреніемъ. Она крѣпко закрыла глаза, положила руки на грудь, и мечты, какъ мятель, обожгли ее и ослѣпили.

VIII.

Пришла коренная зима. Вдоль застывшей рѣки проносились мятели, свистя голыми тальниками, перебрасывались въ поля, крутили снѣгомъ и насыпали сугробы на замерзшій кустъ, на стожокъ въ степи, на упавшаго путника.

Эту зиму Григорій Ивановичъ много читалъ, выписывая изъ Петербурга книги и журналы. Въ журналахъ онъ сначала просматривалъ статьи; отмѣчая инныя строки карандашомъ, и много раздумывалъ надъ всѣмъ этимъ, потомъ прочитывалъ Сашѣ рассказы, ища въ нихъ отвѣта: какъ жить?

Принеся этимъ лѣтомъ жертву, Григорій Ивановичъ успокоился, но не надолго; жертва была, пожалуй, и не настоящая, а похожа на удовольствіе, ему же хотѣлось многого.

Время было тревожное, не то, что прежде. Въ газетахъ попадались прямо-таки дерзкія статьи, отъ которыхъ духъ захватывало, и студенческіе годы въ Казани казались мальчишествомъ. Одна газетная статья (въ провинцію она попала только подписчикамъ, въ Петербургѣ же продавали этотъ номеръ за 50 руб.) словно открыла Григорію Ивановичу глаза: онъ увидѣлъ, что есть вѣрный путь для совѣстливаго человека. Да какой путь! Можно голову положить за него и не безъ цѣли... Много тогда пришлось Сашѣ не спать ночей, слушая Григорія Ивановича, который бѣгалъ по избенкѣ и доказывалъ, а за нимъ по стѣнѣ металась тѣнь, на которую Саша глядѣла, внимая мужу. Докторъ былъ очень горячъ и рѣшилъ, не откладывая, начать новую работу, но, вдругъ, все это неожиданно окончилось.

Въ студеную, вьюжную ночь Григорій Ивановичъ

сидѣль у сосноваго стола, читая. Саша возилась за перегородкой, и докторъ, по звону посуды, зналъ, что скоро будетъ чай.

Снаружи, въ углу избы посвистывала мятель, будто на крышѣ, поджавъ лапки, сидѣль чортъ, жалуясь на стужу.

— Вьюга-то какая, Господи, кого еще занесетъ въ степи, — сказала изъ-за перегородки Саша. Докторъ, заслонивъ ладонью лампу, поглядѣль въ обледенѣлое окно... Иглистый ледъ и перья мороза на стеклахъ загорались иногда синимъ свѣтомъ, — это въ страшной вышинѣ, между обрывковъ тучъ, сыплющихъ снѣгомъ, ныряль и летѣль мѣсяць...

— А знаешь, — сказалъ Григорій Ивановичъ, — я все думаю — въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь у стола, сидитъ умный и честный человекъ и пишетъ, а я здѣсь, за двѣ тысячи верстъ, переживаю его мысли, — удивительно!... Какое же я имѣю право оставаться въ бездѣйствіи!

— Кто такой, — спросила Саша, — здѣшній онъ, или такъ-гдѣ встрѣтились?

— Ахъ, ты не понимаешь, — отвѣтилъ докторъ, положивъ руки на книгу, — ты, Саша, пойми, я не такъ живу, — слишкомъ уютно и много покоя: — безсовѣстно живу! Понимаешь?... Такъ нельзя. Я не имѣю права жить съ удовольствіемъ, когда тамъ за меня погибаютъ. Нужно „поднять голову“, — вотъ здѣсь объ этомъ говорится... И твоя обязанность не тянуть меня назадъ въ тину, а ободрить и зажечь. Такъ поступаютъ настоящія женщины...

У Григорія Ивановича отъ раздраженія задрожалъ даже голосъ. Саша вышла изъ-за перегородки, стала близко за стуломъ мужа, сложила руки, опустила глаза и сказала негромко:

— Виновата, Григорій Ивановичъ...

И надо бы ему тогда засмѣяться, объяснить Сашѣ, — она бы все поняла; но онъ не сдѣлалъ этого и, сердясь на себя за слабость, винилъ жену, создавшую, какъ онъ сейчасъ думалъ, „мѣщанскій уютъ“.

Въ это время за окномъ зазвенѣли подхваченные мятелью бубенцы, заскрипѣлъ снѣгъ, и было слышно, какъ близко задышали лошади.

— Неужто поѣдешь, Григорій Ивановичъ? Занесеть вѣдь, вотъ бѣда, — сказала Саша, уходя опять за перегородку.

— Удовольствія мало, — проворчалъ онъ, — кто-нибудь изъ помѣщиковъ животомъ валяется, — откинулъ волосы, захлопнулъ книгу, всталъ и, съ трудомъ толкая колѣномъ, открылъ набухшую дверь.

Въ снѣгахъ отъ повалившаго клубами пара ничего нельзя было разобрать, но кто-то уже вошелъ; Григорій Ивановичъ отступилъ и ахнулъ: на порогѣ стояла Катя.

Черную шубку на ней запорошило снѣгомъ; подъ капоромъ покраснѣлось лицо, рѣсницы были бѣлыя; она притворила дверь, сняла рукавички, потопала ногами и сказала:

— Не ждали? А я чуть не заблудилась; поѣхала къ папѣ, а буранъ такой, что не пробраться черезъ ваши мосты; увидѣла свѣтъ и завернула. Принимаете?

Она разстегивала большія пуговицы; Григорій Ивановичъ опомнился, наконецъ, снялъ съ нея шубку, которая была теплой внутри, пахла мѣхомъ и взялъ капоръ.

Подъ капоромъ волосы слежались; Катенька поправила ихъ, и сѣла къ столу.

— Гдѣ Саша? — спросила она.

— Тамъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — кив-

нувъ головой на перегородку, — мы читали, собирались пить чай. — И сбоку поглядѣлъ на Екатерину Александровну, словно готовый спрятаться, или удрать.

— Саша, это я, выходите, — сказала Катенька, оправляя кружево на темномъ платьѣ, и вдругъ усмѣхнулась. Григорій Ивановичъ раскрылъ ротъ и съ трудомъ вздохнулъ.

Саша наконецъ вышла, держа руки подъ черной кофтой, и достойно, медленно поклонилась одною головой. Катенька охватила ее рукой за шею и сказала, цѣлуя:

— Все такая-же, красавица! Ну, какъ ты живешь, хорошо?

— Благодарю васъ, все слава Богу, — медленно отвѣтила Саша, не поднимая глазъ.

Катенька еще разъ поцѣловала ее, но Саша была, какъ каменная, и Катя сняла руку съ ея плечъ. Григорій Ивановичъ глядѣлъ на обѣихъ женщинъ и мучительно морщился, понимая, какъ тяжела для Саши эта встрѣча. А, морщась, все-таки сравнивалъ: Саша казалась грубой и тяжелой, у Екатерины Александровны все было изящно — и движенія, и высоко подобранные, тонкіе волосы, и голосъ былъ особенный, какъ музыка, и платье — мягкое и прелестное...

Григорій Ивановичъ возмущился этимъ мыслямъ, но, сколько ни старался придать себѣ равнодушнаго вида, глаза сами видѣли то, чего не нужно и грѣшно было видѣть, — завитки волосъ, приподнятый уголокъ рта, двигающіяся отъ дыханія складки платья на ея груди.

Наконецъ, подъ колѣнкой у него начала дрожать какая-то жилка, какъ мышъ. Это было такъ противно, что онъ проговорилъ грубымъ голосомъ:

— Что-же, самоваръ, наконецъ, будетъ?

Саша медленно повернулась и ушла за перегородку. Было слышно, какъ она дула въ него, гремѣла трубой. Запахло угарцемъ. Катенька перелистывала журналъ, затѣмъ бросила книгу на столъ, облокотилась и сказала:

— Я писала вамъ два раза, просила пріѣхать, — была нездорова. Почему вы не пріѣхали?

— Да, я не могъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ. Саша внесла самоваръ и вытирала посуду, не поднимая головы, спокойная и сосредоточенная.

— А я все одна, цѣлые дни. Слушаю, какъ вѣтеръ воетъ... Думаю, думаю... Боже, во всю жизнь столько не передумала! А вотъ у васъ даже вѣтеръ уютный, право... Мнѣ нравится у васъ... Даже завидно... — Катенька вдругъ усмѣхнулась и прямо въ глаза взглянула Григорію Ивановичу, — онъ даже голову втянулъ въ плечи, не въ силахъ оторваться отъ ея сѣрыхъ, холодно-мрачныхъ глазъ. Она проговорила:

— А помните, какъ вы остриглись такъ смѣшно? Мнѣ потомъ Кондратій рассказывалъ, какъ онъ вамъ какую-то косичку отстригалъ ножницами...

Григорій Ивановичъ почувствовалъ, что багровѣетъ, погибаетъ. Наконецъ Саша сказала, оборачиваясь къ дверямъ:

— Григорій Ивановичъ, сходи-ка въ сѣни, принеси молока, — крайнюю кринку, я-то въ чулкахъ. — И обратилась къ Катенькѣ: — у насъ двѣ коровы, пестрая и красная, и бычокъ. Полное хозяйство.

„Вы видите, вы понимаете“, глазами сказалъ докторъ и тотчасъ вышелъ. Въ холодныхъ сѣняхъ онъ пошарилъ на полкѣ (онъ зналъ, гдѣ стоитъ кринка, но хотѣлъ нарочно, чтобы упала какая-нибудь дрянь,

но ничто не упало), взявъ ее и, стоя въ темнотѣ, прошепталъ:

— Ахъ, чортъ, — и хотѣлъ расшибить проклятый горшокъ, но сморщился только и цыкнулъ языкомъ, зная, что подлость уже сдѣлана, и несчастье (или счастье?) подошло.

— Этоть что ли горшокъ? — грубо сказалъ онъ, ставя передъ Сашей кринку, и сѣлъ въ тѣнь.

Въ избѣ послѣ сѣней сильно пахло духами. Григорій Ивановичъ подумалъ, что это не духи, а волосы пахнутъ Катенькины, ея руки, платье.

Она, не спѣша, пила чай, ея губы были красныя, очень красныя. Саша хоронилась за самоваромъ, перетирая чашки. Григорій Ивановичъ подумалъ, что Саша потолстѣла, упряма и зла.

„А потомъ еще расплывется. Собственностью меня считаетъ. Думаетъ — сдѣлала мнѣ большую честь. Сидитъ — ненавидитъ, а я горшки носи! Ахъ, гадость, ахъ гадость!... Да и я-то — просто мерзавецъ, въ концѣ концовъ!!!

Катенька спросила, много-ли у него работы. Григорій Ивановичъ, глядя въ сторону, вкось, отвѣтилъ, что много: „ѣздишь, ѣздишь по уѣзду, на человѣка не похожъ... Жизнь, знаете, у насъ не княжеская... Живемъ по колѣно въ навозѣ... Не разжирѣешь...“

У Саши въ это время выскользнуло блюдо изъ рукъ и разбилось... Катенька ахнула:

— Ахъ, какая жалость, — и сказала это съ такимъ участіемъ притворнымъ, что Григорій Ивановичъ задышалъ и вдругъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Нищеты вы не видѣли, что ли? Такъ, вотъ она, глядите!

— Что ты, что ты! — испуганно поднявъ глаза,

прошептала Саша. У Екатерины Александровны задрожала ложечка въ рукѣ, задрезжала о стаканъ. Григорій Ивановичъ отбѣжалъ къ печкѣ, повернулся, поджалъ губы и, словно пронзая кого-то пальцемъ, продолжалъ:

— Убожества сколько угодно, больше чѣмъ даже нужно, а духъ, все-таки, горитъ, этимъ вы его не потушите, да-съ! Не обидѣть васъ хочу, Екатерина Александровна, а мнѣ больно, что вы смѣются надъ нами пріѣхали. Такъ, позвольте вамъ заявить, что смѣяться то и не надъ чѣмъ. Кромѣ этихъ вотъ горшковъ, есть кое что поважнѣе, чѣмъ мы живемъ. И живемъ, какъ въ огнѣ горимъ, да-съ! Идеями живемъ! А передъ ними все это убожество — пустяки. И мнѣ наплевать, что личная жизнь не удалась. Не удалась — вотъ вамъ новый боець!

Долго еще въ этомъ родѣ говорилъ Григорій Ивановичъ; Катенька слушала, опустивъ голову. Наконецъ, когда онъ сѣлъ вдругъ на лавку, словно сама стараясь разобраться во всей путаницѣ словъ, Екатерина Александровна поднялась изъ-за стола и проговорила:

— Вы не такъ поняли меня. Я живу совсѣмъ одна, не съ кѣмъ слова сказать. Сегодня вотъ вспомнила васъ и Сашу, вы мнѣ показались близкими, пріѣхала подружиться. Ну, видно изъ этого ничего не вышло. Прощайте, друзья мои. Не судьба.

Она надѣла шубку, медленно застегнула пуговицы, натянула пуховыя бѣлыя варежки, улыбнулась грустно, простилась и вышла.

Григорій Ивановичъ не въ силахъ былъ вымолвить слова, — все, только что сказанное имъ, будто вихремъ вылетѣло изъ головы. Саша, сложивъ опять руки подъ кофтой, проговорила негромко:

— Все-таки, гостя, Григорій Ивановичъ, обижать-то не надо бы.

Тогда онъ, какъ былъ, въ черной рубахѣ, безъ шапки, выбѣжалъ на дворъ.

Мѣсяць окончилъ небесную погоню и медленно теперь плылъ въ морозной высотѣ, круглый и ясный. Сивая тройка, запряженная въ возокъ, позванивала бубенчиками. У крыльца намело голубоватый снѣгъ крутымъ сугробомъ; увязая въ немъ по колѣно, Григорій Ивановичъ подбѣжалъ къ Катенькѣ, — она глядѣла на него, стоя у возка.

— Екатерина Александровна, я не хотѣлъ васъ обидѣть... Господи Боже мой, поймите меня...

— Я васъ понимаю, — она подняла глаза, и глядѣла на мѣсяць...

— Екатерина Александровна, могу я васъ проводить?

— Да...

Григорій Ивановичъ бѣгомъ вернулся въ избу, накинулъ полушубокъ и испуганно-торопливо проговорилъ Сашѣ.

— Проводить хочу Екатерину Александровну, нельзя отпустить одну, къ тому же обидѣли. Вернусь поздно, можетъ утромъ, — и онъ замаялся въ дверяхъ. Саша не отвѣчала, убирая посуду.

— Что же ты молчишь? — спросилъ онъ, — не хочешь, чтобы провожалъ?

— Воля твоя, Григорій Ивановичъ, дѣлай какъ знаешь.

— Какая тамъ моя воля, — онъ отошелъ отъ двери, — терпѣть не могу такихъ отвѣтовъ... Что же — я проводить даже не могу. Ну?

— Какіе мои отвѣты, Григорій Ивановичъ, на что сердисься?...

Онъ тотчасъ сѣлъ на лавку:

— Непереносимо!

Въ это время за окномъ звякнули бубенцы, это Катенька садилась въ возокъ. Григорій Ивановичъ вскочилъ и сказалъ отчаянно:

— Не сердись ты, Христа ради, не могу оставить тебя такой.

— Ничего, потерплю, — отвѣтила Саша и ушла за перегородку.

— Ну и къ чорту! — гаркнулъ онъ, — не поѣду! — И тотчасъ выскочилъ за ворота. Лошади уже тронулись. „Погоди, погоди“ — закричалъ Григорій Ивановичъ и, увязая въ снѣгу, побѣжалъ за широкимъ задкомъ саней.

IX.

Въ окно возка сквозь морозныя зерна свѣтилъ мѣсяцъ и была видна тусклая, сливающаяся съ небомъ, равнина снѣговъ. Скрипѣли полозья. Какъ стеклянные, звенѣли однообразно бубенцы. При поворотахъ возка выплывало изъ темноты тонкое Катенькино лицо, опушенное сѣдымъ мѣхомъ, и въ глазахъ ея загорались лунныя искорки.

Григорій Ивановичъ глядѣлъ на нее и чувствовалъ, что вотъ для этой минуты онъ и протащился черезъ всю жизнь. Теперь — только глядѣть на это волшебное лицо, только вдыхать, кружащей голову, запахъ снѣга, духовъ и теплаго мѣха.

— Вы знаете, что меня бросилъ мужъ, — сказала Екатерина Александровна, появляясь въ синеватомъ свѣту. Григорій Ивановичъ вздрогнулъ, подумалъ, что нужно отвѣтить ему на это, и, внезапно, точно ждалъ только знака, началъ рассказывать негромкимъ

и каким-то новымъ, особеннымъ, — но онъ чувствовалъ — истинно своимъ, — голосомъ о томъ, что этимъ лѣтомъ видѣлъ, какъ изъ рѣки поднимались облака и уходили за лѣсъ и тогда его сердце наполнилось любовью; потомъ онъ увидѣлъ Катеньку, подѣзжавшую къ берегу въ лодкѣ, и понялъ, что любовь — къ ней. Онъ разсказалъ о пчелахъ, крутившихся въ травѣ, и о томъ, что его любовь была такъ велика и такъ свѣтла, — казалось — человѣку невозможно вынести такую любовь, хотѣлось отдать ее небу, землѣ, людямъ.

— А какъ-же Саша? — вдругъ тихо спросила Катенька. Лицо ея было такое странное въ эту минуту, такой мучительной красоты, что Григорій Ивановичъ застоналъ, откинувшись вглубь возка. Катенька погладила его по плечу. Онъ схватилъ ея руку и прижался губами къ мягкой, надушенной варежкѣ.

— Люблю васъ, — проговорилъ онъ, — дайте мнѣ умереть за васъ...

Онъ держалъ ее за руку, повторяя эти слова глухимъ голосомъ, и на ухабахъ, когда возокъ подбрасывало, все, словно, кланялся. Лицо у него было некрасивое, — взволнованное.

И Катенькой овладѣла тоска. Хотѣла было она посмѣяться надъ Григоріемъ Ивановичемъ, сказать, что не къ отцу сегодня ѣхала, а къ нему нарочно, со зла и скуки, поѣхала мучить. Что онъ — жалокъ ей. А любовь его, какъ вотъ эти поклоны, — смѣшная, и, дѣйствительно, за такую любовь только и можно, что умереть. Но ничего этого она не сказала. Хотѣлось горько, надолго заплакать.

— Взгляните на меня... Полюбите меня на минутку, — проговорилъ Григорій Ивановичъ. Тогда Катенька выдернула у него свою руку. Онъ не сопро-

тивлялся, только сползъ къ ея ногамъ, коснулся лицомъ ея колѣней. Отъ этого ей стало еще темнѣе и тоскливѣе.

И оба они не замѣтили, что возокъ начало валять на стороны, клонить, и вдругъ помчало внизъ. Кучеръ, не въ силахъ поворотить молодыхъ лошадей при спускѣ, вбокъ, на дорогу, пустилъ тройку прямокомъ съ горы на рѣчной ледъ.

Вздымая снѣгъ, раскидывая грудью сугробы, вынеслись кони на рѣку. Ледъ затрепалъ, возокъ качнулся, осѣлъ, и хлынула въ него черная вода.

Катенька закричала. Григорій Ивановичъ живо распахнулъ правую, не залитую, дверцу. Между тонкихъ льдинъ полыньи въ синей, съ лунными бликами, текучей водѣ бились бѣлыя лошади. Коренникъ держался передними копытами о ледъ, и вдругъ заржалъ, протяжно, жалобно. Лѣвая пристяжка храпѣла, — только морда ея была видна надъ водой. Правую за-тягивало теченіемъ.

— Тоне-емъ! — вытянувшись на козлахъ, закричалъ кучеръ. Григорій Ивановичъ впотьмахъ обхватилъ Катеньку, какъ сокровище, высунулъ ее изъ возка, говоря: „Не бойтесь, не бойтесь“... Она ухватилась за рѣшетку наверху кузова, подтянулась, возокъ сильно накренило, и Григорія Ивановича залило по поясъ.

ВОЗВРАТЪ

10 Толстопя, Хромой Барянь

I.

Алексѣй Петровичъ ѣхалъ на Самолетскомъ пароходѣ по второму классу, отъ Рыбинска, и, вотъ уже нѣсколько дней, не выходя изъ каюты, лежалъ, даже не отъ разстройства какого, а просто незачѣмъ было двигаться и разговаривать, — только пилъ и спалъ.

Въ карманѣ помятаго его пиджачка были завернуты въ газету послѣдніе сто рублей. Алексѣй Петровичъ притворялся, что самъ не знаетъ зачѣмъ сѣлъ на пароходъ и ѣдетъ: казалось, — точно съ больной собаки лѣзетъ съ него шерсть клоками, — до того было нечисто, гнусно и тоскливо.

Послѣ года безпутной жизни, Алексѣй Петровичъ опустился на послѣднюю ступень, дальше была только смерть въ ночлежномъ домѣ, и онъ чувствовалъ теперь нѣкоторое удовлетвореніе, даже пріятную остроту: не мучила совѣсть, ничто не вспоминалось, да и не было времени вспоминать; проснувшись въ каютѣ, откашливался онъ, выпивалъ водки и, присѣвъ къ столу у зеркала, зѣвалъ или раскладывалъ пасьянсъ, пока отъ хмѣля опять не одолѣетъ сонъ...

Передъ свадьбой, объясняясь въ саду на скамейкѣ, Алексѣй Петровичъ сказалъ Катенькѣ, что, если бы она охотой шла за него, онъ бы не женился. Тогда же Катенька поняла, что ему нужна „жертва“. Але-

ксѣю Петровичу, дѣйствительно, нужна была „жертва“, но особаго рода (этого она не совсѣмъ себѣ уяснила): живая, теплая, вѣчная. Бываютъ жертвы глухія и безповоротныя, когда человѣкъ отдастъ всего себя, пропадетъ и исчезнетъ, при воспоминаніи объ этомъ мучаетъ совѣсть, и самъ себѣ кажешься недостойнымъ. Бываютъ жертвы огненные, радостныя, мгновенныя, при воспоминаніи о нихъ жалѣешь, что не повторяются онѣ еще разъ. Алексѣй же Петровичъ могъ жить только въ томъ случаѣ, когда близъ него находилась любящая женщина, съ измученнымъ сердцемъ, безъ воли, всегда готовая отдать всю себя за ласковое слово, за поцѣлуй. Онъ долженъ былъ чувствовать постоянный нѣжный укоръ, милую тяжесть, грусть отъ того, что не въ силахъ дать ей всего счастья, которое заслужила она, и въ эту любовную меланхолію онъ погружался съ головой, забывая ядовитыя воспоминанія и неминуемую свою гибель отъ нихъ.

Таковы были его отношенія съ Сашей. Когда же она отъ тихой жертвы перешла къ безповоротной, онъ пришелъ въ ужасъ, и Катя тогда показалась ему единственнымъ спасеніемъ. Она была любящая, нѣжная, прекрасная; князь полагалъ, что ихъ союзъ будетъ, какъ печальная осенняя заводь, — грустный, послѣдній пріютъ на землѣ.

Но послѣ пощечины въ немъ вспыхнули злоба и страсть, пощечина напоминала прошлое, съ тою лишь разницею, что здѣсь властвовалъ, рѣшалъ судьбу — онъ.

Въ первые дни свадебнаго путешествія Алексѣй Петровичъ, словно боясь, что Катенька опомнится и пойметъ весь ужасъ ихъ союза, былъ до оскорбительности вѣжливъ и предупредителенъ. Но она, сама не

ожидая, ставъ женщиной, внезапно и пылко влюбилась въ мужа, точно изъ сумерекъ вышла на ослѣпительный свѣтъ. Это было жгучее ощущеніе самой себя, своей женственности, огнемъ закипѣвшей крови. Передъ этимъ чувствомъ все прошлое померкло, сгорѣло, — не стоило вспоминать.

И Катенька втянула мужа въ водоворотъ женскаго, перваго чувства. Для Алексѣя Петровича, такъ же неожиданно, наступили дни забвенія, взволнованной радости, счастливыхъ заботъ о милыхъ мелочахъ. Казалось — настала вторая жизнь, когда онъ видѣлъ только глаза Катеньки, полные восторга, почти безумія, когда для него не было ни прошлаго, ни будущаго, — лишь мгновеніе.

Но это, кружащее голову, счастье продолжалось недолго. Алексѣй Петровичъ началъ понимать, что не выдержать такого напряженія, и растерялся. Произошла первая ссора. Катенькѣ было оскорбительно и стыдно, что ея влюбленность встрѣтила холодъ, почти насмѣшку. Она почувствовала, какъ они далеки съ мужемъ, точно два чужихъ человѣка. Это было вечеромъ, въ старомъ отелѣ, въ Венеціи. Алексѣй Петровичъ стоялъ у окна, выходящаго въ узкій каналъ, красноватый отъ дождевого заката. Катенька лежала на диванѣ и плакала.

— Ради Бога, Катюша, перестань, никакого несчастія не произошло, — негромко говорилъ Алексѣй Петровичъ, — ты хотѣла меня поцѣловать — я былъ разсѣянъ. Вотъ и все. Я думалъ, что мы, въ концѣ концовъ, ничего, кромѣ ресторановъ, такъ и не осмотрѣли толкомъ въ этой Венеціи. Ты согласна? Просто, я думаю, въ сумерки тебѣ взгрустнулось. Или мы устали...

Все это было вѣрно и плакать не стоило.

Но Катенька сама не знала — отчего ей такъ печально, словно солнце ушло навсегда за далекий край моря, и теперь всю жизнь будетъ вотъ такъ же безнадежно грустно.

Внизу безшумно скользила черная гондола. Князь, облокотясь о подоконникъ, глядѣлъ, какъ узкій носъ лодки разрѣзаетъ красноватую воду. Сидящая въ гондолѣ дама опустила лорнетъ и, поднявъ лицо, обернулась къ лодочнику. Алексѣй Петровичъ узналъ Мордвинскую.

Онъ отшатнулся отъ окна и взглянулъ на Катю. Она сидѣла теперь, опустивъ лицо; въ сумеркахъ бѣлѣлъ платочекъ на ея колѣняхъ. Алексѣй Петровичъ почувствовалъ острую жалость къ этой чистой и милой, такъ ничего и не понявшей, молодой женщинѣ. Онъ опустился на колѣни передъ диваномъ, взялъ ея руку и прижался губами, но рука была неподвижна и губы его холодны. Ему стало ясно, что не ее онъ любилъ, а ту, и никакой страстью, никакой жертвой не затопить той любви.

На другой день Краснопольскіе уѣхали въ Римъ, потомъ въ Геную, въ Ниццу, въ Парижъ.

Алексѣй Петровичъ не могъ достовѣрно сказать, была ли то Мордвинская, скользнувшая, какъ призракъ въ черной гондолѣ, обмануло ли его случайное сходство. Но, все равно, въ немъ распахнулась дверь въ тайникъ, наглухо запертый и позабытый съ той ночи, когда Анна Семеновна опутала его паутиной ласкъ, отравила поцѣлуями. Онъ зналъ теперь, что все это время обманывалъ себя и обманъ, такъ ловко возведенный, рухнулъ отъ одного взгляда женщины; что все, даже ударъ хлыста по глазамъ, онъ проститъ и забудетъ за встрѣчу съ Мордвинской; что нѣтъ у него ни воли, ни гордости, только изму-

ченное сердце, каждую минуту готовое залиться смертельнымъ пламенемъ любви.

Ему стало вдругъ безразлично, — уйдетъ-ли Катенька отъ него, или до конца дней будетъ страдать подъ бокомъ, или, какъ Саша, принесетъ глухую жертву. Она молчала, грустила, но еще не рѣшалась спросить, отчего онъ такъ внезапно перемѣнился.

Въ Парижѣ Алексѣй Петровичъ иногда на цѣлые дни оставлялъ Катеньку одну въ отелѣ. Она садилась къ окну и ждала. Внизу, на площади Оперы, скрещивались потоки экипажей, перебѣгали люди, слышались гудки, свистки, шумы колесъ, говоръ. Только малое пространство отдѣляло ее отъ этой миллионной суеты, но одиночество чувствовалось еще острѣе, какъ никогда.

Алексѣй Петровичъ возвращался нѣсколько разъ очень поздно, и Катенька съ тоской глядѣла въ его похудѣвшее лицо, съ измученными и словно невидящими глазами. „Не люблю, не люблю, все равно, пускай пропадаетъ“, — повторяла она, стискивая пальцы. Князь просилъ извинить его, объяснялъ, что бродилъ весь день по городу, и слова его были смутныя, сбивчивыя, непонятныя... Потомъ онъ ложился въ постель, протягивалъ руки поверхъ одѣяла и закрывалъ глаза, притворяясь, что засыпаетъ.

Катенька уловила изъ этой путаницы только одно, что мужъ настойчиво пытается встрѣтить кого-то, заходить въ рестораны, театры, кабаки, магазины, сидитъ въ людныхъ кофейняхъ, бродитъ по бульварамъ. Катенька пыталась узнать, кого онъ ищетъ, умоляла, грозилась и плакала, но князь молчалъ. Однажды подъ утро, глядя въ позеленѣвшее отъ разсвѣта лицо его, съ ввалившимися, тусклыми глазами,

Катенька сѣла на постели, обхватила голову и проговорила:

— Не понимаю, ничего не понимаю... Все это безуміе какое-то... Ложь, ложь, ложь!...

— Да, — безуміе и ложь, Катя...

Катенька болѣе не сдерживалась, гордость ея была сломлена; соскочивъ съ постели, она босикомъ подбѣжала къ окну и крикнула, что, если онъ еще хоть разъ оставитъ ее одну въ этой комнатѣ, она выкинется на улицу подъ экипажи. Отчаяніе ея было такъ велико и неожиданно, что Алексѣй Петровичъ будто опомнился, началъ успокаивать Катеньку и сказалъ, съ усиленіемъ, что, лучше всего, нужно ѣхать домой, въ Россію.

Произошло все это оттого, что, по приѣздѣ въ Парижъ, Алексѣй Петровичъ пошелъ въ посольство и тамъ ему сказали: „Мордвинская здѣсь и одна, но адресъ ея неизвѣстенъ“. Тогда онъ сталъ искать Анну Семеновну по всему городу и, дѣйствительно, видѣлъ ее два раза издали, но подойти не могъ: — она была съ какимъ-то рослымъ молодымъ человѣкомъ, по виду — содержателемъ скаковой конюшни.

За послѣднюю-же недѣлю Алексѣй Петровичъ не встрѣчалъ ее больше нигдѣ: — должно быть уѣхала на югъ, въ Біарицъ или Ниццу, гдѣ начинался сезонъ.

Въ Петербургѣ была уже осень. Надъ городомъ тащились мокрыя облака. Въ воздухѣ пахло желѣзомъ. Прохожіе, дѣловитые и злые, съ испытанными отъ неврастенія лицами, не раскрывали даже зонтиковъ, — до того всѣ привыкли къ мокротѣ: пусть льетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней Краснопольскіе съ Варшавскаго вокзала проѣхали на Морскую въ гостиницу. Катенька не хотѣла-было останавливаться, но Але-

ксѣй Петровичъ сослался на дѣла, и начались томительные и однообразные дни. Лилъ дождикъ, весь день горѣло желтое электричество въ номерѣ, князь отлучался не надолго, остальное время проводилъ на диванѣ, то молчалъ, то раздражался на мелочи, то уговаривалъ Катеньку дѣлать визиты роднымъ, но отъ этого она отказалась наотрѣзъ. Однажды Алексѣй Петровичъ ушелъ поутру и не вернулся ни днемъ, ни ночью, ни на слѣдующій день.

Случилось вотъ что. — Выйдя утромъ изъ гостиной, Алексѣй Петровичъ, какъ всегда, взялъ извозчика и поѣхалъ на Шпалерную; поровнявшись съ домомъ Мордвинскихъ, онъ отъ волненія закрылъ глаза: вчера еще замазанныя мѣломъ окна были вычищены, подняты шторы, и въ глубинѣ залы свѣтилось нѣсколько электрическихъ лампочекъ. Алексѣй Петровичъ отпустилъ извозчика на углу и вернулся къ подъѣзду. Сердце у него билось такъ, что надо было придерживать рукой. Онъ позвонился, вошелъ въ домъ и передалъ лакею карточку. О томъ, что будетъ дальше — выйдетъ мужъ или она сама, и какъ онъ въ томъ или иномъ случаѣ поступитъ — князь не думалъ.

Лакей долго не приходилъ. „Негодяй, нарочно держать меня въ прихожей“, подумалъ князь. Лакей появился въ глубинѣ комнаты и оттуда поглядѣлъ на князя, — нагло, конечно, и скрылся. Кровь бросилась въ голову Алексѣю Петровичу, онъ взялъ съ подзеркала черную женскую перчатку и, дернувъ, разорвалъ пополамъ; лакей снова появился, съ пестрой метелкой, смахивая походя пыль. „Дуракъ!“ закричалъ Алексѣй Петровичъ, и голосъ его покотился по комнатамъ; откуда-то позвонили, лакей исчезъ, и князь, со всей силой махнувъ парадной дверью, выбѣжалъ вонъ.

На улицѣ моросилъ дождь, облака тумана тащились по крышамъ, и ржавый воздухъ проникалъ до костей. Алексѣй Петровичъ медленно двигался по тротуару. Онъ предвидѣлъ все, но только не лакея съ метелкой.

„Теперь поскорѣе забыться, — подумалъ онъ, — но только куда-нибудь погрязнѣе“. Онъ ясно понялъ теперь, что это — конецъ, — полтора года страшнаго напряженія разрѣшились метелкой и ржавымъ дождемъ. Иного, конечно, и нельзя было ожидать, потому что самъ онъ — маленький, хилый, ничтожный, и если пойдетъ дождь посильнѣе — смоетъ его дождемъ въ канавку, сбоку тротуара, унесетъ въ подземную трубу. Тогда онъ вспомнилъ о Катѣ: „Нѣтъ, нѣтъ, до нея далеко. Нельзя. Въ трактиръ, куда-нибудь.“

На перекресткѣ оглянулась на него набѣленная, точно мукой, женщина въ мокромъ боа. „Что вы какой серьезный, миленочекъ“, — прохрипѣла она, и позвала къ себѣ. Князю стало до тошноты противно и онъ сейчасъ же пошелъ за ней. Женщина привела его въ ободранную, затхлую комнату. Алексѣй Петровичъ, не снимая пальто и шапки, сѣлъ у непокрытаго стола и глядѣлъ на фотографіи какихъ-то вольноопредѣляющихся, прибитыя надъ краснымъ, рванымъ диванчикомъ. Сквозь щель въ двери была видна вторая женщина, полураздѣтая, съ распущенными волосами. Замѣтивъ, что князь на нее смотритъ, она подмигнула и вышла. За ней появился рослый паренъ, въ малиновой рубахѣ, кудрявый и съ мѣшками подъ глазами. На ремнѣ черезъ плечо у него висѣла гармонья. Онъ поклонился, тряхнулъ кудрями и, поставивъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на ступль, перебралъ лады.

— Да, да, пойте, — сказалъ князь, — я заплачу.

Женщина съ распущенными волосами подобрала сзади кенаречный капотъ, щелкнула пальцами и за-

пѣла, неожиданно, басомъ. Князь оглянулся на нее и взялся за бутылку, неизвѣстно какъ попавшую на столъ. Набѣленная женщина подсѣла къ нему и стала глядѣть въ ротъ. Глаза у нея были безъ рѣсницъ, слезящіяся. Она поправила слежавшуюся прическу и изъ-подъ шиньона у нея вылѣзъ клопъ.

Князь гадливо усмѣхнулся, сказалъ: „хорошо“, — и выпилъ полный стаканъ. Вино сильно ударило въ голову. Женщина гудѣла басомъ: „не разбуду я пѣсней удалою роскошный сонъ красавицы молодой“... Князь пилъ стаканъ за стаканомъ сладковатое и тошное вино. Звуки гармоньи звучали все отдаленнѣе. Онъ привсталъ было, чтобы сорвать, наконецъ, этотъ страшный шиньонъ, полный клоповъ, но пошатнулся и, безъ чувствъ, хватаясь за женщину, повалился на полъ.

Проснулся онъ въ незнакомой, но не вчерашней комнатѣ, на желѣзной кровати. Голова мучительно болѣла. Долго, сидя на грязномъ тюфякѣ, вспоминалъ онъ вчерашнее, потомъ, пошатываясь, вышелъ въ прихожую; тамъ валялись узлы, баулы, и на стулѣ стоялъ портретъ какого-то генерала; на шаги князя отворилась кухонная дверь, въ щель высунулась сморщенная старушка, поглядѣла и скрылась; князь вышелъ на парадное, — домъ былъ многоэтажный и каменный, а тотъ — деревянный. „Чортъ знаетъ, что такое“, — сказалъ онъ, и долго брелъ пѣшкомъ, не въ силахъ ни позвать извозчика, ни сообразить — куда идти. Пробѣжалъ впереди фонарщикъ, и, одинъ за другимъ, зажглись фонари. Алексѣй Петровичъ, глядя на желтые отблески подъ ногами, замоталъ головой и въ тоскѣ прислонился къ сырой стѣнѣ. Потомъ полѣзъ въ карманъ за папиросами, но ни папиросницы, ни бумажника не оказалось.

Второй раз вспомнил онъ о женѣ. И теперь отмѣтилъ съ удивленіемъ: до того ужъ загаженъ, измятъ и нечистъ, что думать о ней стало легко и сладко. Мордвинская-же словно исчезла изъ памяти, образъ ея расплылся въ уличной грязи, должно быть все, что было связано съ ней, отжило въ эту кошмарную ночь. И это наполнило его радостью, точно была окончена часть тяжелаго пути, самое трудное и мучительное миновало.

Забрызганный грязью, промокшій, но спокойный, Алексѣй Петровичъ добрался, наконецъ, до гостиницы. Швейцаръ не узналъ его, и князь размѣялся, — значить — сильно перемѣнился за эту ночь. Передъ дверью номера онъ снялъ помятый цилиндръ, ладонью пригладилъ волосы и постучалъ.

Катенька, закутанная въ бѣлый, пуховый платокъ, стояла посреди комнаты. Лицо ея было совсѣмъ блѣдное, глаза огромные, сухіе.

— Гдѣ ты пропадалъ? — спросила она, оглядѣла его и отвернулась, — какой ужасъ!

Не отходя отъ двери, князь проговорилъ:

— Милая Катя, я весь мокрый, сѣсть не могу, испачкаю все у тебя... Но это, именно, очень хорошо, что такъ все случилось. — Онъ переступилъ съ ноги на ногу и усмѣхнулся. — Встрѣчу ли я тебя еще когда-нибудь — не знаю. Но теперь я спасенъ, Катя...

— У васъ бредъ, вамъ нужно въ постель, — поспѣшно проговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты думаешь — я пьянъ? Нѣтъ. Я сейчасъ все тебѣ объясню. — Князь, вздохнувъ, оглядѣлъ комнату, посмотрѣлъ на грязные свои сапоги, потомъ, на одно мгновеніе, съ огромной нѣжностью, почти съ мольбой, взглянулъ Катенькѣ въ лицо, опу-

стиль глаза, и сталъ разсказывать все по порядку, начиная съ видѣнія на венеціанскомъ каналѣ.

Слушая, Катенька подошла къ дивану и сѣла, — ноги не держали ее. Она поняла все, вплоть до сегодняшняго утра. Но то, почему и какъ исчезъ изъ сознанія князя образъ Мордвинской, осталось для нея неяснымъ. Алексѣю-же Петровичу только это и было важно сейчасъ. Онъ говорилъ о себѣ такъ, словно былъ уже новымъ человѣкомъ, а тотъ, вчерашній, чужой и враждебный, отошелъ навсегда. Ему все это представилось до того ясно и хорошо и было такъ ясно и хорошо на душѣ, что онъ никакъ не могъ понять, почему Катенька съ такой злобой смотритъ ему въ лицо.

— Ну, а обо мнѣ-то вы подумали? — крикнула, наконецъ, она, и лицо ея порозовѣло. — Мнѣ что теперь дѣлать? Мнѣ какъ жить съ вами?

— Тебѣ? Ахъ, да...

Дѣйствительно, весь этотъ разговоръ клонился къ тому, чтобы Катенька, вотъ сейчасъ, въ это мгновеніе, принесла огненную жертву, отдала-бы всю свою чистоту, всю чудесную силу женщины, наполнила-бы ею опустошенную душу князя.

Алексѣй Петровичъ понялъ это, и стало противно, какъ никогда: кто-же, въ самомъ дѣлѣ, онъ — упырь? Только и живъ чужой кровью, — нажрется и отвалится.

— Катя, я уйду отъ тебя, навсегда. Потому ты все, все поймешь, — проговорилъ онъ, и, вдругъ, страшный восторгъ охватилъ его, голосъ оборвался. — Позволь поклониться тебѣ... Милая моя... Помни, помни, что бы ни было, — я всегда вѣренъ, вѣренъ, вѣренъ тебѣ до смерти.

Алексѣй Петровичъ поклонился низко и вышелъ. Въ тотъ-же день онъ выдалъ женѣ векселей на всю стоимость имѣнья и полную довѣренность на веденіе дѣлъ. Себѣ-же взялъ только нѣсколько тысячъ. И въ ту же ночь уѣхалъ въ Москву.

Алексѣй Петровичъ не зналъ хорошенько, что будетъ дѣлать въ Москвѣ. Поселился онъ въ плохонькой гостиницѣ, и первые дни ждалъ, что та минута страшнаго восторга повторится, разольется въ чудесную, долгую радость. Но понемногу становилось ясно, что чуда неоткуда ждать, а прошлая жизнь, на минуту отпустившая, виситъ надъ головой, каждую минуту готовая снова придавить. Тогда настали дни невыносимой тоски, тѣмъ болѣе острой, что не видѣлось иного выхода, кромѣ смерти. Вернуться же прежнимъ къ женѣ было невозможно; да князь и не зналъ, гдѣ Катенька, что случилось съ ней послѣ его ухода.

Тоска усиливалась: можно было почти указать, гдѣ находится она — посреди груди, подъ средней кссточкой. Въ этомъ мѣстѣ съ утра начинало сосать, къ вечеру же словно наваливался жерновъ. Отъ рюмки вина боль ослабѣвала. Князь началъ пить коньякъ, потомъ перешелъ на водку. Тогда появились знакомые, довольно странные по виду, но все хорошіе люди. Именъ ихъ князь не запоминалъ, а лица подъ конецъ дня все равно расплывались, трудно было различить мужчинъ отъ женщинъ, да и не все ли это равно. Часто играли въ карты; князь проигрывалъ, и денегъ у него осталось немного.

Во время этого чада, — забвенія всего, — мельнула одна встрѣча, незначительная, но запомнившаяся. Князь проходилъ днемъ около Иверской. Часовня была словно островомъ, гдѣ на минутку отдыхали прохожіе, снимая шапку, крестились, глядѣли на тем-

ный ликъ, на свѣчи. Князь тоже остановился и началъ вспоминать молитву, но ни одной не вспомнилъ, только смотрѣлъ на переливающіеся огоньки, на теплые отблески ризы. Сзади, въ это время, веселый голосъ произнесъ: „Христа ради прокожему, милый человѣкъ“. Князь досталъ мелочь и обернулся. Передъ нимъ стоялъ монашекъ и улыбался, лицо его было рябое, тощее, и на немъ свѣтлосиніе, ясные глаза. Князь посмотрѣлъ въ нихъ, и тоже улыбнулся — показалось, будто монашекъ знаетъ что-то очень важное, что и ему непременно нужно узнать... „Вотъ мѣдяки, — сказалъ Алексѣй Петровичъ, — а приходи ко мнѣ — я тебѣ рубль дамъ“.

Приходилъ ли монашекъ къ нему — князь не помнилъ хорошенько, но, кажется, мелькнули на одно мгновеніе, среди играющихъ въ карты, за облаками табачнаго дыма, пытливые, синіе глаза.

Настала весна. Князю очень хотѣлось думать о Катенькѣ, и, чтобы не дѣлать этого, онъ еще сильнѣе, безпробуднѣ пилъ. Однажды къ нему въ номеръ явился купчикъ, назвался волжаниномъ, будто бы знавшимъ князя по имѣнію, бойко выспросилъ про положеніе Алексѣя Петровича и рассказалъ, между прочимъ, о происшедшей зимою, напротивъ Милаго, катастрофѣ.

Изъ путаннаго разсказа купчика трудно было установить, какъ все случилось; на самомъ же дѣлѣ было такъ:

Возокъ слетѣлъ съ горы въ полынью, погрузился до половины, но не опрокинулся, поддерживаемый коренникомъ, который уперся передними ногами о ледъ... Кучеръ успѣлъ перерѣзать вальки, одна пристяжка ушла подъ воду, другая еще билась; кучеръ

по оглоблямъ пробрался на коренной ледъ, ухвативъ за хвостъ, помогъ вылѣзти пристяжной, вскочилъ на нее и погналъ черезъ рѣку за народомъ въ Милое.

Катенька лежала наверху возка, какъ въ забытѣи; Григорій Ивановичъ, стоя на отводѣ, по поясъ въ водѣ (ковлы тоже были затоплены, а влѣзть на верхъ онъ побоялся, должно быть), обхватилъ Катеньку, положилъ голову на ея грудь и глядѣлъ въ открытые ея глаза.

Снѣгъ повалилъ опять, окрѣпъ вѣтеръ; вдоль рѣки дымомъ несло поземку, и снѣжной пылью стало засыпать у Катеньки, словно мертвое, лицо; это было такъ страшно, что Григорій Ивановичъ поднялъ голову и закричалъ... Забился и коренникъ, ослабѣвая... Возокъ раскачивало ледянымъ вѣтромъ, и Катенька вдругъ привстала, спустивъ ноги въ тонкихъ чулкахъ, оглядѣлась, всплеснула руками, обхватила голову Григорія Ивановича и прижала къ себѣ, словно боясь отпустить. Такъ просидѣли они молча, покуда изъ Милаго не прискакали съ веревками и шестами работники. Спѣшась у полыньи, они думали, что княгиня и докторъ застыли, но потомъ замѣтили, что Екатерина Александровна немного поворачиваетъ голову, слѣдя, какъ накладываютъ шесты, закидываютъ веревки за возокъ, и тянутъ на ледъ вѣрнаго коренника. Но вдругъ произошло непонятное: совсѣмъ уже у края коренного льда, когда крѣпкія руки мужиковъ ухватили княгиню, Григорій Ивановичъ поднялъ голову, раскрылъ ротъ, и всѣ слышали, какъ проговорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ: „Не надо, не трогайте“, — потомъ потянулся за княгиней, застоналъ и, не сгибаясь, рухнулъ съ воплемъ въ воду и сейчасъ же ушелъ, будто каменный, подъ ледъ.

Княгиню положили въ сани, завалили тулупами

и доставили въ Милое. На другой день Александръ Вадимычъ перевезъ дочь къ себѣ.

Въ этой исторіи Алексѣя Петровича особенно поразила гибель доктора Заботкина. Чѣмъ больше онъ раздумывалъ, тѣмъ яснѣй становилось, что гибель была не простая, не случайность, а восторгъ смерти, жертва.

Всѣ эти мысли очень волновали. Князь не былъ даже увѣренъ — жива-ли Катенька. Оставаться въ Москвѣ казалось невыносимымъ. Онъ завернулъ въ обрывокъ газеты послѣдніе сто рублей и поѣхалъ на Ярославль; тамъ сѣлъ на пароходъ.

Одно время онъ рѣшилъ было пробраться въ село близъ Милаго и тамъ разузнать о Катѣ, но потомъ раздумалъ. Просто нужно было проѣхать мимо Милаго, вздохнуть одинъ разъ тѣмъ воздухомъ, а потомъ — наплевать, — хотя бы смерть отъ бѣлой горячки.

II.

Алексѣй Петровичъ лежалъ на боку въ одномѣстной каюткѣ, обитой жестью и выкрашенной подъ орѣхъ. Около двери бѣжала вода въ раковину; дрожали жалюзи, солнечный свѣтъ, отражаясь отъ рѣки, проходилъ сквозь щели жалюзи, игралъ на бѣломъ полотнѣ зыбкими зайчиками.

На столикѣ передъ зеркаломъ стоялъ графинъ съ водкой и тарелки, да еще табакъ въ картузѣ, на полу раскрытый чемоданъ, почти пустой, и пальто въ ногахъ...

Усыпителенъ въ лѣтній зной мѣрный стукъ машины, и легко дремать на мягкой койкѣ, обдуваемой вѣтромъ черезъ окно. Алексѣй Петровичъ похрапывалъ,

лицо его было розовое, какъ у пьяницъ. Онъ почти ничего не ѣлъ за послѣднее время, только пилъ, щипля невкусную пищу; когда же слишкомъ начиналъ жечь алкоголь и пересыхало во рту, онъ, морщась, просыпался, протягивалъ руку за бутылкой съ квасомъ, стхлебывалъ и повертывался къ стѣнѣ, подогнувъ колѣни...

На рѣкѣ ѣсть хочется ужасно, и, кажется, не успѣли отобѣдать, а уже зовутъ къ полднику. „Недурно бы теперь соленькаго“ — подумалъ князь, когда услышалъ стукъ въ каюту, и сказалъ спросонокъ:

— Ау, — и пріоткрылъ глазъ.

Въ дверь опять постучались. Князь проговорилъ дребезжащимъ голосомъ:

— Приготовь-ка мнѣ, дорогой, похолоднѣе графинчикъ; да что-нибудь тамъ...

„Что-нибудь соленькое, это — хорошо, — уже про себя продолжалъ онъ, — подъ тешку малосольную съ хрѣнкомъ море можно выпить“.

Но стукъ въ дверь продолжался.

— Что тебѣ нужно, чортъ, — воскликнулъ Алексѣй Петровичъ, спуская съ койки ноги, и отомкнулъ задвижку; дверь осторожно раскрылась и вошелъ монашекъ, съ косицей и въ скуфейкѣ. Кончики пальцевъ онъ держалъ въ рукавахъ подрясника.

— А ты говоришь — чортъ, — проговорилъ монашекъ, — здравствуй! — И низко поклонился, потомъ съ улыбкой осмотрѣлъ беспорядокъ въ каютѣ.

Князь съ испугомъ глядѣлъ ему въ синіе, синіе ясные глаза на рябоватомъ и мелкомъ лицѣ; да и весь видъ монашка былъ мелкій, и не то что потрепанный, а, казалось, трепать-то въ немъ нечего было.

— Я за милостыней, — продолжалъ монашекъ, — капитанъ у насъ хорошій человекъ: ладно, гово-

рить, проси, только не воруй. А мнѣ зачѣмъ воровать? — когда и такъ дадутъ. Про тебя онъ сказалъ — запойный. А вѣдь ты не совсѣмъ запойный, а? Ужъ тебя-то я хорошо знаю.

Онъ сѣлъ рядомъ и руку положилъ на колѣни Алексѣю Петровичу, который отодвинулся, тараща припухшіе глаза.

— Кабы не тоска — человѣкъ долженъ въ свинью обратиться. Вѣдь такъ, милый? — спросилъ вдругъ монашекъ. Алексѣй Петровичъ кивнулъ головой, коротко вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Хуже, чѣмъ я, жить нельзя! — Потомъ спохватился и сказалъ сердито:

— Послушай, я тебя не звалъ; ты зачѣмъ затесался? Уйди, пожалуйста, и безъ тебя скучно.

— Ни за что не уйду, — отвѣтилъ монашекъ, — ты, я вижу, совсѣмъ поспѣлъ. Нѣтъ, я отъ тебя не отстану.

Алексѣй Петровичъ тряхнулъ головой, все у него перепуталось и поплыло. Потомъ проговорилъ тоскливо:

— Неужели ты мнѣ представляешься? Да, значитъ очень плохо. Послушай, ты водку пьешь?

— Зачѣмъ ее пить?

Алексѣй Петровичъ опять поднялъ мутные глаза, лицо монашка словно плавало по каютѣ.

— Пей! Убью! — заоралъ Алексѣй Петровичъ не своимъ голосомъ. Но монашекъ продолжалъ улыбаться. Князь, обезсиливъ, легъ и закрылъ глаза.

— Ай, ай, ай! Дошелъ же человѣкъ до чего, — сказалъ опять монашекъ. Потомъ, помолчавъ, неожиданно громкимъ и рѣзкимъ голосомъ проговорилъ:

— А я тебя другимъ хмѣлемъ напою. Отъ моего хмѣля сытъ будешь, и сытъ и живъ... Слушай меня...

Много тебѣ было дано, а ты все растерялъ. Но ты для того растерялъ, чтобы не многое найти, а вѣчное... Встань и куда прикажу, туда пойдешь.

„Не кричи, все сдѣлаю, ушелъ бы лучше“, — подумалъ князь. Монашекъ нагнулся надъ Алексѣемъ Петровичемъ и погладилъ его по головѣ; князь опять зажмурился.

— Милый, идемъ со мной, — продолжалъ монашекъ, — вѣрно говорю — обрекись. Скоро къ Ундорамъ подойдемъ, тамъ и слѣзешь, а меня найдешь на берегу. Подумай хорошенько, да приходи. Понялъ?

Онъ постоялъ тихонько, потомъ, должно быть, вышелъ — щелкнула дверная щеколда.

Алексѣй же Петровичъ продолжалъ лежать, съ натугой собирая мысли, чтобы сообразить — дѣйствительно ли говорилъ съ нимъ сейчасъ человекъ, или только привидѣлся?

Такъ прошло много времени; зайчики на потолкѣ давно погасли, въ каютѣ становилось все темнѣй, и скоро надъ зеркаломъ, раскаляясь, сама зажглась лампочка.

— Ерунда, — сказалъ князь, — вчера, вотъ тоже мнѣ жокей какой-то мерещился въ желтомъ картузѣ...

Онъ слѣзъ съ койки, взглянулъ на себя въ зеркало и, съ трудомъ волоча ногу, пошелъ въ рубку второго класса, гдѣ и сѣлъ въ уголку, ни на кого не глядя, а чтобы не слышать разговоровъ, облокотился о столъ, прикрылъ уши ладонями. Лакей принесъ холодный графинъ съ водкой и севрюжку. Князь налилъ запотѣвшую рюмку, поперчилъ, медленно выпилъ и, выдыхая изъ себя винный духъ, покосился на рыбу.

Пароходъ въ это время заревѣлъ и сталъ поворачивать. Штору въ окнѣ надуло, а за сосѣднимъ столомъ сказали увѣренно:

— Ундоры...

Алексѣй Петровичъ сейчасъ же вскочилъ и спросилъ громко: „Неправда“? — Потомъ вышелъ на темную палубу.

Поворачивая къ пристани, пароходъ взволновалъ черную воду. Изъ подъ борта, освѣщенная иллюминаторомъ, вынырнула лодка съ двумя мальчишками, одинъ гребъ, другой игралъ на балалайкѣ, и скрылась въ темнотѣ.

Князь, прислонясь къ столбику периль, глядѣлъ, какъ приблизилась конторка, какъ бросили чалки на вагремѣвшую крышку, какъ матросъ и трое оборванцевъ навели мостки, и, широко ступая, сбѣжали по мосткамъ грузчики въ мѣшкахъ, накинутыхъ, какъ клобуки, на голову.

Потомъ изъ пароходнаго нутра повалилъ народъ, съ котомками и сундучками за спиной, сунъ билетики помощнику капитана.

Алексѣй Петровичъ внимательно вглядывался и вдругъ вздрогнулъ, примѣтивъ среди мужиковъ и бабъ знакомые глаза, но ихъ сейчасъ же заслонилъ тюкъ съ шерстью.

Князь поспѣшно сошелъ внизъ, втерся въ толпу и, кусая губы, нетерпѣливо оглядывался.

Съ конторки онъ поспѣшилъ на берегъ, гдѣ съ фонариками передъ лотками сидѣли бабы, крича и тыкая въ проходящихъ то жаренымъ поросенкомъ, то булкой.

На прибрежномъ пескѣ Алексѣй Петровичъ совсѣмъ запутался въ толкотнѣ среди мѣшковъ и поклажи. Онъ помнилъ только, что необходимо ему найти кого-то и спросить, что дѣлать дальше?... Одинъ разъ показалось, будто кто-то очень знакомый наклонился

надъ лоткомъ. Потомъ вдаль, между телѣгъ, будто помахаль рукой.

— Заманиваешь, — прошепталъ Алексѣй Петровичъ и, обходя, нагнувшись, побѣждалъ къ возамъ.

А пароходъ въ это время заревѣлъ и, отваливъ, потушилъ огни.

III.

— Эй, подожди, постойте! — кричалъ Алексѣй Петровичъ уходящему пароходу, ковыляя къ мосткамъ; но дорогу ему преградилъ коренастый крючникъ:

— Ай, баринокъ, пароходъ-то ушелъ!

Подошелъ матрость, бабы-торговки и озабоченный мужичокъ, съ козлиной бородкой; окруживъ князя, всѣ стали спрашивать — куда онъ и откуда ѣдетъ? Не оставилъ ли денегъ на пароходѣ? Женатый ли? Охали, качали головами. Озабоченный мужичокъ всего больше хлопоталъ, будто онъ-то и остался, а баба одна, подсунувшись къ самому носу Алексѣя Петровича, заявила вдругъ, радостно удивясь:

— Да онъ пьяный!...

Тогда всѣ успокоились и уже душевно начали относиться къ Алексѣю Петровичу.

Но князю тошно стало отъ этихъ безтолковыхъ распросовъ, и онъ, протиснувшись сквозь народъ, пошелъ прочь по берегу.

„Упаду гдѣ-нибудь и умру, и хорошо, — подумалъ онъ, — никому я не нуженъ, пойду, куда силъ хватитъ. Какъ жалко, ахъ, какъ жалко; вотъ чѣмъ окончилась жизнь.“

Алексѣй Петровичъ шелъ сначала вдоль песчаного берега, на который медленно находили невидимыя волны, оставленные пароходомъ. Но скоро стрежни

изрѣзали песокъ, князь спотыкнулся и повернулъ отъ рѣки на холмъ и въ луга.

Только теперь, съ трудомъ взобравшись наверхъ, увидѣлъ онъ частыя звѣзды надъ головой; трава была уже покосена и собрана въ копны. Онъ постоялъ, слушая бульканье перепела невдалекѣ, и двинулся бы-стрѣе, не то, что у рѣки, гдѣ увязали ноги.

„Куда я тороплюсь, будто гонятся“, — наконецъ, подумалъ онъ, и вдругъ сообразилъ, что ни разу еще не оглянулся... Онъ до того испугался, что тотчасъ присѣлъ и медленно, изъ-за плеча, поглядѣлъ назадъ.

Позади изъ-подъ холма, на сѣроватое отъ звѣздъ поле, поднималась темная фигура монашка, въ остромъ колпакѣ.

„Гонится, — подумалъ Алексѣй Петровичъ, — сейчасъ спрячусь“, и, пригибаясь къ землѣ, быстро пробѣжалъ до первой копны и легъ въ сѣно, поджавъ ноги, стараясь не дышать. Отъ увядающаго сѣна пахло бѣленой и дикимъ лукомъ; Алексѣй Петровичъ задыхался, и вдругъ монашекъ быстро прошелъ мимо, а глаза его словно блеснули синимъ свѣтомъ.

„Вотъ такъ чортъ, — подумалъ князь въ страхѣ, — я пропалъ. Увидитъ или нѣтъ? Прощель, слава Богу... Нѣтъ, опять повернулъ. Обходитъ, какъ звѣря... Только бы не закричать... А, можетъ, опять представляется: я въ каютѣ лежу и вижу сонъ?... Нѣтъ, вотъ земля, вотъ сѣно... А вотъ звѣзды. Милыя звѣзды — я всегда васъ любилъ... Господи, вотъ я сейчасъ вѣрю въ Тебя...“

Алексѣй Петровичъ, схватясь за сердце, подвернулъ голову и застоналъ. А въ это время монашекъ, выйдя изъ-за копны, присѣлъ надъ нимъ и погладилъ по плечу. Съ воплемъ вскинулся князь и тотчасъ

упалъ навзничъ. Широко открытые глаза его были безумны.

— А ты не бойся, — негромко сказалъ монашекъ, — видишь, какъ тебя перекорячиваетъ, зачѣмъ отъ меня прятался, а?

— Не буду больше, — съ трудомъ проговорилъ Алексѣй Петровичъ. — Теперь я вижу, что это ты отъ Иверской. Какъ ты велѣлъ, такъ я и сдѣлалъ...

Монашекъ улыбнулся, а князю опять показалось, будто усики у него раздвинулись, и выскочилъ изъ-подъ нихъ языкъ, какъ у ящерицы, и спрятался...

Князь тотчасъ поднялся и побѣжалъ-было, но монашекъ словилъ его — и, вновь уложивъ на копну, сказалъ:

— Вотъ дурашный, ей-Богу. Нечего дѣлать, поспимъ и на травѣ; а я было сначала норовилъ съ возами устроиться, на возахъ бы и выспались... Ну, ну, подремли, голубчикъ, а я тебѣ спую.

Онъ легъ въ сѣно рядомъ съ княземъ и, немного погодя, запѣлъ на тонкій, протяжный голосъ:

Задремалъ я, маменька,
Въ пору вѣщихъ сновъ.
Видѣлъ—будто по степи
Конь меня разнесъ.
Спала моя шапочка,
Самъ я не живой...
Видно, не уйти мнѣ
Отъ судьбы лихой...
Отвѣчаетъ матушка:
— Чей-то скачетъ конь,
На конѣ невѣста,
Въ бѣломъ убрана,
Въ бѣломъ убрана,
Не твоя-ль жена?

IV.

Когда утреннее солнце забралось под закрытыя вѣки, Алексѣй Петровичъ проснулся и, приподнимаясь на рукахъ, застоналъ—до того всего разломало.

Рядомъ въ сѣнѣ сидѣлъ монашекъ, разложивъ передъ собой на полотенцѣ ножикъ, хлѣбъ и двѣ луковицы.

Бѣлыми зубами онъ грызъ третью луковку, а по рябоватому лицу его, у голубыхъ глазъ и подъ опципанными усами играли смѣшливья морщинки.

— Проща одурь-то, — спросилъ онъ, — на, хлебни, для тебя припасъ, а больше не дамъ, ей-ей.

Онъ снялъ скуфейку, вынулъ оттуда и подалъ Алексѣю Петровичу пузырекъ, гдѣ было на глотокъ теплой водки. Алексѣй Петровичъ взялъ пузырекъ, съ натугой вспоминая, что случилось; когда же хлебнулъ, — память прояснилась, побѣжала быстрѣе кровь; князь поднялся, оправляя измятое платье, потрогалъ шею, натертую воротничкомъ, разстегнулъ его и бросилъ.

— Душѣ легче, — сказалъ монашекъ, — ну, ну, похлебай теперь вольнаго воздуху, — видишь, какой ты желтый.

— Постой, — спросилъ Алексѣй Петровичъ, — ты меня съ парохода увель?

— Я.

— Зачѣмъ? Вѣдь я по дѣлу ѣхалъ.

— Пустяки, какія у тебя дѣла.

— Зачѣмъ же ты меня увель?

— Жить. Чего же другое лѣтомъ дѣлать. А работать, ты не работникъ — хилый и хромой. Вотъ, зимой холодно; зимой, милый, я норовлю въ острогъ попасть. Пачпортъ запрячу, явлюсь и говорю: „Не помнящій, моль, родства и мѣста жительства нѣтъ!“ Меня и кор-

мятъ; а къ веснѣ объявлюсь. Тоже били не разъ за такія дѣла. Такъ-то.

Алексѣй Петровичъ слушалъ внимательно, сдвинувъ брови: неприятнымъ казался ему монашекъ, но была въ его словахъ ясность и сила. „Ну его къ чорту, — думалъ князь. А что дальше, — если и его къ чорту? Опять на пароходъ? Да, куда же ѣхать? И зачѣмъ?... Съ нимъ развѣ пойти? Смѣшно, все-таки, мнѣ, вдругъ, и шататься по дорогамъ.“

— А знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь? — спросилъ вдругъ Алексѣй Петровичъ, прищурясь.

Монашекъ подмигнулъ лукаво.

— Да мнѣ хоть король турецкій, все равно.

„Чортъ знаетъ, ерунда какая, — подумалъ князь, — кажется, дѣйствительно, пойду съ нимъ бродить. Гдѣ-нибудь и сдохну. Король турецкій!“ и онъ сказалъ вяло:

— Ну, расскажи еще что-нибудь... Какъ же мы бродить будемъ?...

Такъ они и пошли по скошенному полю, наврвляясь за дальній лѣсъ, надъ которымъ высоко клубились бѣлыя облака.

Облака медленно выплывали изъ-за лѣса, поднимались надъ полемъ, гоня подъ собою прохладную тѣнь и, обогнувъ небо, ложились кучами у противоположнаго края земли; солнце стояло уже на девятомъ часу, и въ сизой дали играла искрами по всему водному простору синяя рѣка, уходя за мѣловые холмы.

— Поди, меня отсюда выгони, — сказалъ монашекъ, обертываясь къ рѣкѣ, потомъ опять къ лѣсу, — ничего не выгонишь, я, какъ сусликъ, имѣю законное право жить, гдѣ угодно... А знаешь, какъ суслики живутъ?...

И онъ принялся рассказывать, какъ живутъ су-

слики; поймалъ кузнечика и попросилъ у него дегтю; а на вылетѣвшаго изъ-подъ ногъ перепела захлопалъ въ ладоши:

— Вотъ я тебя, кургузый!

Алексѣй Петровичъ шелъ, немного отставая, и щурился; ему начало казаться, что скоро кончится земля, и они пойдутъ по хрустальному воздуху до облаковъ и еще выше, туда, гдѣ только вѣтеръ и солнце.

Скоро онъ усталъ идти и, присѣвъ у дороги, попросилъ ѣсть.

„Удивительно, удивительно, — думалъ Алексѣй Петровичъ, послѣ ѣды ложась навзничь, — небо какое голубое. Пойти и странствовать, въ самомъ дѣлѣ; вѣдь бродятъ же по свѣту люди... Вѣтромъ выдуетъ все лишнее, да, да, — вѣтеръ и облака! А что били меня, такъ и монашка били. Постой, постой, что онъ мнѣ сказалъ у Иверской? Конечно: это странствіе тогда же и началось, и свобода эта, и легкость, и весь міръ, какъ хрустальный. Удивительно — ничего не помнить, ни къ чему не привыкать“...

Къ вечеру они вошли въ лѣсъ, а ночевали на соломѣ въ клѣтѣ у бабы, которая спросила только: „А вы не жулики будете?“

Утромъ они опять побрели въ поля. Съ обѣихъ сторонъ волнилась спѣющая рожь, и въ нее изъ-подъ ногъ прыгали кузнечики. Алексѣй Петровичъ сталъ жаловаться на ноги; монашекъ снялъ съ него башмаки, спряталъ въ мѣшокъ, а ноги князю обмоталъ шерстяными онучками, — въ нихъ идти было легко и мягко. Алексѣй Петровичъ дѣлалъ все, что говорилъ ему монашекъ, и, прихрамывая съ палочкой, шелъ и думалъ, что вся жизнь теперь осталась позади въ той желтой каютѣ, а здѣсь передъ лицомъ только вѣтеръ шумить по хлѣбу, ходять вдалекѣ столбы пыли, на межѣ —

телѣга, и около нея дымокъ, а за сизой, волнующейся, какъ призрачное море, далью, невидимая отсюда, живеть прекрасная Катя...

— Знаешь, у меня здѣсь сестра живетъ, зовуть — Катя, — сказалъ однажды князь, лежа во ржи и поглядывая, какъ въ небѣ надъ головой покачиваются золотые колосья.

— И къ ней, и къ ней зайдёмъ, — отвѣтилъ монашекъ, — лѣто долгое, а человекъ, милый мой, подобенъ облаку, — сказано — возьми посохъ и ходи: чтобы ты къ дому не привыкалъ, не набирался подлости.

Но Алексѣй Петровичъ не дослушалъ до конца этого разсужденія; онъ повторялъ только про себя, что „къ ней и къ ней“ они зайдуть и непременно вмѣстѣ.

Монашекъ избѣгалъ большихъ сель, гдѣ живутъ становой или урядникъ, и князю приходилось ночевать то въ оврагѣ, гдѣ поутру надъ головой кричатъ острокрылые стрижи, то на гумнахъ хуторовъ, или подъ телѣгой, въ полѣ.

И дивился самъ себѣ Алексѣй Петровичъ, почему не противно ему ни вшей, ни грязи, ни конскаго навоза, когда, усталый, валился онъ куда ни попало, и на утро вставалъ веселый и свѣжій.

Повсюду путниковъ принимали попросту, не спрашивали, кто они, а больше слушали разсказы монашка и понимали ихъ по-своему: кто засмѣется, не повѣривъ, кто подивится, какъ свѣтъ великъ, кто только головой покачаетъ, а баба какая-нибудь вздохнетъ, сама не зная отчего. Князя называли „баринокъ“ и жалѣли, и Алексѣй Петровичъ удивлялся также, какъ много этой жалости на свѣтѣ у простыхъ людей.

— Много такъ-то нашего брата по дорогамъ шляется, — однажды сказалъ монашекъ. — Живеть чело-

вѣкъ, все у него есть, а скучно. Я самъ черезъ это прошелъ. Водку пилъ, ужаси. Лежу, бывало, на полу, около меня четверть и стаканъ, не ѣмъ ничего; только пью, и весь черный. До того допился, видѣть сталъ — лѣзетъ изъ-подъ кровати лошадь съ рогами, морда птичья, а сама голая. Долго я маялся. Многое было. А другой до этого дойдетъ, и — бацъ себя изъ пистолета — здорово живешь! Сколько ихъ на себя руки накладываютъ. А то съ тоски есть которые и людей рѣжутъ, ей-Богу. Представится ему, что ужю, какъ и сегодня будетъ: поѣсть, поспитъ и помретъ потомъ. Остается, — блудить безъ ума, чтобы проняло, какъ иглой — блудомъ. Отчего же въ такомъ положеніи человѣка ножомъ не пырнуть? — очень просто, коли захотѣлось до смерти. Ну, а иные, которымъ себя-то ужъ больно жалко, уходятъ. Не мало и я увелъ. Со мной прошлое лѣто, въ родѣ тебя, товарищъ бѣгалъ. Походилъ, походилъ, а потомъ взялъ да на себя и донесъ въ убійствѣ.

— Вѣрно, все это вѣрно, — отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ (разговаривали они подъ прошлогоднимъ ометомъ, на пригоркѣ, глядя внизъ на село, обозначившее темную линію крышъ, скворешенъ и трубъ на закатѣ), — я вотъ, кажется, понимаю теперь, зачѣмъ хожу. Можетъ быть, чище стану и тогда... — онъ вдругъ замолчалъ, отвернулся и глаза его наполнились слезами; чтобы скрыть волненіе, онъ окончилъ, тихо смѣясь, — а вѣдь ты весь вѣкъ бродишь, какъ лодырь, настоящій лодырь.

— Я считаю за пустяки подобные разговоры, — отвѣтилъ монашекъ, — всякому свое; бываютъ и такіе, что, сидя у себя на стулѣ, большое веселье чувствуютъ; а есть и такіе, что по городу на извозчикѣ съ гармоньей ѣздятъ и тоже много веселятся. Не это

плохо, а то, что у человѣка муть въ головѣ. А я, можетъ-быть, тоже отъ своей совѣсти бѣгаю? Ты почему знаешь?

На десятыя сутки подошли они опять къ Волгѣ. Послѣ разговора подъ ометомъ не пѣлъ больше монашекъ пѣсенъ, а все думалъ, глядя подъ ноги. Думалъ и Алексѣй Петровичъ, ясно и радостно. Казалось ему, что все прошлое было навожденіемъ, какъ душный бредъ, а вотъ сейчасъ онъ идетъ во ржи, подъ солнцемъ и любить, любить въ жизни своей въ первый разъ...

Въ прирѣчномъ селѣ, въ тридцати верстахъ отъ Милаго, монашка задержалъ урядникъ, а у князя посмотрѣлъ паспортъ, покачалъ головой, и сказалъ:

— Ну, ладно, ступай. Только у насъ не разрѣшается безъ ремесла гулять... Да смотри, сукинъ сынъ, если еще попадешься.

Алексѣй Петровичъ взялъ паспортъ и ушелъ за село въ дубовую рощу, на рѣчной берегъ. Когда настала ночь, на той сторонѣ по горамъ, какъ звѣзды, засвѣтились огни губернскаго города.

Тишина въ рощѣ, шелестъ и шорохъ рѣки, и эти мигающіе огни были знакомые, и кроткіе. Лежа въ темнотѣ, на травѣ, Алексѣй Петровичъ плакалъ, думая:

„Милая Катя, родная моя жена“.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ

I.

Вечеромъ слѣдующаго дня у гостиницы Краснова, гдѣ помѣщался городской театръ, былъ большой разѣздъ... Дождикъ смочилъ асфальтовый тротуаръ, освѣщенный матовымъ фонаремъ, и изъ подъѣзда, какъ въ трубу, валилъ народъ, раздѣляясь на тротуаръ — кто спѣшилъ домой, кто въ ресторанъ, кто оставался еще поглядѣть на дамъ и на барышень.

Помѣщики, изъ медвѣжьихъ угловъ, распахивали публику крутыми локтями, говоря: „виновать-съ“; помѣщики-земцы вѣжливо сторонились, толкуя объ идеѣ пьесы; когда вышелъ предводитель, образецъ англійскаго воспитанія, соединеннаго съ дородностью, швейцаръ, покинувъ двери, крикнулъ отчаянно: „Коляску!“

Чиновники, стоя по бокамъ подъѣзда, съ любопытствомъ разглядывали знать; гимназисты, въ картузахъ прусскаго образца, сбились у самыхъ дверей, чтобы видѣть лучше барышень, а знаменитой актрисѣ, которая давала спектакль, крикнуть „бисъ“.

Дамы и барышни, чиновницы и купчихи, накинувъ шарфы и шали, ступали, приподнимая юбки, на сырой тротуаръ...

Наконецъ, въ дверяхъ появились Волковъ и Катя.

— Краснопольская, Краснопольская, — зашептали гимназисты, а Муштинкинъ — чиновникъ малаго роста

и съ четырехвершковыми усами — шарахнулся даже какъ-то изъ-подъ Катиныхъ ногъ, задравъ голову...

Дѣйствительно, Катенька была необычайно красива въ бѣломъ пальто и маленькой шапочкѣ изъ фіалокъ; матовое, какъ слоновая кость, лицо ея было строго, ротъ презрительно сложенъ, а глаза пылали — лихорадочные и большіе.

Катеньку взволновала пьеса, гдѣ каждое слово было написано о ея прошломъ; мужчины изъ ложъ и партера, какъ нарочно, глядѣли на Краснопольскую нагло и безсовѣстно, а теперь она презирала такіе взгляды.

Швейцаръ, снявъ картузь, спросилъ Волкова: „Ваше превосходительство, какъ закричать?“

— Кричи, братецъ, Петра, да погромче, — отвѣтилъ Волковъ; и швейцаръ гаркнулъ на всю площадь: „Пет-а-а-р-р-ъ, тройку!“

Ступая въ коляску, вслѣдъ за отцомъ, Катенька задѣла платьемъ за мѣдную скобку и обернулась. „Катя!“ услышала она голосъ неподалеку, вздрогнула, взглядѣлась, потомъ сейчасъ-же, поднеся ладонь къ глазамъ, опустилась въ глубокое сидѣнье, и лошади тронули.

У фонаря стоялъ князь — оборванный, безъ шапки и въ опоркахъ. Вытянувъ шею, глядѣлъ онъ на уѣзжавшую коляску и цвотворялъ одно слово: — Катя...

— Что стоишь? пошелъ, пошелъ, — сказалъ ему городовою. Князь отвернулся и увидѣлъ Цурюпу, который съ неистовымъ любопытствомъ глядѣлъ на него въ лорнетъ.

— Князь, что за маскарадъ? — воскликнулъ Цурюпа, схватывая Алексѣя Петровича подъ руку, затѣмъ крикнулъ свой кэбъ и, сколь князь ни вырывался,

бормоча: „Такъ нужно, оставьте, я не хочу“, силой посадилъ его въ лакированный экипажъ и велѣлъ гнать подъ гору, чтобы съ послѣднимъ паромомъ попасть за рѣку... Алексѣй Петровичъ сейчасъ же притихъ, согнувшись и на вопросы отвѣчалъ коротко, сдерживаясь только, чтобы не стучали зубы отъ неудержимой дрожи. Князь понялъ: Цурюпа и всѣ, конечно, естественно и просто сдѣлають то, на что самъ онъ никогда бы не отважился.

— Преглупая вещица, скажу тебѣ, — покачиваясь въ коляскѣ, говорилъ Волковъ дочери, — не понимаю, о чемъ кричать, я даже вздремнулъ. А тебѣ, душа моя, не надо бы волноваться; ты не устала?

— Нѣтъ, нѣтъ, папочка, — сжимая незамѣтно руки, отвѣтила Катя, — только мнѣ не хочется ночевать въ городѣ, поѣдемте домой.

— Ты прямо, Катя, безъ ума; насъ тетка Ольга съ ужиномъ ждетъ. Какъ можно обидѣть старуху? Ну, ну, не волнуйся, перекусимъ, извинимся дѣлами какими-нибудь и уѣдемъ. Ахъ, Катенька, не понимаю я теперешнюю молодежь. Суета у васъ въ головѣ, вертуны. Раньше проще жили.

II.

Недаромъ упомянулъ о „вертунахъ“ Александръ Вадимычъ, или „вертижѣ“, какъ выражалась тетка Ольга. Туго пришелся Волкову тотъ годъ. Катенька прохворала всю зиму, а едва поправилась, какъ проговорился ей нечаянно Кондратій, что докторъ утонулъ тогда въ полыньѣ, и у Катеньки въ головѣ на-

чался „вертижъ“. Александръ Вадимычъ даже уйти хотѣлъ одно время къ чорту, до того стало ему это несносно.

По ночамъ Катенька, полураздѣтая, приходила къ отцу; дрожа, вглядывалась въ темные углы, садилась на диванъ, подбирала ноги и не двигалась, уставясь на свѣчу. Потомъ по лицу ея проходили судороги, и она начинала биться, стиснувъ зубы, и рассказывала отцу въ сотый разъ все, что случилось въ ту ночь. Чтобы какъ-нибудь сдвинуть ее съ этихъ рассказовъ, Александръ Вадимычъ придумалъ и сказалъ дочери: „Григорій-то Ивановичъ не самъ, по-моему погибъ, и ты тутъ не причемъ: такъ ему было назначено, обречено.

— Что ты говоришь? — словно вся затрепетавъ, спросила Катенька. — Обреченный? Значить, онъ — жертва?

И вдругъ она успокоилась. И однажды заговорила о князѣ, просто, съ одною горькой усмѣшкой на губахъ. Александръ Вадимычъ выругался. Она разговора не продолжала, но, должно быть, много думала, догадывалась о чемъ-то. Настала весна. Александръ Вадимычъ крикнулъ и сталъ вывозить дочь въ свѣтъ.

По-другому отозвалось несчастье это на Сашѣ. Когда Григорій Ивановичъ уѣхалъ съ княгиней, Саша поняла, что онъ не вернется больше. А если и пріѣдетъ на-утро, то чужой. Поняла она также, что ея жизнь съ докторомъ была не вѣрной, и еще тогда на огородѣ надо было бы не поддаться и уйти. Лежа за перегородкой, она думала, какъ одѣнетъ старушечій сарафанъ, подвяжетъ лапти и побредетъ по дорогамъ, прося Христовымъ именемъ, и умилится на доброту

людей. Саша чуяла, что не въ страсти и не въ злобѣ будетъ она жить, какъ теперь, а въ постоянномъ этомъ умиленіи передъ небомъ, передъ землей и передъ людьми. Все будетъ кроткимъ и незлобивымъ.

На разсвѣтѣ въ дверь постучались... Саша вся сначала задрожала, какъ осиновый листъ, потомъ оправилась и пошла отпирать. Въ избу вошелъ о. Василій, перекрестился, взглянулъ строго и сказалъ: „Утопъ онъ, утонулъ, Григорій-то Ивановичъ“. Саша наклонила голову, молвила: „Господи помилуй“, осѣнила себя крестомъ и сѣла на лавку — ноги не сдержали. О. Василій рассказалъ все, что ему передалъ Колыванскій мужичокъ, выручавшій вмѣстѣ съ княжескими рабочими княгиню изъ полыни. Саша выдержала спокойно рассказъ и сказала подъ конецъ: „Вотъ тебѣ, отецъ, деньги, отслужи панихиду по рабу Григорію, не утопъ онъ самъ, а его утопили“.

Всю зиму прожила Саша въ избѣ, такъ же ходила за скотиной, смотрѣла, чтобы все было чисто и въ порядкѣ, по вечерамъ присаживалась къ столу и глядѣла на книжки, которыя любилъ Григорій Ивановичъ; когда же очень сильно свистѣла вьюга на крышѣ, сдвигала Саша брови, зная, что не вьюга это воетъ, а плачетъ непокаянная душа Григорія Ивановича.

По веснѣ она ушла изъ села, подвязавъ по-монашечьи ситцевый, черный платокъ, и съ тѣхъ поръ никто ее не встрѣчалъ.

III.

Сколько отецъ ни подмигивалъ круто, а тетка Ольга ни уговаривала, Катенька настояла, чтобы сейчасъ-же послѣ ужина ѣхать домой. На разсвѣтѣ она уже сидѣла въ своей постели, разбитая и переволнованная, до-

жидаясь, когда придетъ Кондратій, прибиравшій Александра Вадимыча ко сну.

Катенькѣ всегда казалось, что князь еще устроить ей какую-нибудь послѣднюю обиду, она ждала этого и готовилась къ защитѣ. Въ ея представленіи онъ всегда появлялся издѣвателемъ, она — безвинно обиженной. Вѣрнѣйшая защита была, конечно, — выказать равнодушіе, презрительное, „ледяное“ спокойствіе при встрѣчѣ. Но сейчасъ всѣ эти глупыя выдумки нигде негодились.

Князь, оборванный, несчастный, худой, смутилъ ея воображеніе, разжегъ любопытство. Онъ былъ не торжествующій, не издѣватель, а просилъ милости, умолялъ, словно ея взглядъ былъ для него жизнью, или смертью... Такъ ей казалось теперь. И сердце разрывалось отъ горя; и всего страннѣе, что не чувствовала Катенька, — хотя и хотѣла, — злой, какъ прежде, обиды.

Наконецъ, пришелъ Кондратій, притворилъ осторожно дверь и спросилъ таинственно:

— Что угодно-съ?...

— Кондратій, я видѣла князя... (Кондратій только кашлянулъ)... Я ничего не понимаю... Онъ просилъ милостыню... Несчастный, худой... Убилъ онъ, что ли, кого-нибудь?... Почему скрывается.

— Очень просто и убилъ, — сказалъ Кондратій.

— Ради Бога, ничего не говори папѣ. Сейчасъ-же поѣзжай въ Милое, или въ городъ... куда хочешь...

— На минуту голосъ ея оборвался... — Увидишь его — не говори, что я послала... Ахъ, все равно — скажи что хочешь... Только бы не мучилъ онъ больше меня...

Кондратій ушелъ. Катенька сидѣла на кровати, глядя, какъ солнце сквозь листву положило отблески

на старый паркетъ. Въ саду, за раскрытымъ окномъ, свистѣла иволга, гуллилъ голубь, чиликали воробьи, садъ былъ еще въ росѣ, пышный и зеленый. Въ комнатѣ о верхнее звено окна, не догадываясь опуститься ниже, билась глупая муха. Мухѣ казалось, должно быть, что голубое небо за ея носомъ, скользящимъ по стеклу, и деревья, и бѣлыя, какъ цвѣты, бабочки и птицы и роса — только сонъ, куда проникнуть можно, лишь забившись головой до смерти.

— Какъ надоѣла муха! — сказала Катенька, соскользнула съ постели и, полотенцемъ ударяя по стеклу, выгнала муху въ садъ, потомъ заложила руки за спину и принялась ходить...

Въ ея памяти прошелъ весь этотъ тяжелый, страстной годъ жизни. Все было безотраднo. Но сейчасъ ни безнадежности, ни боли не чувствовала она, вспоминая. Словно, все что было, — завершилось и отошло въ туманъ, въ сладкую печаль. Осталось чувство свободы и той необъяснимой радости, которая бываетъ еще у очень молодыхъ, сильныхъ и страстныхъ людей.

Катенька крѣпко провела ладонями по лицу и по глазамъ, встряхнула головой и вдругъ, съ необычайной ясностью, заглянула въ самую глубь души.

А, заглянувъ, забылась, нѣжно усмѣхнулась, ясная и свѣжая:

— Ну, что-же, — проговорила она, — я готова.

IV.

Въ Миломъ вся прислуга княжескаго дома собралась на кухнѣ, слушая, какъ лакей Василий разсказывалъ о его сіятельствѣ князѣ, неожиданно прибывшемъ этой ночью неизвѣстно откуда.

— Вижу я — бродяжка лѣзетъ въ домъ, я ему: куда, небритая морда? А онъ кланяется: „Здравствуй, говоритъ, Василій. Ну, что у насъ — все благополучно?“ Обмеръ я — вижу онъ. А на немъ одежда хуже, какъ у нашего пастуха Ефимки. Ну-съ, повелъ я его наверхъ, въ спальню. Онъ на кресло показываетъ: „Здѣсь, спрашиваетъ, барыня сидѣла?“ Сидѣла, отвѣчаю, вездѣ сидѣла. А онъ на кресло глядитъ, будто оно — баба. Я едва со смѣху не лопнулъ. „Теперь, говоритъ, уйди, я самъ справлюсь, да приготовь ванную“. А я въ щель вижу: — вотъ до чего онъ дошелъ, — легъ на барынину кровать и подушки обнимаетъ. Наголодался. Общипали его въ городѣ разныя мадамки. Сейчасъ спитъ, сутокъ двое проспиртъ, если не будить. Да-съ, жилъ я на многихъ мѣстахъ, а такихъ чудесъ еще не видалъ.

Василій одернулъ жилетъ съ двумя цѣпочками, досталъ княжескій (дареный) портсигаръ, закурилъ и завернулъ нога за ногу:

— Какъ онъ теперь съ княгиней раздѣляется — не знаю. Очень будетъ ему трудно. Большія будутъ чудеса.

На кухнѣ всѣхъ грызло любопытство; прибѣгали и изъ людской слушать Василю; а князь все спалъ. И вдругъ съ чернаго хода появился Кондратій, въ пыли, хмурый, и спросилъ отрывисто:

— Князь пріѣхалъ?

— Пріѣхать-то онъ пріѣхалъ, — отвѣтилъ Василій, — да будить не приказано.

— Ну, нѣтъ, придется разбудить.

Кондратию пришлось долго покашливать около двери въ спальню, постукивать пальцемъ. Наконецъ, князь проговорилъ спросонокъ: „Что? Встаю, да, да“... И, должно быть, долго сидѣлъ на постели, при-

ходилъ въ себя, потомъ инымъ уже голосомъ сказалъ:
„Войдите“.

Кондратій, поджавъ губы, вошелъ. Алексѣй Петровичъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него, потомъ соскочилъ съ постели, подбѣжалъ, усадилъ его на стулъ, и такъ поблѣднѣлъ, такъ затрясся, что старый слуга забылъ всѣ обидныя слова, какими хотѣлъ попочевать его сѣятельство, отвернулся, пожевалъ ртомъ и сказалъ только:

— Княгиня приказали спросить о здоровьи. Сами они едва по зимѣ не померли. А васъ видѣтъ не желаютъ нипочемъ.

— Кондратій, она сама тебя послала? — князь схватилъ его за руку.

— А вы сами понимаете. Мнѣ нечего вамъ отвѣчать, когда поступили безчестно. Приказано спросить о здоровьи, и больше ничего.

Князь долго молчалъ. Потомъ, облокотясь о столикъ, заплакалъ слезами. Сердце перевернулось у Кондратія, но онъ, все-таки, сдержался: „Вотъ, все-съ“. И попятился къ двери.

— Не уходи, подожди, — проговорилъ князь, потянувшись черезъ столикъ, — я напишу...

И онъ, брызгая ржавымъ перомъ, принялся писать дрожащими буквами:

„Милая Катя... (онъ зачеркнулъ)... Я ничего не прошу у васъ, и не смѣю... Но вы одна во всемъ свѣтѣ, кого я люблю. У меня былъ спутникъ, онъ теперь въ тюрьмѣ, онъ научилъ меня любить... Когда я думаю о васъ — душа наполняется свѣтомъ, радостью и такимъ счастьемъ, какого я никогда не зналъ... Я понимаю, что не смѣю видѣтъ васъ... Все-же, — простите меня... Если вы можете простить... я приду на колѣняхъ...“

Къ вечеру въ Волково пріѣхалъ Цурюпа (онъ частенько сталъ наѣзжать за это лѣто), прошелъ прямо въ кабинетъ къ Александру Вадимычу и, ужасно возмущенный, сталъ рассказывать о князѣ. Но Волковъ обрѣзалъ гостя: „Знаю все-съ, считаю большимъ несчастьемъ и самъ даже посѣдѣлъ, а объ стрикулиствѣ прошу мнѣ больше не папоминать-съ“. И, подойдя къ окну, перевелъ разговоръ на сельское хозяйство.

Въ это время на дворъ вѣхалъ Кондратій на двуколкѣ.

„Куда это старый хрѣнъ мотался?“ — подумалъ Волковъ и, перегнувшись черезъ подоконникъ, закричалъ:

— Ты откуда?

Кондратій покачалъ головой и, подѣхавъ къ окну, объяснилъ, что привезъ письмо для барыни. „Угу!“ — молвилъ Волковъ и, закрывъ окно, пошелъ въ Катину комнату, а Цурюпа, разглядывая чучела на стѣнѣ, впалъ въ необыкновенное волненіе, догадываясь, что письмо отъ князя.

Но не прошло и минуты, какъ вбѣжалъ Волковъ, тяжело дыша, красный и свирѣпый.

— Чернилъ нѣтъ! — закричалъ онъ, толкая чернильницу, — куда карандашъ завалился? — И, схвативъ быстро подсунутый карандашъ, съ размаха написалъ: „М. Г.“ — на томъ листѣ бумаги, гдѣ на оборотной сторонѣ, годъ назадъ, были нарисованы заяцъ, лиса, волкъ и собачки, потомъ откинулся въ креслѣ и отеръ потъ. Цурюпа спросилъ осторожно:

— Что случилось? Посвятите меня, не могу ли помочь?

— Вѣдь это наглость! — заоралъ Александръ Вади-

мычь, — нѣтъ, 'я отвѣчу. Вотъ пошлый человѣкъ! „М. Г., не нахожу словъ объяснить столь дерзкій поступокъ“, — написалъ онъ. — Понимаете ли, просить извиненія, письмецо прислалъ, будто ничего не случилось. Вотъ я отвѣчу: „Моя дочь не горничная, чтобы ей посылать записки. Не угодно ли вамъ, дѣйстви-тельно, на колѣняхъ (онъ подчеркнулъ) прійти и все-нижайше подъ ея окномъ просить прощенія...“

— О, не слишкомъ ли рѣзко? — сказала Цурюпа, съ моноклемъ въ прыгающемъ глазу, читая черезъ плечо Волкова, — хотя такихъ нечуткихъ людей не проймешь иначе. Я бы посовѣтовалъ передать дѣло адвокату. А что съ Екатериной Александровной? Раз-строена она?...

— Что! — заоралъ еще шибче Волковъ, — плачешь конечно. Да вамъ-то какое дѣло? Убирайтесь отсю-да къ чертямъ.

Но Катенька не плакала. Ожидая, когда вернется Кондратій, она то стояла у окна, сжимая руки, то садилась въ глубокое кресло, брала книгу и читала все одну и ту же фразу: „Тогда Юрій, полный благо-роднаго гнѣва, поднялся во весь свой ростъ и восклик-нулъ: — никогда въ жизни“. Откладывала книгу и повторяла про себя: „Нужно быть твердой, нужно быть твердой“. А мысли уже летѣли далеко, и опять она видѣла электрической шаръ, подъ нимъ, на мок-ромъ асфальтѣ, жалкаго человѣка, и его глаза — огромные, безумные, темные... Катенька закрывала ладонью лицо, затѣмъ поднималась и опять ходила, брала книгу, читала: „Тогда Юрій, полный благород-наго гнѣва“... Боже мой, Боже мой, а Кондратій все не ѣхалъ, и день тянулся, какъ годъ.

Наконецъ, по коридору раздались грузные шаги отца, дверь съ трескомъ распахнулась и вошли Кондратій и Александръ Вадимычъ съ письмомъ...

Катенька побѣлѣла, какъ полотно, и сжала губы. Отецъ разорвалъ конвертъ и сунулъ ей листикъ. Она медленно стала читать. И, не дочитавъ еще до конца, поняла все, что чувствовалъ князь, когда царапалъ эти жалостныя каракули. На душѣ у нея стало тихо и торжественно. Она передала письмо отцу. Онъ быстро пробѣжалъ его и спросилъ перемякшимъ отъ волненія голосомъ:

— Сама отвѣтишь?

— Не знаю. Какъ хочешь. Все равно...

— Ну, тогда я отвѣчу, — рывкнулъ Александръ Вадимычъ, — я ему отвѣчу... Пускай на колѣнкахъ ползеть... Хвалится — на колѣнкахъ приползти... Ползи!

— Его сіятельство не въ себѣ-съ, — осторожно вставилъ слово Кондратій, — они весьма разстроены...

— Молчать! Я самъ знаю, что дѣлать! — еще громче заревѣлъ Александръ Вадимычъ, сунулъ письмо князя въ штаны и выбѣжалъ изъ комнаты...

Катенька воскликнула: „Папа, нѣтъ, я сама... Подождите!“ И побѣжала было къ двери, но остановилась, опустила руки: „Все равно, Кондратій, пусть будетъ, что будетъ“.

— Приползуть, на колѣняхъ за тобой приползуть, — сказала Кондратій, — они въ такомъ состояніи, что приползуть-съ.

Письмо отправили князю на другой день, чуть свѣтъ. Катенька знала, что написалъ отецъ, но сердце ея было спокойно и ясно.

VI.

Съ утра поползли сѣрыя, какъ дымъ, облака на Волково, отъ хлѣбовъ и травы шелъ густой запахъ, вертѣлись по дорогамъ столбы, уходя за гору, погромыхивалъ громъ, поблескивало, а дождь все еще не капалъ, собираясь, должно быть, сразу окатить крышу, и садъ, и поля теплымъ ливнемъ.

Въ мезонинномъ окнѣ барскаго дома, надъ крыльцомъ, за вѣтками березы, сидѣлъ Александръ Вадимычъ съ подозрною трубкой, и, закрывъ одинъ глазъ, глядѣлъ на дорогу.

Дворовые мальчишки залѣзли на крышу каретника, и глядѣли туда же, гдѣ дорога, опоясывая горку, пропадала между хлѣбовъ.

Въ раскрытыхъ воротахъ каретника стоялъ сѣрый жеребецъ, запряженный въ шарабанъ. Кучеръ сидѣлъ тутъ же у стѣны, на бревнѣ, похлопывая себя по сапогу кнутовищемъ. Скотница, выйдя изъ погреба, поставила ведро съ молокомъ на траву и тоже принялась всматриваться, сложивъ подъ запаномъ руки.

Пріѣхалъ мужикъ на телѣгѣ, снялъ шапку, поклонился барину въ окошкѣ и слѣзъ, стоялъ неподвижно.

Катенька, одѣтая, лежала на постели, зарывшись головой въ подушки. Нарочный, возившій въ Милое письмо, прискакалъ съ отвѣтомъ, что князь уже ползъ.

Часа три назадъ навстрѣчу ему выѣхалъ Кондратій. Сейчасъ, по расчѣту Александра Вадимыча, князь долженъ былъ влѣзть на песчаную гору, откуда начинаются прибрежные тальники, и куда даже лошади съ трудомъ втаскиваютъ экипажъ.

Вдругъ мальчишки на крышѣ закричали: „Идетъ, идетъ!“ Волковъ, шлепая туфлями, поспѣшилъ къ до-

чери. Но Катенька была уже на крыльцѣ. Косы ея развились и упали на спину. Обхвативъ колонну на крылечкѣ, она пронзительно глядѣла на дорогу, въ даль.

Мужикъ, стоявшій у телѣги, спросилъ скотницу:

— Тетка, губернатора, что ли ждутъ?

— Кто его знаетъ, можетъ и губернатора, — отвѣтила баба, подняла ведро и ушла.

На дорогѣ изъ-за горки появился пѣшій человекъ, и мальчишки опять закричали съ крыши:

— Женщина, женщина идетъ, нищенка...

Тогда Катенька оторвала руки отъ колонки, сошла на дворъ и крикнула: „Скорѣе, лошадь!“

Сѣрый жеребецъ съ грохотомъ вылетѣлъ изъ каретника. Катенька вскочила въ шарабанъ, вырвала у кучера вожжи, хлестнула ими по жеребцу и умчалась, — подняла пыль.

Облако пыли долго стояло надъ дорогой, потомъ завернулось въ столбъ, и побрелъ онъ по полю, пугая суетвѣрныхъ, — говорятъ, что, если въ такой бродячій вихрь бросить ножомъ, столбъ разсыплется, а на ножѣ останется капля крови.

На песчаной горѣ, поднимающейся изъ тальниковыхъ пусторослей, на серединѣ подъема, стоялъ на колѣняхъ Алексѣй Петровичъ, опираясь о песокъ руками. Голова его была опущена, съ лица лилъ потъ, горло дышало со свистомъ, жилы на шеѣ напряглись до синевы.

Позади его, держа за уздечку рыжаго мерина, который моталъ мордой и отмахивался отъ слѣпней, стоялъ Кондратій, со вздохами и жалостью глядѣлъ на князя.

Слѣпни вились и надъ Алексѣемъ Петровичемъ, но Кондратій не допускалъ ихъ садиться.

— Батюшка, будетъ ужъ, встаньте, вѣдь горяща, — говорилъ онъ. — Я на мерина васъ посажу, а какъ Волково покажется, — опять вашимъ манеромъ ползете — тамъ подъ горку.

Алексѣй Петровичъ съ усиленіемъ выпрямилъ спину, выбросилъ сбитое до запекшихся ссадинъ колѣно, въ разодранной штанинѣ, быстро проползъ нѣсколько шаговъ, и вновь упалъ. Лицо его было сѣрое, глаза полузакрыты, ко лбу прилипла прядь волосъ и рѣзко обозначились морщины у рта.

— А ползти то вѣдь еще сколько, — повторялъ Кондратій, — садитесь на мерина, Христомъ Богомъ прошу... — Съ тоской онъ взглянулъ на песчаную гору, и, вдругъ, обмеръ.

Оттуда, хлеца вожжами сѣраго жеребца, мчалась Катенька. Она уже увидѣла мужа, круто завернула шарбанъ, выпрыгнула на ходу, подбѣжала къ Алексѣю Петровичу, присѣла около и торопливо руками стала приподнимать его лицо. Князь вытянулся, крѣпко схватилъ Катеньку за руку и близко, близко сталъ глядѣть въ ея родные, полные слезъ, изумительные глаза...

— Люблю, люблю, конечно, — сказала она, и помогла мужу подняться.

Типографія Оскаръ Брандштеттеръ, Лейпцигъ
